III. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АДЫГОВ

Глава 1. Культура первичного производства (КПП)

1.1. Культура земледелия

Под влиянием Кавказской войны в историко-этнографической литературе XIX в. сложились взаимоисключающие взгляды на уровень и особенности хозяйственного развития адыгов. Н.Ф. Дубровин, Д.Г. Анучин, Ф.А. Щербина и др. изображали их как народ, существующий за счет воровства, разбоя и военной добычи (70, с.50-53).

Э. Спенсер отмечал, что такие представления “являются преднамеренно ошибочными” (292, с.89). “С первого же момента, - писал он, - когда открылись передо мною черкесские долины, вид страны и населения превзошел самое пылкое мое воображение. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных холмов, почти ни одного клочка земли некультивированного, огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродило в разных направлениях по колено в траве”. В другом месте Спенсер следующим образом описывает свои впечатления от поездки вдоль черкесского побережья Черного моря: “Где бы ни блуждал взгляд – по крутым ли склонам гор, часто поднимающимся здесь на высоту 5000 футов, или вдоль откосов глубоких долин, везде раскидывался красивый парк-поля, зеленеющие пастбища и луга, окруженные изгородью, показывающие руку искусного крестьянина…” (70, с.66).

Дж. Белл, проезжая в мае 1837 г. по горным долинам Черкесии, описывал лес, “среди которого встречались жилища с роскошными хлебными полями”. “Хлебные посевы, - писал он, - на некоторых из них… достигают, я уверен, шести футов высоты…”. Земледелие “было здесь таким общим делом, и поля были так чисты от сорных трав и хорошо огорожены, что я мог бы подумать < … >, что нахожусь в одном из наиболее культивированных районов Йоркшира” (4, с.472). Пересекая земли шапсугов и натухайцев, Дж. Белл и Дж. А. Лонгворт видели многочисленные аулы, окруженные великолепно возделанными полями, которые нельзя было по качеству обработки отличить от сельскохозяйственных районов их родины. Восхищаясь ухоженностью ландшафта горной и причерноморской Черкесии, Лонгворт неоднократно восклицал: “Как это напоминает Англию!” (70, с.66).

Приведем еще одно свидетельство автора, побывавшего во внутренних районах Западной Черкесии в начале XIX в. «Когда наступило утро, - пишет Э. Кларк, - перед на-

ми развернулось великолепное зрелище богатой страны… Нечто вроде Южного Уэльса или лучших частей Кента; изящные холмы, покрытые деревьями, и плодородные долины, обработанные как сад” (70, с.67).

Лишь по завершении Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе стали проводиться специальные агрономические исследования. Их результаты убедительно опровергали сложившиеся прежде предрассудки об особенностях КПП в Черкесии. К тому времени, когда культура хозяйствования и природопользования адыгов стала изучаться специалистами, подавляющее большинство ее носителей было вынуждено покинуть традиционную область проживания, а их навыки оказались навсегда утраченными. Поэтому для выяснения свойственной им системы земледелия потребовалась комплексная реконструкция аграрного хозяйства ушедшего населения. Выдающийся российский агроном, И. Клинген, специально изучавший этот вопрос, пришел к выводу, что адыгский народ за свою многовековую историю “народ этот имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культу” (70, с.91).

В классическую эпоху Черкесии в рамках адыгского этнического массива сложился единый хозяйственно-культурный тип, основанный на сочетании пашенного земледелия с отгонным скотоводством, которые дополнялись птицеводством, пчеловодством, садоводством и овощеводством. Соотношение основных отраслей хозяйства было различным у «равнинных» и «горных» адыгов.

Систему земледелия в горной части Западной Черкесии, позволявшую десятилетиями эксплуатировать горные участки без ущерба для плодородия почвы, И.Н. Клинген определил как “лесо-хлебную” (157, с.41), подчеркнув тем самым ее специализацию на зерновом производстве и максимальную приспособленность к естественно-географическим условиям.

По сведениям многих русских и иностранных авторов первой половины XIX в., речные долины этой области Черкесии были густо заселены и прекрасно обработаны, а интенсивность местного земледелия, садоводства и огородничества позволяла многочисленному населению располагать свои компактные аулы на небольшом расстоянии друг от друга. Высотная поясность, изобилие заболоченных мест в поймах рек и высокая плотность населения требовали особой гигиены жизнедеятельности. Черкесы, прекрасно понимая вредность размещения посевов “в самых нездоровых местах, на дне долин и котловин” (157, с.47), располагали обрабатывавшиеся угодья на склонах гор. В целом, оценивая принципы организации земледелия, И. Клинген отмечал: “Выбор мест для жилища, поль-

зование водой, распределение работ во времени дня и по времени года – все возбуждает удивление гигиенистов” (157, с.3).

Для обработки земли в горной Черкесии использовались мотыга и легкое рало с однопарной упряжкой волов, лишь по необходимости – тяжелый плуг, и не употребляли бороны, практически не нуждаясь в ней. Неглубокая обработка земли объяснялась тем, что здесь черноземный пласт был достаточно тонким. Таким образом, культивируя только наиболее плодородный слой почвы, местное население добивалось лучшей урожайности, предотвращая эрозию почвы, опасность которой была весьма высока в условиях горного ландшафта. Для сохранения небогатых земельных ресурсов горными адыгами в течение столетий была выработана целая агротехническая система, оберегавшая их небольшие поля от ветров, засухи и размывания дождевыми потоками. Создание водоотводных канав, сохранение естественных и насаждение искусственных лесополос относились к числу ее главных средств. Именно сочетание правильных рядов деревьев с обработанными полями придавало пейзажам горной Черкесии вид, восхищавший многих путешественников. “Черкес расчищает участок вокруг своего жилища для посевов проса и пшеницы, стремясь сохранить вокруг своего поля полоску деревьев, чтобы они охраняли его и давали прохладу, необходимую в этом климате. Даже посреди поля он оставляет несколько самых красивых отдельных деревьев. Поэтому, если смотреть с моря, нет ничего живописнее спускающихся к морю лесистых долин с полями всех оттенков зелени” (4, с.438-439), - писал в 1833 г. Ф. Дюбуа де Монпере.

Кроме того, рациональное отношение к использованию лесных ресурсов обеспечивало адыгам этой области возможность сочетать продажу ценных пород деревьев с лесоохранными мероприятиями, что свидетельствовало о высоком уровне экологического сознания.

Важную роль в системе горного земледелия Западной Черкесии играл севооборот, который характеризовался чередованием кукурузы, пшеницы, проса, а затем залежи, использовавшейся в течение 14-15 лет как пастбища, сенокосы и лес (157, с.41). Как установил И. Герко, абадзехи засеивали новь кукурузой, имеющей крепкий корень, и лишь на следующий год сажали менее устойчивые рожь или пшеницу (74), причем использовали особые сорта этих злаков, адаптированные к местному климату.

Важнейшим социальным фактором развития земледелия у горных адыгов являлась юридическая свобода значительной части непосредственных производителей - тфокотлей, проявлявших большую заинтересованность в интенсификации собственной хозяйственной деятельности, чем крепостные крестьяне.

Помимо хлебопашества, наиболее развитой отраслью земледелия у шапсугов, натухайцев и абадзехов являлось садоводство. Известно немало свидетельств первой половины XIX в., описывающих широкое распространение фруктовых садов на черноморском побережье Черкесии (70, с.76). Жители этих районов широко прибегали к прививкам диких деревьев и обладали навыками селекции районированных сортов яблок, груш, слив и персиков. Богатейший опыт адыгских садоводов получил признание позднейших специалистов, однако трагические события 1860-х гг. практически не сохранили его.

Исторический парадокс заключался в том, что по настоящему важность и уникальность культуры хозяйствования шапсугов, натухайцев и абадзехов была оценена лишь тогда, когда она оказалась безвозвратно утраченной. В 1866 г. комиссия Хатисова и Ротиньянца обнаружила в долине р. Хакучипсе бывшие кукурузные и просяные поля адыгов, лежавшие в столь неприступных местах, что казалась невероятной сама возможность на таком склоне возделывать хлеб. Причем, бывавшие здесь прежде русские офицеры утверждали, что прилегающие горы “сверху донизу были покрыты прекрасными полями”. Обобщив собранные сведения, комиссия выразила сомнение, что среди возможных будущих поселенцев найдутся люди, “способные продолжить хозяйство хакучипсов, а потому поля их признала, в будущем, пригодными лишь для пастбищ и то для коз и овец” (157, с.44).

Такого рода контрасты в области бывшей Абадзехии в 1901 г. подчеркивал А.Н. Дьячков-Тарасов: “ныне лесная горная пустыня… только 37 лет тому назад имела веселый оживленный вид”. Он же замечал большое количество “старых запущенных садов” в горных районах Закубанья (70, с.67,76).

Через некоторое время после изгнания шапсугов, натухайцев и абадзехов в Турцию, известные российские агрономы оказались в состоянии восстановить лишь примерный облик их земледельческой культуры по сельскохозяйственным орудиям, случайно сохранившимся сортам семян, оставшимся кое-где следам полевых участков. Пришедшие в эту область русские переселенцы, применив в горных районах Закубанья свои навыки хозяйствования, потерпели неудачу. Изучив “естественноисторические условия описываемой страны и хозяйственной деятельности погибшего народа”, И.Клинген сожалел об утрате уникальной культуры земледелия: “исчезли горцы, но вместе с ними исчезло знание местных условий” (157, с.2). Царская администрация не раз выражала свое удивление по поводу того, что русские поселенцы бедствовали как раз в тех районах, где у адыгов процветало земледелие, скотоводство и даже садоводство (70, с.78).

“Места, прежде занятые многочисленным горским населением, пустуют до сих пор, - писал в 1880-х гг. публицист Я. Абрамов, - … огромные пространства, прежде занятые горцами, не вызывают даже ни в ком желания приобретения, так мало кажутся они пригодными для культуры. А между тем эти пространства были прежде заняты многочисленным населением и прекрасно культивированы. Теперь же превосходнейшие нивы и луга, буквально созданные руками человеческими на голых каменных стенах, заросли мелким кустарником и совершенно пропали для культуры. Богатейшие сады и виноградники заросли дикими деревьями и погибли” (2, с.212).

Печальные итоги необратимого упадка горного садоводства адыгов в конце XIX в. подвел И. Клинген: “Длинная мартирология наших пионерских культурных попыток на Черноморском берегу за последние 30 лет, к несчастью, разительно подтверждает, что учиться было чему. Самые решительные поражения потерпели не только одни легкомысленные, но и заведомо умные, энергичные агрономы, прекрасно знакомые с европейской техникой и имевшие под своим руководством практичных и нередко выдающихся иностранных садовников” (157, с.91-92).

У адыгских субэтносов, проживавших на предгорных равнинах господствовала переложно-залежная система земледелия. Ввиду малоурожайности пшеница не получила широкого распространения в достаточно суровых условиях степного Предкавказья. В структуре зернового производства "равнинных" адыгов преобладало менее прихотливое просо. Основным земледельческим орудием в равнинной Черкесии являлся тяжелый колесный плуг, запрягаемый четырьмя парами волов. Столь мощное техническое средство было необходимо для глубокой распашки тяжелых и жирных почв**.** На участке залежной земли первые год-два сажали просо, затем — пшеницу, кукурузу, ячмень и др. культуры, после чего земля находилась в перелоге 10 – 12 и более лет, используясь под пастбище или сенокосные угодья. Для проса же, требовавшего долголетне-залежной земли, выбирался новый участок, и хозяйственный цикл повторялся (70, с.64).

1.2. Культура животноводства

Все авторы, описывавшие хозяйство адыгов, обращали внимание на изобилие у них разного рода скота, составлявшего важнейшую часть их движимого имущества (70, с.87).

Основой традиционной культуры скотоводства адыгов являлась отгонная система, позволявшая наилучшим образом использовать кормовые и климатические ресурсы степ-

ной, предгорной и альпийской пастбищных зон. Каждый вид скота пользовался особым уходом, содержался отдельно и выращивался по тщательно разработанным правилам. Наличие и периодичность использования сезонных пастбищ во многом определялись особенностями рельефа и высотой местности над уровнем моря. Так, альпийскими лугами в качестве летних пастбищ располагали адыги, обитавшие в горной местности восточнее линии Белая — Пшеха (прежде всего — абадзехи), население Большой и Малой Шапсугии использовало разнотравные участки в верховьях Афипса и Пшиша, бжедуги — прикубанские равнины (а до расселения казаков-черноморцев — и правобережье Кубани), темиргоевцы и махошевцы — междуречье Лабы и Кубани, бесленеевцы — бассейн Урупа и его притоков, а на крайнем западе адыгского ареала сезонные перегоны скота вообще сводились к минимуму ввиду сосредоточения зимних и летних пастбищ в пределах Натухайской равнины. Тесно ассоциированные с адыгами убыхи, согласно источникам, держали свой скот на летних пастбищах Верхней Абадзехии (22, с.273). Кабардинцы, до наступления летней жары державшие свой скот в степи, с мая начинали перегонять его на горные пастбища Приэльбрусья.

Крупный рогатый скот разводился всеми равнинными адыгами, что объясняется большей, чем в горах, потребностью в тягловой силе при распашке земли тяжелым плугом, а в более позднее время — и постоянным спросом на рабочих волов в соседних казачьих станицах. Мелкий рогатый скот распространен был повсеместно, причем доля коз в стаде заметно увеличивалась с продвижением в горно-лесную зону (116, с.9). В горных условиях козы были наименее прихотливы, обеспечивая самые разнообразные потребности адыгов. В благоприятных условиях равнинной Черкесии предпочтение отдавалось овцам. Разводившиеся здесь породы отличались вкусным мясом и качественной шерстью. Успешному развитию овцеводства способствовало редкое сочетание разнородных пастбищных угодий, а также возможность их выпаса после лошадей. Весьма показательно, что в конце XIX в. разведение овец оказалось наиболее конкурентоспособной отраслью горского хозяйства, вытеснявшей с кабардинских пастбищ традиционное коневодство.

Крупнейших достижений адыги добились в разведении лошадей. Многовековая селекция позволила вывести знаменитую кабардинскую породу лошади, в рамках которой существовало несколько локальных вариантов, именовавшихся по фамилиям заводчиков: “шолэхъу”, “бэчкъан”, “трамэ”, “къундет”, “хьэгъундокъуэ”, “абыкъу” и др. (117, с.79-81) По меньшей мере, уже в первой половине XVII в. искусство черкесских коневодов было широко известно за пределами Кавказа. Ж. Тавернье, обобщивший сведения о черкесах, сообщал, что “их главное богатство заключается в стадах, в особенности в прекрасных

лошадях, очень сходных с испанскими” (4, с.74). В середине XVIII в. К. Пейсонель, знаток международной торговли в областях Причерноморья писал: “Черкесские лошади чрезвычайно ценятся. Они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильные и выносливые как в беге, так и в усталости… здесь очень заботятся о продолжении определенных пород; наиболее известными являются породы Солук и Беккан (Шолох и Бечкан — Ред.)” (4, с.197). О существовании в равнинных областях Черкесии чрезвычайно развитой, высоко организованной и продуманной культуры коневодства неоднократно упоминал Хан-Гирей. Не случайно адыгский историк восхищался, “с какою неутомимостию и тщанием черкесы содержат верховых лошадей” (331, с.245).

Лучше всего эта отрасль была развита в Кабарде, достаточно обеспеченной привольными степными пастбищами, и в плоскостной части Западной Черкесии. У горных адыгов лошадей было сравнительно немного и качество их уступало лошадям, которых разводили на равнине.

“Конские заводы составляют главнейшую отрасль сельского хозяйства их” (55, с.158), - сообщал в начале XIX в. о кабардинцах С. Броневский. Характеризуя особенности организации и культуры коневодства, он писал: “Доброконные воины не могли не стараться об усовершенствовании своих конных заводов. Каждый князь имеет небольшой домашний завод. Лучшие в Кабарде заводы принадлежат первостатейным узденям Малой Кабарды – *Шалоху* и Большой Кабарды – *Чеполову*, которые однако, по мнению знатоков, уступают в доброте заводу Трама - абазинского старшины (подданного кабардинских князей — Ред.). Порода черкесских лошадей начало свое имеет от арабских жеребцов и черкесских кобыл, и доныне попечительные хозяева достают породистых жеребцов из Турции и Персии для поддержания своих заводов” (55, с.192).

Лошади традиционно не применялись в хозяйстве и выращивались исключительно "для войны" и верховой езды. В период расцвета адыгского феодализма ими могли владеть только высшие сословия. Соответственно, они являлись атрибутом социальной привилегированности. Численность их поголовья служила одним из главных критериев материального благосостояния и могущества адыгской знати.

Вплоть до середины XIX в. коневодство оставалось едва ли не единственной отраслью, непосредственно контролировавшейся адыгской аристократией. Со времен Дж. Интериано (рубеж XV – XVI вв.) известно, что феодальные владельцы “не терпели, чтобы их подданные держали лошадей” (4, с.47). Только в пореформенное время в Кабарде появились коннозаводчики крестьянского происхождения (даже из крепостных) (254, с.57). Однако их были единицы и до начала XX в. эта “аристократическая” отрасль традицион-

ной экономики сохранялась преимущественно благодаря заводам привилегированных сословий.

Захватническая политика России в Центральном Предкавказье второй половины XVIII – начала XIX вв. лишила кабардинских владельцев жизненно важных пастбищных угодий и положила начало процессу упадка традиционного коневодства. Его первые симптомы отметил в 30-х гг. XIX в. Хан-Гирей: “Конские заводы в Черкесии составляли некогда важнейшие богатства жителей, но ныне они упали и перевелись от беспрерывных беспокойств. Впрочем, с некоторого времени начали появляться новые заводы, особенно в Кабарде…” (331, с.244). Трудно сказать, насколько эти заведения обеспечивали сохранение качеств кабардинской лошади в условиях колонизации и сокращения территории Кабарды.

По данным Ад. Берже, закубанские кабардинцы вполне сохраняли традиционный хозяйственный уклад, “мало занимались земледелием, но зато у них процветало скотоводство и особенно коневодство”, а “лучшие табуны принадлежали Кайтукину (князю — Ред.)” (43, с.22). Однако и “беглые кабардинцы” едва ли в должной мере могли поддерживать состояние важнейшей отрасли хозяйства и ее традиционную культуру. Активизация военных действий со второй трети XIX в. ускорила ее упадок. Как отмечал К.Ф. Сталь, “в прежнее время закубанский край отличался большим богатством в лошадях и рогатом скоте прекрасной породы; но продолжительная война с 1829 года и барантование значительно уменьшили количество скота, а в особенности табуны; многие заводы исчезли, другие сделались ничтожными” (293, с.87-88).

Не приходится доказывать, что десятилетиями продолжавшаяся война и внутренние социальные потрясения не оставляли никаких возможностей воспроизводства не только численности поголовья лошадей, но и, тем более, культурных навыков коневодства. Качественный кризис отрасли, прежде всего отразившийся на вырождении породы, затронул все области Черкесии (43, с.24). В конце XIX – начале XX вв. царской администрацией был проведен ряд преобразований в сфере пастбищного землепользования. Однако их важнейшая задача – поддержание кабардинского коневодства, - так и не была решена в должной мере (254, с.57-58).

1.3. Традиционные промыслы

Неотъемлемой составляющей культуры первичного производства адыгов являлись домашние промыслы и ремесла. Состояние обрабатывающей промышленности адыгов

зависело не только от внутренних потребностей, но и внешнего спроса. В силу высокой престижности адыгской аристократической культуры, продукция местных ремесленников, и прежде всего — оружие, конский убор, одежда и пр., пользовалась широкой популярностью у соседних народов Кавказа и казачества, а порою вывозилась и за пределы региона. В отличие от аграрного производства, в котором участвовали исключительно крестьяне, домашними ремеслами (ткачеством, изготовлением одежды, декоративных элементов военного снаряжения и т.п.) занимались и представительницы знати, для которых “славой является выделиться, опередить в своем искусстве других” (43, с.24).

Однако иностранные источники начала XIX в. к числу отраслей, достигших у адыгов уровня ремесленного производства, однозначно относят только оружейное и ювелирное. “Внутри ограды каждого жилища производится все, что необходимо для его обитателей, - писал в 1818 г. Э. Тебу де Мариньи. - Кузнечное дело и обработка серебряных и золотых изделий являются единственными профессиями, которыми занимаются небольшое число ремесленников” (4, с.308).

Тем не менее оценки уровня развития адыгской промышленности этого периода (кстати, основанные на тех же свидетельствах начала XIX в.) как находящейся в “зачаточном состоянии”, а хозяйства в целом как натурального (70, с.105), не учитывают деформирующего воздействия внешнеполитических факторов на адыгскую экономику. Еще в середине XVIII в., по данным Пейсонеля, структура адыгского экспорта была представлена не только сырьевыми материалами, но и ремесленной продукцией. Так, ежегодно из Черкесии в Крым, а оттуда в Польшу, Молдавию, Валахию, Россию и Турцию вывозилось 5-6 тыс. шт. верхнего платья (“чекмен”), 50-60 тыс. шаровар, 200 тыс. бурок, 5-6 тыс. сыромятных кож (4, с.195-196). Данные подсчеты свидетельствуют, что уже в это время некоторые отрасли домашней промышленности (в частности, кожевенная и производство одежды) не только достигли уровня ремесленного производства, но и стали целенаправленно работать на внешний рынок. Характерно, что экспортная продукция прославленных адыгских оружейников была представлена только стрелами, поскольку в этот период процесс перехода на огнестрельное оружие у самих адыгов не был еще полностью завершен и местные ремесленники стремились насытить прежде всего внутренний рынок Черкесии, тысячами штук закупая стволы для производства ружей и пистолетов (4, с.194;198).

С падением Крымского ханства западные адыги были лишены его необозримого рынка, а только нарождавшиеся торговые связи с Россией не могли компенсировать этой потери. Поступательное развитие адыгской промышленности было прервано, экономика отброшена назад, товарность ремесла резко упала.

Тем не менее, производство ремесленной продукции для внешнего рынка продолжалось, что подтверждается интенсивными торговыми связями с переселенными в конце XVIII в. на Кубань запорожцами. Именно благодаря мастерству местных ремесленников, в полной мере оцененному казаками, население Черномории переняло у адыгов как комплекс мужской одежды, так и вооружение и конский убор. Однако потенциальные возможности адыгской промышленности так и не были в этот период использованы до конца, поскольку и Россия и Турция — главные торговые партнеры Черкесии, рассматривали ее только как источник поступления сырья, что и обусловило практически полное отсутствие ремесленной продукции в структуре адыгского экспорта. А предпринятая после заключения Адрианопольского мира 1829 г. торговая блокада лишила адыгских ремесленников последней возможности выхода на внешний рынок.

Именно это кризисное состояние и зафиксировали источники конца XVIII — 20-х гг. XIX в., создав у позднейших исследователей представление о неразвитости ремесла у адыгов.

Тем не менее, уже в 30-е гг. XIX в. к числу ранее существовавших ремесленных специальностей по наблюдениям Дж. Белла добавляются аробщики и бондари. Несколько позднее Т. Лапинский отмечает, что кроме продукции кузнечного ремесла, оружейной и ювелирной, “вне дома изготовляются только циновки и бурки”, к тому же “большое число семейств занимается исключительно изготовлением пороха” (184, с.61). В годы войны сохраняется и даже совершенствуется производство средств передвижения по воде — неоднократно упоминаемые в российских источниках “каюки” использовались как для перевозки товаров, так и для переправы черкесской пехоты через реки. Особой разновидностью судов являлись “галеры”, применявшиеся не только для переброски живой силы вдоль побережья, но и при атаках российских военных и торговых судов.

Как видим, ближе к середине XIX в. стали наиболее заметны отрасли, связанные с войной. Производство оружия здесь комментариев не требует, а вот изготовление бурок и циновок явно было связано с эскалацией боевых действий, уничтожением аулов и усилением подвижности населения, поскольку бурка являлась неизменной деталью военно-походного образа жизни, а циновки — принадлежностью универсального характера, без которой ни один адыг не представлял своего дома. И если ранее, по словам Дж. Белла, почти ни один адыгский огород не обходился без “высоко ценимой селитровой травы”, использовавшейся при выделке пороха, то резкое увеличение потребности в боеприпасах при почти полном прекращении импорта, практически перевело производство пороха из домашнего промысла в разряд ремесла (38, с.158). Да и судя по тому, что Т. Лапинский к

числу занятий адыгских ювелиров относит только украшение оружия (180, с.61)), это ремесло, видимо, в еще большей мере стало ориентироваться на кооперацию с оружейниками, нежели на изготовление деталей женского костюма или предметов быта.

В условиях торговой блокады адыгским мастерам приходилось изыскивать местные источники сырья для замены импортных материалов, поставки которых были прерваны. Так, в частности, по свидетельствам иностранных авторов, на черноморском побережье некоторое распространение получает шелководство, однако его продукция не смогла даже в малой степени восполнить дефицит в тканях для производства одежды (4, с.370;38, с.191).

Разрушительные результаты Кавказской войны, трансформация межсословных отношений и отмена крепостного права, административно-правовой режим, установленный царскими властями на Северо-западном Кавказе привели к изменениям традиционной отраслевой структуры экономики адыгов. Определенное развитие товарно-денежных отношений, регионального рынка, вольнонаемного труда, частного землевладения и аренды земли способствовали отживанию натурального хозяйства. Отмечая эти процессы в начале XX в., В.П. Пожидаев отмечал: “падает и отходит в вечность патриархальный, в высокой степени оригинальный жизненный уклад этических и экономических взаимоотношений различных классов” (254, с.104).

Эти процессы стали заметны главным образом со второй половины XIX в., когда в Кубанскую и Терскую области стали в избытке поступать фабричные товары легкой промышленности. Утратив рыночную востребованность, культура традиционных промыслов постепенно теряла стимул к воспроизводству и сохранялась только в бурочном производстве, изготовлении национальной одежды и т.п., а также в декоративно-прикладном искусстве, которому адыги посвящали время досуга.

Вышеописанный кризис, охвативший сферу ремесленного производства, являлся отражением общих процессов, протекавших в недрах адыгской КПП в последнее столетие существования независимой Черкесии.

В ходе Кавказской войны хозяйственные отрасли культуры первичного производства адыгов также подверглись существенной деформации.

На начальном этапе войны острие имперской политики было обращено против Кабарды, как наиболее сильного политического образования Центрального Предкавказья. Стремясь окончательно утвердиться в этом регионе, российская администрация приступает к строительству Кавказской линии, лишившей кабардинцев значительной части их земель. Следует отметить, что и в дальнейшем территориальные аннексии продолжают ос-

таваться одной из форм подрыва местной экономики, а следовательно, и политического могущества князей. При этом сопротивление кабардинцев подавляется самыми жестокими методами, в ходе экспедиций генералов Глазенапа и Булгакова экспроприируется огромное количество скота и лошадей, запасы хлеба и сена, на побежденных налагается значительная контрибуция. В эпоху Ермолова Кабарда вместе с потерей независимости окончательно утрачивает и былую экономическую мощь

Специфический характер военных действий в Закубанье не позволил царскому командованию решить черкесскую проблему в нескольких генеральных сражениях. Смена тактики поставила во главу угла средства экономического давления. Так, сразу после заключения Адрианопольского договора началось крейсирование российских военных судов в акватории Черного моря с целью установления полной торговой блокады Черкесии.

Другим эффективным средством осуществления подобных замыслов являлись военные акции российских войск, проводившиеся при поддержке гарнизонов укреплений, с начала 1830-х гг. возводившихся на территории Закубанья. Так, генерал Заводовский констатировал, что “до основания укреплений Афипского, Абинского и Николаевского, главное население шапсугов находилось на плодородной плоскости между главным Кавказским хребтом и Кубанью; здесь они занимались хлебопашеством и скотоводством... Но с водворением русских в сердце их владений, когда частыми экспедициями победоносных наших войск из-за Кубани и поисками, предпринимаемыми гарнизонами укреплений, возбранялось им производить полевые работы и выгонять на пастьбу скотину, шапсуги из опасения потерять свою собственность, отказались от выгод, предоставляемых им плоскостью и постепенно стали выселяться ближе к горам” (РГВИА, ф.13454, оп.6, д.498, л.5об.). По свидетельству Дж. Белла, уже в конце 1830-х гг. значительные территории Натухая и Кубанской Шапсугии были опустошены российскими войсками и покинуты населением (38, с.54, 107,122,144,264,693).

Деятельность военного командования главным образом сводилась к сезонным экспедициям, ставшим наиболее распространенной и характерной методикой экономического террора. Российские войска направлялись в Закубанье осенью и зимой, после завершения годичного цикла сельскохозяйственных работ. Адыгские селения сжигались, запасы хлеба реквизировались или уничтожались, сады вырубались, скот угонялся. Тем самым населению предлагалась альтернатива: политическое подчинение или голодная смерть. Иногда подобные акции даже были приурочены к конкретным событиям в хозяйственной жизни местного населения: определенным сезонным сельскохозяйственным работам,

уборке урожая (АКАК, т.IX, ч.1, с.540) или отгону скота с летних пастбищ (РГВИА, ф.38, оп.7, д.244, л.71об.).

В последнее десятилетие войны стал осуществляться новый план покорения Северо-Западного Кавказа, еще в 1833 г. предложенный генералом Вельяминовым, согласно которому уже апробированные методы экономической войны стали сопровождаться казачьей колонизацией.

Широкомасштабное использование средств экономического давления привело на завершающем этапе войны к катастрофическому сокращению хозяйственных угодий, еще использовавшихся адыгами, и оттеснению последних в горы.

Таким образом была решена “главная задача черкесской войны”, которая, по мнению военного историка, генерала Р.А. Фадеева, “состояла прежде всего в том, чтобы сбить неприятельское население с лесной равнины и холмистых предгорий и загнать его в горы, где ему было невозможно долго прокормиться; а затем перенести к подошве гор самое основание наших операций” (319, с.85).

В то же время следует отметить, что последствия Кавказской войны не сводились только к прямому экономическому ущербу в ходе силовых акций царского командования. Последние представляли собой лишь один из многочисленных факторов прямого и косвенного характера, воздействовавших на адыгскую культуру первичного производства, а хозяйственная деградация была лишь одним из результатов этого воздействия.

Одним из следствий войны стал разрыв привычных экономических связей. Черкесия представляла собой единый хозяйственный организм, который позволял путем торгового обмена компенсировать последствия неурожаев и эпизоотий, случавшихся в том или ином районе Закубанья. После 1829 г. вследствие блокады экономические связи с Османской империей практически прервались, в то время как внутренняя торговля (особенно между “мирными” и ”немирными”) зачастую зависела от произвола военных чиновников (АКАК, т.IX, ч.1, с.499-500). Разрушение хозяйственной кооперации значительно подрывало адаптивные возможности адыгских обществ. Так, полное разорение Абадзехии в самом конце войны тут же сказалось и на экономических возможностях тесно ассоциированной с ней Убыхии.

По этой же причине страдали и животноводческие отрасли адыгов. Прямой запрет “мирным” держать у себя скот “непокорных горцев” и захват лучших пастбищ российскими войсками вынуждали адыгов изменять привычные скотопрогонные маршруты либо использовать корма худшего качества, что негативно сказывалось на уровне развития

скотоводства и коневодства, в частности, приводило к измельчению и утрате чистоты породы.

Сказывался и разрыв уже устоявшихся торговых связей с Россией. Особенно это касалось соли, которая в условиях блокады Черкесии была превращена в средство экономического давления и продавалась только в обмен на лояльность князей.

Тотальный характер войны привел к постоянному и безвозвратному (вследствие колоссальных потерь в военных действиях) оттоку рабочих рук из сферы материального производства. “Адыг не только солдат, он прежде всего земледелец, — писал Т. Лапинский. — Беспрерывные караулы, сражения, военные походы отлучают его часто от полевых работ и имеют вредное влияние на материальное существование его семейства” (184, с.195).

Дополнительный ущерб культуре первичного производства адыгов наносили вынужденные массовые миграции, которые были особенно характерны для всех адыгов с демократической формой правления. Будучи наиболее последовательными противниками России и расселяясь в труднодоступной местности, эти общества с приближением кордонных линий отодвигали свои поселения все далее в леса и ущелья, что и привело в самом конце войны к чрезвычайной скученности населения в горах. Покидая во имя сохранения независимости свои “привольные места”, переселенцам приходилось оставлять плоды своих многолетних трудов, жилища и хозяйственные постройки, окультуренные земли, привычные ландшафты. Однако, все их усилия хотя бы частично компенсировать на новом месте понесенные ими потери были тщетны. Абадзехи, занимавшие лесные массивы, по словам Сталя, “... и сами не имеют с избытком земли и стесняются этими многочисленными пришельцами” (293, с.62). Недостаток пахотных и пастбищных мест неизбежно приводил к упадку хозяйства, сокращению объемов его производства.

В совершенно другой ситуации находились адыгские княжества. Не имея возможности в условиях равнины противостоять царским войскам и оказавшись под угрозой прямого физического уничтожения, они уже в самом начале войны были вынуждены принять российское подданство. Однако при малейшем изменении политической ситуации их население незамедлительно покидало обжитые места и уходило к “немирным горцам”, откуда спустя некоторое время ввиду хозяйственных трудностей и очередной перемены политического курса своих князей было вынуждено возвращаться обратно. Поскольку грань между “мирным” и “немирным” состоянием была весьма зыбкой, то зачастую направленность миграционных потоков приобретала волнообразный, возвратно-поступательный характер. В самом конце войны миграции вновь становятся однонаправ-

ленными, когда адыгские субэтносы Северо-Западного Кавказа, окончательно утратившие независимость, сгоняются российской военной администрацией на прикубанскую равнину. Однако большая часть адыгов, не смирившаяся в 1860-х гг. с поражением в войне, была вынуждена покинуть историческую родину и переселиться в пределы Османской империи.

Глава 2. Культура жизнеобеспечения

2.1. Поселения и жилища

В 30-х гг. XIX в. Э. Спенсер отмечал, что пейзажи причерноморской Черкесии “вместе с широким культивированным пространством” представляли собой “свидетельства существования многочисленного населения, достаточно обеспеченного всеми удобствами жизни” (292, с.48).

Традиционная модель адыгского жилищно-поселенческого комплекса исследователями (да и самими адыгами) всегда воспринималась как сугубо сельская, что объясняется политической историей Черкесии. Традиции городской культуры (ареал распространения которой некогда охватывал и Северное Причерноморье) были прерваны еще на закате античной эпохи, а с упадком Тмутаракани и генуэзских колоний градостроительное искусство на Северо-Западном Кавказе было полностью утрачено. И только с XVIII в., с усилением экспансионистских устремлений мировых держав, в этом регионе начинают возводиться форпосты Османской империи, а затем и России.

Сельские населенные пункты черкесов в официальных русских документах XVI – XVII вв. именовались “кабаками”, в XVIII в. – “деревнями”, а в XIX в. – “аулами”. Сами адыги называли свои крупные полигенные селения къуадж / къуажэ и чылэ / жылэ; кварталы или небольшие моногенные поселки именовались хъабл / хъэблэ. Названия селений образовывались от фамилий феодальных владельцев или (у “демократических” адыгов) по фамилии обитателей хабля. Планировка и расположение населенных пунктов в различных областях Черкесии определялись особенностями орографии и гидрографии местности, а также требованиями военной и экологической безопасности.

В определенных случаях населенные пункты изменяли свое местоположение. Причиной этого могли быть междоусобицы, установление вассальных связей с новым сюзереном (4, с.233), необходимость перемены истощившейся земли (4, с.268) или чрезмерное засорение территории селения бытовыми отходами (55, с.171).

В равнинной части Черкесии они имели довольно большие размеры, располагались на незначительном расстоянии друг от друга и отличались сравнительно свободной планировкой. Источники XVII - XVIII вв. описывают кабардинские селения в форме круга или квадрата, по периметру которого близко друг от друга строились усадьбы, а в середине помещался обширный общий двор для скота (4, с.219). В одном ауле наряду с къуажэпщ'ем проживали его вассалы, мелкие вотчины которых образовывали кварталы.

После прекращения в некоторых областях равнинной Черкесии активных военных действий, планировка населенных пунктов становится еще более свободной. В процессе укрупнения селений 1865 г. в Кабарде каждые 2–3 небольших аула были объединены в крупные населенные пункты, образовав в их рамках отдельные кварталы. Царская администрация при размещении новых усадеб в сельских обществах стала требовать соблюдения определенных дистанций, необходимых для освобождения проезжей части и более правильной планировки кварталов.

В первой половине XIX в. в горных районах западной Черкесии населенные пункты располагались "весьма тесно небольшими усадьбами по два и по три двора. Каждая усадьба огорожена от соседней, имеет свое пахотное поле, луг, лесную дачу и воду свою в колодце в родниках...". Описывая поселения абадзехов, С. Броневский отмечал: "Небольшие рощи, дубовые и чинаровые, придают весьма приятный вид сим малым селениям, разбросанным по косогорам" (55, с.137-138). Характерно, что адыги в этих областях не часто селились близко у речной поймы, а предпочитали размещать свои жилища выше, на склонах. Они "сберегали себя этим самым от лихорадки" (157, с.46), распространенной в заболоченных низинах. Не случайно, что гигиенические правила, соблюдаемые черкесами при выборе места проживания удивляли и восхищали русских ученых даже в конце XIX в., когда их традиционная система жизнеобеспечения сохранялась лишь в остаточных элементах (157, с.3).

"Аулы натухайцев… не отличались такой скученностью сакель, как аулы на плоскостях, например, бжедугов, - писал в середине XIX в. Султан Крым-Гирей, - то были нескончаемые цепи дворов, разбросанных по вкусу их хозяев всюду по ущельям, горным террасам и долинам" (296, с.376-377). При высокой плотности населения хабли располагались так близко друг от друга, что создавалось впечатление "сплошных аулов", занимавших все пространство речных долин. Аулы шапсугов, натухайцев и абадзехов гармонично сочетали в себе утилитарные и эстетические функции. В этом плане достаточно показательно впечатление Э. Спенсера: "Коттеджи с изящными верандами, фермами, фрук-

товыми садами, указывают также на то, что их обладатели были постоянно обеспечены всем необходимым для жизни” (70, с.66).

Равнинные адыги, обитавшие в сравнительно обезлесенной, а потому легко доступной местности, укрепляли свои аулы в обязательном порядке. Ввиду частой угрозы нападения во время междоусобиц или набегов деревни окружали плетневыми заграждениями, а на противоположных концах возводили саманные башни, на которых постоянно находились караульные. В XVIII в. отдельные кабардинские деревни имели и каменные башни. Нескончаемые боевые действия периода Кавказской войны превратили равнинные аулы в мощные оборонительные комплексы, по периметру обносившиеся многорядным плетнем (зачастую, с забутовкой), частоколом, завалами из древесных стволов или колючего кустарника. Адыги-горцы, проживавшие в селениях разбросанной планировки, наоборот, стремились выносить фортификационные сооружения за пределы жилой зоны, перегораживая завалами речные долины и лесные дороги.

Традиционная адыгская усадьба состояла из трех изолированных дворов — главного (жилого), скотного и хозяйственного, обнесенных общей оградой (217, с.75). Основным жилым помещением усадьбы являлся дом главы семьи (унэшхо). Рядом возводились отдельные дома для женатых сыновей хозяина. Здесь же, по периметру главного двора, ставились и хозяйственные постройки — конюшня, курятник, хлебная печь, зернохранилища, навес для сельскохозяйственной утвари. Центральная часть двора не застраивалась — свободное пространство использовалось для ритуалов жизненного цикла — здесь играли свадьбы, проходили похоронно-поминальные обряды.

На скотном дворе ставились коровник и кормушки для скота. Хозяйственный двор предназначался для обмолота хлеба и хранения запасов сена.

Непременной особенностью каждой адыгской усадьбы являлось наличие гостевого дома (хьакIэщ / хьэщIэщ), который ставился на периферии жилого двора близ ворот. ХьакIэщ нередко огораживался, к гостевому дому пристраивалась конюшня. Такой дворик иногда выносился и за пределы усадьбы. Наиболее состоятельные хозяева могли строить и второй гостевой дом, в пределах двора, где принимали родственников и близких друзей. ХьакIэщ (или “кунацкая” — в русскоязычном кавказоведении) являлся своеобразным “мужским клубом” и в то же время пространством, где пересекалось действие важнейших институтов традиционной соционормативной культуры – гостеприимства, куначества, аталычества и др. Здесь проходили встречи друзей, юношеские вечеринки, принимали гостей, устраивали застолья, ухаживали за ранеными и скрывали преследуемых, слушали

песни и рассказы гегуако; молодежь общалась со старшим поколением, перенимая его опыт и мудрость.

Естественно, что адыгская усадьба могла иметь множество вариантов в зависимости от ландшафта местности, хозяйственной специализации, имущественного положения и социального статуса хозяина, состава его семьи, наличия подвластного населения.

С начала российской экспансии военная действительность оказывает все большее влияние на планировку адыгской усадьбы. Постоянные реквизиции, барантование, фуражировки, проводившиеся царскими войсками за счет адыгского населения, а также непрерывные миграции, нанося непоправимый ущерб хозяйству, деформировали и сами усадьбы, меняя их площадь, размеры и количество хозяйственных построек.

Наряду с усадьбами и оградами, в состав поселенческого комплекса входили и места общественного назначения. Так, своеобразными центрами притяжения в селениях с древних времен являлись места проведения совета (хасэ), гостевой дом (хьакIэщ) владельца аула или другого влиятельного лица, а также кузница, являвшаяся своеобразным мужским клубом. С момента исламизации адыгов, новыми сакральными центрами становятся мечети, выступающие и в качестве организующего центра селения при его застройке. Важнейшим культовым сооружением являлось кладбище, располагавшееся на окраине, либо за пределами аула.

Традиционное адыгское жилище представляло собой прямоугольное в плане многокамерное сооружение с двумя входами. Однокамерными являлись только хьакIэщ и дома женатых сыновей.

Основным строительным материалом для жилища (как, впрочем, и для всех сооружений усадьбы) являлся турлук — обмазанный глиной плетень. Четырехскатная крыша жилища покрывалась камышом или соломой. По всему периметру дома крыша могла опираться на столбы, образуя тем самым навес или галерею. Дом строился без фундамента и потолка, полы были земляные, обмазанные глиной. В случае необходимости подобные постройки могли легко разбираться (для чего места стыков делали разъемными), а наиболее трудоемкие детали перевозиться на новое место и неоднократно использоваться.

Существовавшая на Северо-Западном Кавказе в период античности традиция строительства каменных жилищ была прервана в результате гуннского нашествия. Угроза постоянных вторжений заставила адыгов вернуться к более простой технологии, известной в данном регионе с глубокой древности. Легкое, быстровозводимое турлучное жилище оказалось идеально приспособлено к частым перемещениям, вызванным военным бытом адыгов. Уже в XV в. подобная ситуация стала настолько привычной, что, по словам

итальянского миссионера Джорджио Интериано, строительство каменного дома, согласно представлениям адыгов, было равнозначно собственному признанию в трусости (4, с.51). Непритязательность адыгских жилищ приводила в недоумение некоторых путешественников. Еще в 1630-х гг. А. Олеарий, побывавший среди кабардинцев, поражался тому, что “их гробницы и дома, устроенные для покойников, гораздо великолепнее и ценнее, чем жилища живых” (4, с.85). Источники XVIII - первой половины XIX столетий также фиксируют всемерный аскетизм, простоту и умеренность, ставшие адыгскими этническими стереотипами, определяющими традиционные представления народа не только о пище, одежде, но и о бытовом комфорте и материальном достатке вообще.

Кавказская война, на протяжении десятилетий бушевавшая на адыгской земле, закрепила данную тенденцию. Более того, по мере продвижения линии фронта все дальше в горную местность, турлучные сооружения стали постепенно вытеснять другой, менее распространенный локальный вариант адыгского жилища — срубный дом, для возведения которого требовались значительные затраты сил и времени. Видимо, горцы — строители срубных жилищ, оказавшись вовлеченными в широкомасштабные боевые действия, неизменным итогом которых являлось уничтожение аулов и усиление подвижности населения, стали переходить к строительству турлучных домов, более приспособленных к военной действительности. В итоге граница зоны распространения жилищ этого типа постепенно сместилась выше в горы (146) и на юг по побережью (в направлении Убыхии).

Еще большие усилия были необходимы для строительства и возобновления домов-резиденций, которые черкесская знать пыталась возводить по типу турецкого городского двухэтажного жилища (38, с.107,227,874). Непрактичность подобных сооружений, обреченных на заведомое уничтожение в ходе российской агрессии, еще раз подчеркнула идеальную приспособленность турлучного дома к военному быту адыгов.

Очаг, являвшийся священным местом дома, располагался у продольной или боковой стены, ближе к противоположному от двери углу. Место справа от очага принадлежало главе семьи и могло отводиться почетному гостю. Надочажная труба (дымарь) сооружалась по той же технологии, что и стены дома.

“Временный походный характер” адыгских жилищ обусловил неизменность на протяжении военного времени как традиционной домостроительной техники, так и устройства отопления, имевшего весьма низкий коэффициент полезного действия. Однако только с появлением стационарных поселений в самом конце Кавказской войны, адыгский аскетизм в жилищной сфере был поколеблен заимствованием элементов русской жилищно-поселенческой культуры (материалы, техника возведения, система отопления). Судя по

немалому числу домов, “построенных по русскому образцу с печами”, “с голландскими печами и русскими окнами”, “рубленых под железною кровлею”, это явление приняло значительные масштабы уже к 1868 г. (ГАКК, ф.774, оп.1, д.172, л.72-75)

Естественно, что в различных частях Черкесии этот процесс имел различную скорость, а также зависел от имущественного положения хозяев и интенсивности межкультурных контактов. “Элитарная культура” адыгского дворянства оказалась в этом отношении более восприимчивой: по утверждениям П.П. Короленко, служившие в Черномории офицеры из адыгской среды еще в ходе войны “строили себе дома по русскому образцу и заводили у себя мебель и прочую русскую обстановку” (161, с.100).

Столь же аскетичным, как и само жилище, был интерьер адыгского дома. Наиболее ценные вещи, например, старинное оружие, праздничная одежда, постельные принадлежности, хранились в сундуках, стоявших у стен. Посуда и кухонная утварь находились в настенных шкафчиках. Кровати могли быть деревянными или (у наименее состоятельных) представлять собой земляное возвышение. Принадлежностью универсального характера, без которой ни один адыг не представлял своего дома, были циновки (пIуаблэ), изготовлявшиеся из рогоза и служившие в качестве паласов, ковров или настенных панно, жестких матрасов. Военизированный образ жизни формировал и свою эстетику — главным украшением дома считалось оружие хозяина и гостей, развешанное по стенам дома на специально вбитых для этого колышках, что порою придавало адыгским жилищам облик военного арсенала.

Следует отметить, что наряду с традиционным (сельским) жилищем, адыги осваивали и поселенческие комплексы иных типов.

К их числу, например, можно отнести комплексы мехкеме, являвшиеся религиозными, политическими, судебными, жандармско-полицейскими и военными центрами одноименных административно-территориальных единиц в рамках государственного образования Мухаммед-Амина (1849-1859 гг.). В силу подобной многофункциональности, в состав такого комплекса входили мечеть, духовное училище, помещение для проведения собраний Совета мехкеме и судебных разбирательств, помещение для полицейских — муртазаков, тюремная яма и застенок, склад провианта. Аналогичная структура, скорее всего, была присуща и главному административному сооружению Великого Меджлиса на р. Сочи.

Осваивалось адыгами и городское иноэтничное жилище. К числу таковых можно отнести служащих “туземных” подразделений — Кавказско-горского эскадрона (Санкт-

Петербург), Анапского горского полуэскадрона и др., а также аманатов (заложников), зачастую размещавшихся российским командованием в городских центрах.

Постепенные изменения в жилищно-поселенческом комплексе адыгов стали накапливаться на заключительном этапе Кавказской войны, и особенно — сразу после ее окончания. Трансформация коснулась всех сторон данной сферы — от фамильного состава и планировки селений (многие из которых были укрупнены или стали новообразованиями) до новых строительных материалов, технологии возведения домов и предметов домашнего обихода.

В то же время следует отметить, что интенсивность подобных культурных заимствований определялась имущественным статусом человека — достаточно быстрые преобразования в жилищной сфере были характерны только для весьма состоятельных хозяев, в то время как широкие слои адыгского населения оставались более приверженными традиции.

2.2. Пища

Общеадыгскую модель системы питания, которую по ряду типологических признаков следует отнести к зерново-мясо-молочному подклассу систем питания (20), можно представить как отдельный вид, на подвидовом уровне включающий совокупность локальных вариантов, каждый из которых будет соответствовать отдельному субэтносу.

Местные особенности в системе питания западных адыгов напрямую зависели от хозяйственного своеобразия каждого субэтноса (преобладания той или иной зерновой культуры, состава стада, развитости садоводства и других вспомогательных отраслей и т.д.). Однако регулярность и интенсивность торгового обмена приводили к тому, что в области питания вариативность проявлялась не столь резко, как в сфере первичного производства. Особое своеобразие имела система питания кабардинцев, отличавшаяся более заметным влиянием тюркского и иранского миров.

Несмотря на широкую гамму зерновых, выращивавшихся адыгами, в основном только просо, пшеница и появившаяся в более позднее время культура кукурузы, имели важное значение как сырье для приготовления пищи.

Самым распространенным зерновым компонентом системы питания являлось просо, выполнявшее роль своеобразного этнического маркера адыгского мира. Центральным местом системы питания являлось блюдо, имевшее универсальный (и повседневный, и

праздничный) характер — круто сваренная пшенная каша (пIастэ). Сам пищевой рацион адыгов подбирался таким образом, чтобы при сочетании пIастэ с другими блюдами (мясными, кисломолочными и др.) получить “лучшие вкусовые ощущения” (148, с.90). Кроме проса, для приготовления пIастэ могла использоваться кукурузная крупа, а также и кукурузная и пшеничная мука (разновидность пIастэ — мамрыс/мырамысэ).

Другая категория блюд из цельного зерна и крупы — разнообразные супы от многокомпонентных типа натрыфыпс (который готовился на молоке и куда кроме кукурузных зерен добавлялись и бобовые) до простейших однокомпонентных (типа хьантхъупс), которые возможно приготовить в самых экстремальных условиях при наличии только небольшого количества любого зерна или крупы.

Мука входила и в состав мясных блюд (щыпс) в качестве компонента соуса.

Гораздо реже, чем пIастэ, адыги готовили хлеб, выпекая его из просяной, пшеничной и кукурузной муки (хьалыгъу мыкIумыпш, мэджадж). Как правило, такой хлеб входил в состав блюд праздничной трапезы, подавался на стол при угощении почетных гостей. Особое место пшеничная лепешка занимала в обрядовой практике. Так, например, и Дж. Белл, и Т. Лапинский с интервалом в два десятка лет, описали ритуал, сохранившийся у причерноморских адыгов и по смысловому значению аналогичный христианскому причащению, в котором центральное место отводилось именно пшеничному хлебу (4, с. 506;184, с.86).

К сожалению, вышеуказанные источники XIX в. за редчайшим исключением не указывают технологии приготовления хлеба, однако современные исследования М.Ю. Унароковой убедительно доказывают существование издавна у адыгов не только пресного, но и дрожжевого пшеничного хлеба (хьалыгъу гъэтэджыгъ), причем “наличие этнокультурного комплекса, связанного с дрожжевым пшеничным хлебом и не имеющего этнографических аналогов в иноэтничном окружении адыгов, ... разработанность микролексики хлеба и ее исконность, словообразовательная преемственность и взаимосвязь лексики пшеницы и других злаков в адыгских языках свидетельствуют об исконности данного блюда в ассортиментной структуре традиционного питания адыгов” (316, с.114).

Методом выпекания адыги готовили различные блюда главным образом из просяной, пшеничной и кукурузной муки: пресные лепешки, пироги и пирожки с начинкой, всевозможные сладости типа халвы, печенья различных видов. “Более пятнадцати родов различных пирожных входят в состав поварского искусства черкес”, — отмечает Хан-Гирей (330, с.237).

Как нам кажется, адыгская система питания (и прежде всего — ее хлебно-зерновая часть) является образчиком сбалансированного культурного полиморфизма (19, с.227), поскольку существование различной технологии хлебопечения и нескольких параллельно используемых видов зернового сырья повышало адаптивные возможности адыгской системы жизнеобеспечения. При этом, судя по всему, пІастэ оставалось блюдом экстремальной, военной кухни, однако при некотором улучшении ситуации система питания вновь обогащалась иными видами хлебной пищи, в т.ч. и дрожжевой.

Наиболее типичные виды хлебно-зерновой пищи адыгов можно представить в виде следующей классификационной схемы (см. табл. 1). Следует отметить, что она далеко не полностью передает богатейшую номенклатуру адыгских блюд и не учитывает локальные варианты технологии и названий.

Таблица 1

Классификация хлебно-зерновых продуктов

Технология обработки	Наименование приготовляемых блюд и сырьевых продуктов
Термическая водная обработка цельного очищенного зерна	Зерновые супы (натрыфыпс, хьантхъупс): кукуруза, просо, пшеница Кашеобразные блюда (пІастэ): просо (плов): рис
Термическая водная обработка крупы	Кашеобразные блюда (пІастэ): кукуруза
Термическая водная обработка муки	Кашеобразные блюда (мамрыс/мырамысэ): кукуруза, пшеница
Ферментационная обработка муки	Напиток из перебродившего теста (бахъсымэ/махъсымэ): просо, кукуруза
Термическая обработка муки в мясном бульоне	Мясной соус (щыпс/лыбжьэ): пшеница, просо
Термическая водная обработка мучного теста	Лапшеобразные изделия (тхьацужъуагъ/хьэлІамэ, тхьацупс/хьэлІамэпс, хъынкІэл): пшеница Вареники с сыром (псыхьалыжъу): пшеница
Термическая безводная обработка (выпекание) пресного теста	Пресный хлеб (хьалыгъу мыкІумыпш/щІакхъуэ Іэрыпщ, мэджадж/мэжаджэ): пшеница, просо, кукуруза Пресные лепешки и пирожки с начинкой (щэламэ/лэкъум, хьэлывэ; хьалыжъу/хьэлыуэ): пшеница, просо, кукуруза Пироги с начинкой (хъыршын [каб.], дэлэн [каб.]): просо Сладости: халва (хьалыу): просо печенье (хьатыкъ/хьэтыкъ,къурамбый/тхъурымбей): просо, пшеница Сладости из сдобного теста (пэлъкъау, гуубат): пшени-

	ца
Термическая безводная обработка (выпекание) дрожжевого теста	Дрожжевой хлеб (хьалыгъу гъэтэджыгъ/щIакхъуэ гъэтэджа): пшеница

К числу более редких сырьевых материалов в адыгской системе питания относятся ячмень и рожь (практически вытесненные просом и пшеницей), а также рис, являвшийся привозным продуктом.

Кроме хлебно-зерновых, из продуктов растительного происхождения адыги широко использовали бобовые и главным образом — фасоль, из которой варили супы (джэнчыпс/ джэш хьэнтхъупс), делали соусы на молоке (джэнчщыпс / джэшлыбжьэ) и которой начиняли пирожки.

Из овощных культур наиболее распространенными были лук, чеснок, свекла, капуста, морковь, редька, всевозможные специи. При этом капуста и свекла, “квашеные с перцем”, по свидетельству Хан-Гирея, а также подвергнутые такой же обработке “тыквы, арбузы и дыни”, составляли “любимую пищу низовых черкес (западных адыгов — Ред.) в зимнее время” (330, с.237). Естественно, что бахчевые употреблялись и в свежем виде, популярными были блюда из вареной и жареной тыквы.

Высокоразвитое садоводство являлось важным подспорьем в случаях нехватки базисных видов питания. Широкий сортовой подбор фруктовых деревьев, от самых ранних до поздних, в случае превратностей военного времени позволял адыгскому населению вплоть до заморозков питаться свежими фруктами, а сушка последних страховала от зимнего голода.

Мясные продукты, приготовлявшиеся адыгами, были весьма разнообразны как по методам обработки, так и по видовому составу животных, мясо которых употреблялось в пищу (см. табл. 2). Излюбленным мясом являлась баранина, несколько реже готовили говядину и козлятину. Доля свинины, уже к началу XIX в. составлявшая весьма незначительный процент в пищевом рационе адыгов, стремительно сокращалась по мере исламизации. Достаточно распространенными и престижными являлись блюда из домашней птицы, дичи, мяса диких животных.

Таблица 2

Классификация мясных продуктов

Технология обработки	Наименование приготовляемых блюд и сырьевых продуктов
Жарение над углями	Жареное мясо (туши или отдельные куски) (лыгъэжъагъ/лы гъэжьа): баранина, говядина, козлятина, мясо

	диких животных
Жарение в котле (в масле)	Жареное мясо (лыгъэжъагъ/лы гъэжьа): баранина, говядина, козлятина, мясо диких животных, домашняя птица, дичь
Варка	Вареное мясо (лыгъэжъуагъ/лы гъэва): баранина, говядина, козлятина, мясо диких животных, домашняя птица Бульон (лэпсы/лэпс)
Тушение	Тушеное мясо (лыбжь/лыбжьэ, щыпс/шыпс): баранина, домашняя птица (индейка, курица)

Популярны были у адыгов и колбасные изделия — нэкулъ, жэрумэ [каб.] и др. Мясо, соответствующим образом подвергнутое механической и тепловой обработке, являлось начинкой для мясных пирогов. Наиболее распространенным методом консервации мясных продуктов являлось копчение — мясо, предварительно просоленное, помещалось в трубу домашнего очага.

Следует отметить, что, несмотря на обилие в местной кулинарии мясных блюд, для адыгов, как и для других народов Кавказа, было характерно “бережное отношение к домашнему скоту” (21, с.84). Именно к адыгской системе питания периода Кавказской войны можно отнести подмеченную С.А. Арутюновым и Г.А. Сергеевой особенность, когда мясо редко становится повседневной пищей, используясь в основном на создание зимних и военных запасов, а свежее потребляется главным образом в культовых и ритуальных ситуациях (21). “Я полагаю, — отмечал в связи с этим Дж. Белл, — что люди здесь (в Черкесии — Ред.) изумляются, с каким безрассудством мы (англичане — Ред.) употребляем ежедневно мясную пищу, - здесь большинство как богатых, так и бедных довольствуется растительной диетой и молоком” (4, с.485).

Как видим, наряду с растительной пищей, весьма важное место в адыгской системе питания занимали молочные продукты. И если главным блюдом, приготовлявшимся из хлебно-зерновых продуктов, являлась крутая каша пIастэ, то в сфере молочных продуктов таким этническим маркером являлось кислое молоко (щхыу/шху), а наличие пIастэ и щхыу в представлениях адыгов — это уже достаточный компонентный набор для любой домашней трапезы

Основные молочные продукты, входящие в адыгскую систему питания, в соответствии с технологией их приготовления можно представить следующим образом.

Таблица 3

Классификация молочных продуктов

Технология обработки	Наименование получаемых продуктов
Термическая обработка	Цельное кипяченое молоко
Естественная (температурная) сепарация	Сливки (щашъхьэ/шащхьэ)
Естественная сепарация	Сметана (щатэ/шатэ)
Механическая сепарация	Сливочное масло (тхъу огъакI, тхъу цIын/тхъуэцIынэ) Сметана (щатэ/шатэ)
Кисломолочная ферментация	Кислое молоко (щхыу/шху) Творожистый сыр (мэтэкъуай/матэкхъуэй)
Сычужная ферментация	Сычужный сыр (лъэтэкъуай/лъатэкхъуей)

Для приготовления указанных продуктов использовалось главным образом коровье молоко, реже — овечье (из него в основном готовили сыры) и козье. Сыворотка, оставшаяся после извлечения сыра, подвергалась тепловой обработке с получением къундысыу — полуфабриката для других блюд, являвшегося и самостоятельным напитком. Продуктом длительного хранения являлся копченый сыр.

Использовались адыгами в пищу и такие продукты животного происхождения, как яйца и рыба. Однако, если народная кулинария включала в себя немало блюд из яиц, к тому же отводя им особое место в обрядовой практике (особенно, христианской), то рыба у адыгов средневековья (в отличие от античных меотов) не занимала сколько-нибудь значительного положения в пищевом рационе — как по престижности приготовляемых из нее блюд, так и по общему вкладу в структуру питания.

Немаловажными в системе питания являлись продукты пчеловодства. Мед входил в состав всевозможных сладостей, для ускорения процесса брожения добавлялся в традиционный напиток бахъсымэ, а в смеси с маслом приобретал статус изысканного лакомства.

Особый набор блюд и специфические методы их приготовления были характерны для комплекса походной пищи (гъомыл/гъуэмылэ), неразрывно связанного с институтом наездничества. Широкая география походов и длительность пребывания их участников вне пределов Черкесии предопределили принцип самообеспечения. В соответствии с ним в состав походного рациона включались высококалорийные блюда, способные при минимуме занимаемого места храниться продолжительное время (некоторые из них, по свидетельству Хан-Гирея — “лет по десяти-двадцати и более”) (330, с.238). “Этого рода кушанье, - писал адыгский историк, - исключительно служит походною или лучше сказать, наездническою пищею” (330, с.223). Как подчеркивал С. Броневский, - таким образом черкес “питается две и три недели количеством пищи, которой едва бы русскому солдату достаточно было на три дня” (55, с.195). По данным Буцковского начала XIX в., при “про-

должительных походах” как кабардинцы, так и “закубанские черкесы запасаются для продовольствия: в масле жареными лепешками из просяной, полбенной и пшеничной муки, кои более двух недель сохраняются”, берут также “кроме сего сыр и род пирожного из пшеничной муки с медом (крубий (къурамбый/тхъурымбей — Ред.) называемое), весьма питательное и несколько лет сохраняющееся” (РГВИА, ф.414, д.300, л.74об.).

М.Ю. Унарокова описывает и другой вид гомыля, сохранившийся у иорданских адыгов и представлявший собой “порошкообразную массу, в состав которой входили пшено, мясо, сухой бульон, специи. ... Достаточно было щепотки такого порошка, чтобы получить протертый мясной суп, который трудно было сравнить, по свидетельствам информанта, по вкусу и калорийности с любым другим блюдом в пути” (316, с.111).

Постепенное изменение внешнеполитической ситуации, значительно деформировав институт наездничества, сузило и сферу действия походной пищи, поскольку оно трансформировалось в краткосрочные набеги на кордонные линии. Перенесение военных действий вглубь Черкесии еще более изменило состав и саму суть походной пищи, поскольку избранная адыгами тактика партизанской войны позволяла надеяться на постоянное пополнение продовольствия из дома или из запасов окрестного населения, а также предусматривала возможность регулярного приготовления горячей пищи. В такой ситуации блюда “классического” походного ассортимента, характеризовавшиеся крайним пищевым аскетизмом, оказались невостребованными и постепенно стали вытесняться разнообразными сырьевыми продуктами. Так, по И. Бларамбергу, в состав гъомыл, кроме копченого мяса, включается уже и просяная мука (4, с.366), а по данным Т. Лапинского, фуражиры каждого военного соединения адыгов “гонят немного скота для убоя” (184, с.166). Видимо, все это и привело к тому, что термин “гъомлапхъэ/гъуэмылапхъэ” (то, из чего готовят гъомыл), ранее включавший весьма узкий набор сырьевых продуктов, в условиях ассортиментного расширения походной пищи приобрел значение, в котором он используется и поныне — “то, из чего готовят еду вообще”.

Приняв за основу общую схему С.А. Арутюнова и Ю.И. Мкртумяна(20, с.14-15), трапезы адыгской системы питания можно классифицировать по следующим параметрам:

1) По распорядку — легкие утренние и вечерние; дневные, когда адыги “обедают вполне” (330, с.238). В случае приезда гостей, наоборот, более обильными были вечерние трапезы. Во время мусульманского поста время трапез смещалось: первая следовала сразу после захода солнца, вторая — около девяти часов вечера и третья — около трех часов ночи (4, с.493).

2) По ситуации — домашние, общественные и полевые. С учетом адыгской специфики, к категории “полевых” трапез можно отнести прием пищи не только, скажем, на стане пахарей или коше, но и в “поле”, т.е. в условиях военного похода. Тем более, что под влиянием военно-феодальной культуры любая пища, потребляемая “вне дома”, стала именоваться “гъомыл”. Также и под “домашними” здесь следует понимать не семейные трапезы, а лишь совершаемые “под крышей дома”, поскольку члены семьи принимали пищу в разное время и даже в различных помещениях в соответствии с занимаемым положением.

3) По осмыслению и престижности — повседневные, праздничные и ритуальные. Здесь необходимо учитывать, что поскольку одним из главных источников по адыгской системе питания прошедших веков являются свидетельства путешественников, пребывавших в Черкесии в ранге почетных гостей, то местная кулинария предстает перед исследователем в качестве своего праздничного варианта. Достаточно вспомнить упоминание Н. Дубровина о 120-ти блюдах, которыми один из натухайских лидеров угощал турецкого сераскира (102, с.11) или образное выражение Лонгворта о “сорока столах” (т.е блюдах), как визитной карточке любого гостеприимного черкеса (4, с.551). Однако обыденные, повседневные трапезы адыгов были гораздо скромнее, отличаясь крайним аскетизмом. Принцип минимального насыщения, сформулированный М.Ю. Унароковой и являвшийся одним из основных этнических стереотипов, предусматривал стоическое терпение и выдержку в преодолении чувства голода, нетребовательность в еде, осознанное самоограничение и сдержанность в приеме пищи. Адыги, с древнейших времен почитавшие умеренность в пище как одну из нартских доблестей, считали чревоугодие греховным. Излишнее гурманство осуждалось, а эстетическим идеалом как у мужчин, так и у женщин являлась стройная, подтянутая фигура (316, с.104-105).

Не менее значимой частью системы питания, наряду с кулинарией, была и поведенческая сторона. Знаменитый адыгский этикет регламентировал все аспекты застолья — от пространственного размещения участников трапезы в соответствии с возрастными, сословными и другими градациями до порядка подачи блюд и норм приличия при их употреблении (36;35, с.179-202; 201, с.228-250). Распорядителем адыгского застолья, его полновластным хозяином являлся тхьэматэ (тамада), определявший очередность произнесения тостов присутствующими, а также начало и окончание трапезы.

Большое значение имел принцип наделения почетных гостей определенными частями туши подаваемого на стол животного (чаще — барана) или птицы, которые имели различную степень престижности.

Столь же неукоснительно этикет соблюдался и в ситуации обыденной трапезы. В соответствии со внутрисемейной иерархией, еда прежде всего подавалась главе дома. Ему прислуживал кто-либо из молодых мужчин – членов семьи и лишь при их отсутствии – девушки. После старшего ели остальные мужчины, затем женщины, также в соответствии с возрастом и положением в семье. Детей кормили отдельно.

В семьях знати соблюдался тот же порядок, но в роли прислуги выступали домашние рабы. В походных условиях князей и знатных дворян обслуживал кто-либо из уорков низшей степени. В поле или во время охоты приготовление и подача пищи возлагались на младших по возрасту и нижестоящих по социальному положению.

Для приема пищи использовались невысокие трехножные столы круглой формы (Іанэ), за которыми могли сидеть 2-3 человека. Каждое блюдо подавалось на отдельном столе, таким образом, в знаковом отношении Іанэ было синонимично блюду.

Вышеописанная “традиционная” модель адыгской системы питания постепенно трансформировалась на протяжении всего периода существования “классической” Черкесии. Однако наиболее резкие изменения были связаны с периодом Кавказской войны, при этом их характер был обусловлен не прямыми заимствованиями, а определялся воздействием военных факторов и сменой конфессии.

Так, многие авторы XVII – первой половины XIX вв. отмечали наличие у адыгов разнообразных алкогольных напитков собственного изготовления из проса, меда, винограда, лесных плодов. Неотъемлемой частью пищевого рациона средневековых адыгов являлись блюда из свинины.

Тем разительней должна показаться перемена, произошедшая в системе питания адыгов под влиянием ислама с начала XIX в. и особенно в Кабарде в годы “духовного правления” (1806-1822 гг.). Г.Ю. Клапрот в 1807-1808 гг. писал, что еще не так давно черкесы “употребляли в пищу свинину и особенно мясо диких кабанов… теперь, однако, они приучились воздерживаться от водки, от трубки и от свинины…” (4, с.262). В те же годы генерал-майор Дельпоццо отмечал: кабардинские князья и уздени “перестали пить горячее вино” и ничего не едят “из скота, не убитого руками мусульманина” (ЦГВИА, ф.ВУА, д.18491, л.9). У западных (и в особенности — у “демократических”) адыгов в условиях неполной исламизации подобные пищевые ограничения утвердились гораздо позднее — во всяком случае, еще в конце 1830-х гг. Дж. Белл наблюдал употребление причерноморскими адыгами-мусульманами достаточно крепких алкогольных напитков, формально не подпадавших под коранический запрет (38, с.544). Ритуальная практика ислама привносит в систему питания новые блюда либо меняет семантику уже существующих (например,

ашрай). С процессом исламизации можно связать изменение соотношения обрядовых трапез в пользу мусульманских, а так же и общее их уменьшение ввиду отсутствия в новой, более аскетичной вере многих ритуалов, адекватных языческо-христианскому культу.

Постепенная деградация адыгского хозяйства в ходе войны неизменно сопровождалась оскудением пищевого рациона. Уничтожение пищевых ресурсов в ходе боевых действий и реквизиций приводило к уменьшению количества потребляемой пищи и неадекватной взаимозаменяемости сырьевых компонентов, от чего страдало и качество пищи. Ситуация усугублялась и разрывом привычных торговых связей с Турцией. Следствием вынужденных миграций стало более редкое употребление в пищу продукции огородничества и садоводства — так, судя по наблюдениям Т. Лапинского, овощеводство до конца войны удержалось только у причерноморских адыгов, не столь подверженных переселениям (184, с.112). Постоянная нехватка соли препятствовала заготовке продуктов длительного хранения, ввиду чего “сужалась сфера традиционных способов питания впрок” (249, с.13).

Адыгская система питания, в известной степени являясь порождением военной ситуации, включала немало блюд “экстремальной” кухни, которые можно приготовить в критической ситуации, при почти полном отсутствии сырья и кухонной утвари. Характерно, что к числу таких блюд принадлежит и базовое блюдо адыгского стола — круто сваренная пшенная каша пІастэ. Характерным этническим стереотипом адыгов являлся и пищевой аскетизм.

Однако даже такая всемерная адаптация культуры питания к самым суровым условиям не помогла адыгам устоять, поскольку именно голод рассматривался российским командованием как важнейшее средство для покорения Черкесии, а стратегической задачей являлось его искусственное вызывание путем военных акций. По словам военного историка генерала Р.А. Фадеева, “главная задача черкесской войны состояла прежде всего в том, чтобы сбить неприятельское население с лесной равнины и холмистых предгорий и загнать его в горы, где ему было невозможно долго прокормиться; а затем перенести к подошве гор самое основание наших операций.” (322, с.85). Результатом подобной политики явилось всемерное оскудение и упрощение пищевого рациона адыгов. Фактически вся система питания западных (особенно — горных) адыгов в последние годы Кавказской войны была сведена к балансированию на грани минимально возможного для поддержания жизни количества пищи. Данные источников о массовой гибели населения от голода на заключительном этапе войны свидетельствуют, что эта грань была уже перейдена. Отчасти поэтому с постепенной эскалацией военных действий понятие локального варианта

в системе питания теряет всякий смысл, поскольку определяется уже не хозяйственным своеобразием отраслей, а вообще наличием у разных субэтносов каких-то отраслей, еще не уничтоженных царскими войсками.

Несмотря на существование достаточно тесных торговых связей адыгов со славянским населением Черномории и Центрального Предкавказья (и особенно — казаками), специфический характер их взаимоотношений в ситуации военного конфликта и изолированное существование по разные стороны кордонных линий предопределили практически нулевой уровень заимствований из русской и украинской систем питания. И хотя такие товары, как “сахар, чай, кофе, конфеты, пряники” и присутствовали среди отпускных статей меновой торговли, все же эти продукты, являясь предметами роскоши и имея престижный характер, были доступны только немногим представителям адыгской знати (256, с.46).

Особенностью данного периода (в отличие от послевоенного времени) являлся весьма низкий уровень заимствований — к этому не располагала сама ситуация продолжающегося военного противостояния.

2.3. Одежда

Характерный для адыгов комплекс одежды складывался на протяжении столетий под влиянием целого ряда факторов — среды обитания, военно-политической ситуации в регионе, традиционных занятий и эстетических представлений населения Черкесии.

Основными структурными элементами базисного мужского костюма в XVIII — начале XIX вв. являлись: нательная рубаха и нательные штаны (“портища” — по Хан-Гирею), поверх которых одевались бешмет, штаны (шаровары) и черкеска, обувь и головной убор.

Черкеска (цый / цей) представляла собой верхний кафтан из сукна, без воротника, длиной несколько ниже колен, облегающий талию, с вырезом на груди и длинными широкими рукавами.

Под черкеской носили бешмет (къэптан / къэптал) – кафтан из шелковой или шерстяной ткани, сшитый в талию, с высоким стоячим воротником. В крестьянской среде бешмет из домотканого сукна или хлопчатобумажной ткани являлся повседневной одеж-

дой. Комплект мужского костюма дополняли шаровары, которые шились из сукна или овчины (на холодный сезон).

Существовало несколько типов мужской обуви (цуакъэ / вакъэ), изготовлявшейся из сыромятной кожи, сафьяна (парадная), войлока. Специальные чувяки с подошвой из плетеных ремней шились для работающих на горных склонах.

Разнообразные головные уборы адыгов (паIо / пыIэ) различались по форме, высоте и материалу. Избирая конкретный тип шапки, адыги не только следовали моде, но и подчеркивали индивидуальный стиль. Еще Дж. Лонгворт отмечал, что в условиях “поразительного единообразия” костюмного комплекса черкесов, именно головной убор, “в зависимости от материала, из которого он может быть сделан — из каракуля, бараньего или козьего меха, мелко или крупно завитого, плотного и густого, длинного и косматого ... может быть принят за показатель, раскрывающий нам преобладающие черты вкуса, если не склонностей носящего этот головной убор” (4, с.532). В более раннее время головные уборы адыгов отличались не меньшим разнообразием — так, в источниках XV - XVII вв. упоминаются и очень низкие шапки, и высокие войлочные колпаки типа “сахарной головы” (267, с.75-81).

Отличительной особенностью традиционного адыгского мужского костюма являлось дополнение его предметами вооружения. Многие авторы XVII - первой половины XIX вв. считали неотъемлемой частью повседневной одежды адыгской знати оружие и доспехи, в которых ее представители, буквально, проводили большую часть жизни (4, с.117,210). “Главное щегольство черкесов состоит в оружии” (55, с.170), - писал С. Броневский. Хан-Гирей отмечал, что хорошие воины лучшую одежду “надевают перед сражением, когда каждый старается перещеголять друг друга красотою своего коня, блеском оружия и богатством наряда” (331, с.227). Так, уже в состав повседневной одежды входил боевой пояс (бгырыпх) с кинжалом (къамэ). Облик своеобразного арсенала придавали черкеске нагрудные карманы (хьазырыхьэ), в которых хранились деревянные или костяные трубочки с готовыми зарядами на один выстрел (хьазыр / хьэзыр — досл. “готовый”). С каждой стороны груди размещалось не менее восьми таких газырниц. Газыри позволяли практически мгновенно перезарядить винтовку и произвести выстрел.

Газыри являются сравнительно молодой деталью верхней одежды и появились на черкеске только с распространением у адыгов огнестрельного оружия. Подобная “чуже-

родность” подчеркивалась, отчасти, тем, что вплоть до конца XIX в. газырницы шились из материала иного цвета и зачастую иной фактуры, чем основная ткань черкески (294, с.27).

Названные элементы военизации неизменно входили в состав и иных мужских комплексов, что объясняется абсолютной адаптированностью одежды к военному быту. Причем в зависимости от ситуации (и соответственно — от выполняемых функций) количество предметов вооружения могло резко увеличиваться. Усиление милитаризации костюма было заметно уже вне усадьбы. “Черкес никогда не выйдет из своего дома невооруженным”, — отмечал Г. – Ю. Клапрот (4, с.266). За пределами селения арсенал адыгского мужчины представлял собой полный боевой набор всего имеющегося у него вооружения.

Непременной деталью дорожного костюма были войлочные ноговицы (лъай / лъей), защищавшие шаровары всадников от конского пота и предохранявшие их от истирания при движении через лес. Защитой от непогоды адыгским наездникам служили бурка (кIакIо / щIакIуэ) — меховой или войлочный плащ, пробраз которой фиксируется у адыгов еще в XV в., а также башлык (шъхьарыхъон / бащлъыкъ) — своеобразный капюшон, одевавшийся поверх папахи, концы которого обматывались вокруг шеи. Бурка являлась принадлежностью универсального характера, незаменимой в военно-походных условиях — исключительно теплая и непромокаемая, она позволяла ночевать даже в снегу, а будучи наброшенной на нижние ветви дерева или вбитые в землю колья, легко превращалась в палатку. Бурка и башлык, писал Хан-Гирей, “необходимы для наездника; они, так сказать, заменяют ему жилище и защищают его от вьюг и свирепых непогод” (330, с.241).

Теплой верхней одеждой, в отличие от бурки, носившейся в пределах селения, являлись шубы (джэдыгу), изготовлявшиеся из овчины или меха диких животных и покрывавшиеся сукном или шелком.

Как видим, адыгский мужской костюм — это прежде всего костюм воина. Именно абсолютной функциональностью, т.е. соответствием военно-политической ситуации и местному театру военных действий, обуславливается его полное заимствование как другими народами Кавказа, так и воевавшим против адыгов казачеством и отдельных элементов — регулярной российской армией.

Естественно, что вышеописанный базовый костюм в различных ситуациях мог дополняться другими элементами одежды, либо утрачивать некоторые детали. Так, как правило, черкеска не надевалась адыгскими крестьянами, работавшими в поле, для защиты от солнца им служил войлочный головной убор в форме шляпы с широкими полями (упкIэ паIу / упщIэ пыIэ). Зимний комплект одежды утеплялся подкладкой или изготовлялся из более плотных материалов.

Военный быт оказывал воздействие и на эстетические предпочтения адыгов, в соответствии с которыми повседневная мужская одежда окрашивалась в сдержанные, темные тона, обладающие маскировочным эффектом на фоне горно-лесных ландшафтов Черкесии.

В то же время, еще в начале XIX в., представители адыгского рыцарства в день сражения одевали поверх кольчуги рубахи-обереги (“щэтемыгъэфэ джан” — рубаха, защищающая от стрел), судя по названию, являвшиеся весьма древней деталью военного комплекса одежды. Эти “блестящие полукафтанья, предпочтительно из алого сукна или бархата, шитые серебром и золотом с изображениями на них луны” (330, с.242) совмещали в себе не только магические, но и эстетические функции, соответствуя восприятию сражения как праздника, сложившегося у правящих классов Черкесии. У частие в сражении являлось единственным поводом, когда достаточно строгие эстетические воззрения адыгов позволяли одеваться сколь угодно пышно и вычурно. Однако в дальнейшем, по мере эскалации боевых действий в ходе Кавказской войны, рубахи-обереги постепенно выходят из употребления.

До повсеместного распространения огнестрельного оружия в состав оборонительного доспеха входили шлем, кольчужные панцирь, налокотники и перчатки. Однако уже к началу Кавказской войны из этого перечня сохранялись только кольчуги, еще остававшиеся функциональными, поскольку обладали значительным останавливающим действием в отношении ружейных пуль, хотя против картечи были, разумеется, бесполезны.

Обязательными деталями традиционного женского костюма адыгов являлись нательная рубаха (джан), шаровары (гъончэдж), верхняя рубаха или платье, обувь (цуакъэ) и головной убор — шапочка (дышъэ пэІо) или платок (шъхьэтехъу). Этим набором одежды и ограничивался повседневный костюм женщин незнатного происхождения — в домашней обстановке верхней одеждой им служило длинное платье с рукавами, поверх которого надевался пояс из ткани, кожи или шнура.

Девушки и женщины из высших сословий, не обременявшиеся тяжелой работой, даже в домашней обстановке могли позволить себе носить полный наряд — поверх рубахи надевались кафтанчик (кІыэчІы), украшенный металлическими застежками (тыжьын чыІу) и верхнее распашное платье, по покрою сходное с черкеской, шитое в талию, с лопастеобразными нарукавниками (сай), перехваченное в талии поясом (тыжьын бгырыпх). Наряд довершали всевозможные украшения, а также шапочки разнообразных типов (которых этнографы насчитывают около десятка) — с круглым верхом, цилиндрической, конусообразной, “митрообразной”, шлемовидной формы, нередко с серебряным навершием.

Для простолюдинок же подобный полный комплект женской одежды был доступен только в праздники.

Эволюцию распашного платья можно проследить по источникам XIV - XVII вв., в которых фиксируется верхняя одежда с откидными от локтя рукавами. Этот разрезанный рукав к середине XIX в. приобрел форму лопастеобразного нарукавника.

Самым престижным цветом таких платьев считался темно-красный, являвшийся привилегией женщин высших сословий. К платью такого цвета полагались близкие по тону кафтанчик и подвески, оранжевая, желтая или белая рубашка. Кроме этого, платья бывали черного, коричневого, синего, темно-зеленого цвета.

Праздничный вариант одежды, как и у мужчин, так и у женщин, отличался от повседневного как в количественном, так и качественном отношении. Даже беднейшие слои населения стремились в дни праздника дополнить свой наряд тщательно сберегаемыми и в обычное время не используемыми элементами одежды — черкеской, обувью, наборным поясом, дорогим кинжалом (мужчины), украшениями (женщины). Более состоятельные члены общины имели особые праздничные одеяния, изготовленные из лучших материалов в основном более светлых, чем повседневная одежда, тонов. В то же время адыгская эстетика накладывала весьма жесткие ограничения на украшение одежды. Так, полы праздничной черкески, бешмета, а также газыри и ноговицы могли обшиваться галуном или витым шнуром, однако чрезмерное обилие украшений не поощрялось даже у знати; исключение делалось только для дорогого оружия. По словам Хан-Гирея, “слишком пышно одеваться почитается у них (адыгов — Ред.) не очень приличным, почему стараются более щеголять вкусом, нежели блеском” (330, с.242). Женский костюм должен был отличаться непременным чувством вкуса и стиля. Так, неоднотонные, пестрые и излишне яркие ткани не использовались. Декоративные элементы праздничного костюма — как основные (золотое шитье, нагрудные застежки, серебряный пояс), так и дополнительные (серьги, браслеты, перстни, кулоны) должны были составлять единый комплекс.

Праздничная одежда во многих отношениях синонимична ритуальной, поскольку используется в обрядах как жизненного цикла, так и календарной обрядности.

Так, праздничный комплекс одевается не только молодыми, вступающими в брак, но и остальными участниками свадебных игрищ. При этом для невесты этот костюм дополняется покрывалом, которым вплоть до особого ритуала скрыто ее лицо.

Большое значение различные элементы одежды и аксессуары играли и на других этапах свадебного цикла — при обручении (в качестве залога верности — “Іэуж”), при выплате брачного выкупа - “уасэ” (у дворян осуществлялась частично доспехами и ору-

жием), выполняли функции даров, преподносимых невестой родственникам жениха, а также при взаимных визитах представителей породнившихся семей.

Праздничная одежда использовалась и при различных молениях, сопровождавших все наиболее значительные события жизни адыгского социума, и при прочих церемониях как языческо-христианского, так и мусульманского культа. Характерным при этом является резкое отличие ритуальных одеяний главных действующих лиц — священников от костюмов остальных участников. Так, мусульманский священнослужитель облачен в халат и чалму или феску, являющиеся знаком его сана, причем эта ритуальная одежда становится повседневной только по окончании Кавказской войны, когда уходят в прошлое воинствующие адыгские эфенди, участвовавшие в сражениях в одежде рядового воина.

При отправлении ритуалов языческо-христианского культа, священник мог быть облачен в бурку и совершал моление с непокрытой головой.

Большое значение одежда имела и в обрядах похоронного цикла. Так, элементы одежды символизируют состояние траура близких родственников покойного. Одежда умершего раздается участникам похоронных ритуалов; бурка или платок покрывает тело покойника до самого момента его предания земле. Особой одеждой является погребальное одеяние — саван.

По замечаниям Дж. Белла, в годы Кавказкой войны, погибшие в бою (но не в набеге с целью захвата добычи) были единственной категорией лиц, которую после смерти не переодевали в погребальные одежды, предавая земле в посмертной, носившей явные признаки гибели ее владельца от оружия врага (4, с.488).

Важную роль те или иные детали одежды играли и в т.н. кризисных ритуалах (ритуалах бедствия). Можно упомянуть обряжение лопаты в ритуальном комплексе вызывания дождя “хьанцэгуащэ”; связывание черной кошки, символизировавшей болезнь, серебряным поясом в обряде очищения огнем (357, с.33,62-63,85) при эпидемии или эпизоотии; магические манипуляции с деталями одежды, развешиваемыми в священной роще, для исцеления больного (196, с.33) и т.д.

Большое значение в смеховой культуре адыгов имел культ ачIэкъашъо, символизировавший плодородие, атрибутами которого являлись маска козла, овчинный тулуп и прочие детали.

Следует отметить, что сфера распространения вышеназванных языческих обрядов постепенно сокращалась по мере исламизации, а стало быть — из употребления выходили как целые комплексы, так и отдельные их элементы (в некоторых случаях просто утрачивавшие особую семантику).

Характерная для адыгов высокая семиотичность одежды отражала этническую, субэтническую и конфессиональную принадлежность, социальный статус, семейное и материальное положение ее владельца.

Этническая функция гораздо отчетливее прослеживается у женского костюма адыгов, чем у мужского. Причиной тому практически полная идентичность мужского костюмного комплекса народов Кавказа и казачества, ставшая результатом интенсивных заимствований в силу высокой престижности адыгской аристократической культуры. В подобной ситуации этническая функция одежды отражалась не в компонентном наборе костюмного комплекса, а при помощи цветовой символики, кода материалов, украшений, способа ношения компонентов (173, с.187). Так, по замечанию Ф. Торнау, абхазы, носившие аналогичный адыгскому комплекс одежды, отличались от последних меньшей длиной черкески, особым способом завязывания башлыка и его цветом (светлым в отличие от темных тонов, предпочитавшихся черкесами).

Комплекс одежды являлся отражением и конфессиональной принадлежности его владельца. Самое раннее свидетельство массовой трансформации адыгского костюма под воздействием ислама относится к 1808 г., т.е. к эпохе шариатского движения в Кабарде: “... все переменили обычай в одеянии: вместо прежних коротких черкесок начали носить длинные. На шапки надели чалмы, отпустили бороду...” (РГВИА, ф.ВУА, д.18491, л.9). К середине XIX в. уже у всех групп адыгов существовала довольно значительная прослойка лиц, в свое время совершивших паломничество (хадж) в Мекку. Отличительной деталью костюма этой категории являлась лента белого или зеленого цвета. Намотанная на папаху в живописном беспорядке, она вводила в заблуждение иностранных авторов, писавших о “тюрбане” или “чалме хаджия”. Естественно, что описанные выше ритуальные костюмы мусульманских священников также являются отличительным знаком конфессиональной принадлежности. По наблюдениям Дж. Белла, женщины из семей убежденных сторонников ислама вне дома обязательно носили покрывало.

Важным показателем сословной принадлежности являлась цветовая стратификация. В адыгском обществе красный цвет считался знаком высшего сословия и какое-то время существовал особый запрет на использование этого цвета в одежде и (особенно) в обуви лиц некняжеского происхождения. Однако демократические преобразования у горных адыгов постепенно сделали эти запреты чисто номинальными. Признаком аристократизма являлось и ношение своеобразной женской обуви в виде скамеечки высотой до 20-ти см, обитой серебром или жестью (пхъэцуакъэ / пхъэ вакъэ).

Костюм мог символизировать и семейное положение человека. Так, в середине XVII в. у кабардинок символом вдовства был головной убор с бычьим пузырем, а замужние женщины Западной Черкесии носили клубок войлока у затылка, покрытый флером (267, с.88-89). В более позднее время наличие корсета (бгъэкIапх) являлось отличительной чертой девичьего костюма (за исключением дворовых крестьянок). Молодые замужние женщины носили шапочки меньшего размера, их наряд был скромнее по качеству материалов и наличию декоративных элементов, чем девичий. Рождение первого ребенка обязывало молодую мать носить платок.

Особой семиотичностью у адыгов отличался головной убор. Шапка являлась символом чести ее хозяина и наглядным свидетельством совершения им неблаговидного поступка — так, выдавшему чужую тайну прожигали дно шапки, труса обязывали носить безобразный войлочный колпак (пIынэ).

Сбить или сорвать шапку с головы адыгского мужчины было равнозначно нанесению тягчайшего оскорбления. При таком восприятии добровольно снять с головы папаху адыг мог только в исключительной ситуации, например, при обращении с просьбой о покровительстве. В мемуарной литературе периода Кавказской войны описаны случаи, когда снятая с головы и поднятая на винтовочном стволе папаха означала вызов на поединок при столкновениях адыгов и казаков. К такому же эффекту порой приводила и белая папаха — головной убор такого броского, демаскирующего цвета могли одевать в бой только отчаянные храбрецы, готовые либо победить, либо умереть и, как правило, вызывали желание у противоположной стороны испытать судьбу на единоборстве.

Одной из основных функций одежды адыгов являлась корректирующая, заключавшаяся в формировании внешнего облика человека, соответствующего эстетическому идеалу адыгов (317, с.73-74).

Материалы, применявшиеся адыгами для изготовления одежды, имели различное происхождение, являясь как продукцией местного хозяйства, так и результатом торгового обмена.

Так, развитое животноводство поставляло мех для шапок, шерсть, использовавшуюся в производстве домотканого сукна и войлока, из которых в свою очередь шились черкески, штаны, бурки, ноговицы. Из кожи выделывали ремни, пояса, обувь, а из сафьяна — девичьи корсеты, женскую и мужскую обувь, парадные ноговицы. Из льняных и конопляных волокон ткали полотно и холст, шедшие на изготовление нательной одежды, бешметов.

Давние торговые связи адыгов с соседними регионами обеспечивали постоянное поступление более изысканных и тонких тканей — шелка, бархата, атласа, парчи, машинного сукна, ситца, холста, которые использовались для пошива как мужской, так и (особенно) женской одежды праздничного назначения.

В то же время, военные катаклизмы, неоднократно потрясавшие Черкесию, могли существенно затруднять поступление импортных материалов. Так, в годы Кавказской войны, в ситуации торговой блокады, предпринятой российским правительством в отношении Черкесии, ввоз товаров из Турции практически прекратился, что, естественно, сказалось на качестве используемых в производстве одежды материалов, поскольку разоренное войной адыгское хозяйство уже не могло обеспечить поступление необходимого количества сырья.

Видимо, в попытке восполнить недостаток сырья, адыги пытаются шире использовать местные ресурсы и, в частности, налаживают производство шелка, что, по данным Дж. Белла, уже имело место к 1837 г. в ряде прибрежных пунктов южнее Пшады (4, с.477).

И если уже в конце 1830-х гг. Дж. Лонгворт отмечал “решительный налет бедности” в одежде встречавших англичан адыгов (4, с.532), то в дальнейшем эта ситуация имела тенденцию к еще большему ухудшению. Обычным явлением этого периода стало отсутствие даже у некогда состоятельных адыгов отдельных элементов комплекса одежды — рубашки, бешмета, обуви, а русские источники постепенно начинают утверждаться в мысли, что подобные случаи — не результат войны, а всего лишь следствие традиционного “пренебрежения к щегольству” и что у адыгов “ходить оборванным не составляет малейшего стыда как для богатых, так и для бедных” (293, с.134).

Последние годы Кавказской войны изобилуют свидетельствами крайнего обнищания адыгского населения и массовой его гибели не только от голода, но и от холода ввиду отсутствия одежды.

Комплекс одежды адыгов послевоенного времени претерпел определенные изменения, продиктованные как внутренней эволюцией костюма, так и (в особенности) интенсивными межэтническими контактами этого периода.

Так, по данным источников, изменяется сама направленность процесса заимствования деталей культуры — военизированная адыгская одежда, в предыдущее время являвшаяся примером для подражания, теперь сама становится реципиентом, в мирное время частично утрачивая функциональность и престижность и воспринимая новые, более прак-

тичные и ставшие модными элементы одежды и материалы из русской (в основном городской) культуры.

* * *

Культура материального производства и жизнеобеспечения адыгов с древнейших времен была адаптирована к природным условиям Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья, будучи представлена несколькими локальными вариантами хозяйственно-культурного типа, соответствующими ландшафтно-климатическим зонам. Не меньшее влияние на данный регион, находящийся на стыке Европы и Азии, оказывали и внешнеполитические условия, наложившие свой отпечаток на все аспекты материальной культуры, включая отрасли первичного производства и систему жизнеобеспечения. Военный быт явно просматривается в динамичном равновесии земледелия и скотоводства, аскетизме повседневной адыгской кухни, легкости жилища, откровенной военизации костюма.

Начавшаяся Кавказская война продемонстрировала высокий уровень приспособленности материальной культуры адыгов к подобным условиям, что и обеспечило достаточно длительное сопротивление царским войскам, хотя на протяжении всего этого периода экономика Черкесии подвергалась совместному воздействию факторов военного времени — от боевых действий до являвшихся их следствием миграций населения и торговой блокады.

В результате продолжавшегося десятилетиями военного противостояния адыгов с Россией, объем продукции в отраслях первичного производства резко сократился, что привело к соответствующим изменениям в жизнеобеспечивающих отраслях. В этих условиях развивались только отрасли, ориентированные на военное производство (например, оружейное ремесло), существование которых затруднялось отсутствием необходимых условий, поскольку боевые действия велись уже на территории Черкесии.

Эскалация боевых действий потребовала еще большей военизации материальной культуры. Так, адыгские поселения приобретают ярко выраженный оборонительный характер; не только повседневный, но и рабочий комплекс одежды дополняется вооружением; расширяется сфера действия института походной пищи с одновременным изменением его структурных элементов.

Результатом затяжного военного конфликта явилось практически полное уничтожение материальной культуры. Все силы населения затрачивались не на развитие, а лишь на восстановление разрушенных отраслей. Голод, нищета, развал жилищной сферы являлись непременными факторами многолетней войны, истощившей экономику Черкесии и

вынудившей ее население прекратить сопротивление, ибо в 1860-х гг. речь уже шла не о сохранении независимости, а о выживании адыгского этноса как такового.

Глава 3. Семейный быт

Для семейного быта адыгов были характерны два основных типа семьи.

Наиболее древней формой, прослеживаемой по источникам периода средневековья и упоминаемой в обычном праве адыгов, была большая (патриархальная) неразделенная семья (унэгъуашъхьэ). Отличительным признаком такой семьи являлось проживание в одном дворе нескольких женатых братьев, а также их потомков и (если они еще были живы) родителей, предусматривавшее совместное ведение общего хозяйства. Подобные трех-четырех-поколенные семьи могли быть весьма многочисленными.

Характерной чертой большой семьи была общая, неразделенная собственность на землю, скот, хозяйственные постройки. К личной собственности относилось, одежда, украшения и оружие.

Главной причиной длительного сохранения большой семьи являлось господство натурального хозяйства, в условиях которого многоотраслевая деятельность была возможна только в рамках крупных семейных общин.

Главой подобной общины являлся старший мужчина — отец или (после его смерти) старший из братьев, представлявший семью на уровне селения, регулировавший повседневную хозяйственную деятельность семьи, распоряжавшийся ее средствами, решавший все вопросы брачного характера членов семьи. Власть отца над сыновьями была исключительно велика — за серьезный проступок он мог изгнать или лишить наследства любого из них. В то же время беспричинный деспотизм главы семьи адыгами осуждался — авторитет отца должен был основываться не на страхе, а на уважении за мудрость, человечность, хозяйственную компетентность. Без согласия главы семьи ни один из сыновей не мог выделиться в отдельное домохозяйство. Чаще всего разделение большой семьи происходило уже после смерти отца. Однако еще какое-то время формально самостоятельные малые семьи продолжали вести совместное хозяйство, пока экономические возможности не позволяли им произвести реальный раздел.

Столь же большим авторитетом, что и глава семьи, пользовалась старшая женщина (гуащэ), ведавшая вопросами домашнего хозяйства.

Другим типом семьи, существовавшим в это же время, была малая семья. Подобные образования могли состоять из семейной пары и их неженатых детей, в других случа-

ях (сложные семьи) могли включать и кого-нибудь из родственников мужа — одного или обоих родителей, неженатого брата, незамужнюю сестру и т.д. (283, с.29) Такая сложная семья “по поколенному составу напоминала большую семью, но по сути она уже не была архаической большой семьей, а являлась переходной формой к малой семье” (105, с.258-259).

Между этими двумя типами семьи существовало своеобразное динамическое равновесие — малая семья через одно поколение, не будучи подверженой разделу, могла превратиться в большую. В свою очередь, большесемейные общины могли дробиться на малые, причем данная тенденция постепенно становится превалирующей на протяжении всего рассматриваемого периода.

В то же время, скорость распада больших семей и основные этапы данного процесса были неодинаковы у различных этнографических групп адыгов.

Динамика изменения количественного состава семьи у кабардинцев отличалась исторически обусловленными особенностями. Еще в 1784 г. П.С. Потемкин отмечал: “…Каждое семейство от прадеда и до позднего поколения живет нераздельно и пищу употребляет от одного котла, и по сему здесь народ не говорит “сколько семей или дворов”, но “сколько котлов”. (137, с.361) Во второй половине XVIII в. источники отмечают интенсивный процесс распада больших семей, в том числе и среди зависимых крестьян. Для предотвращения этой тенденции даже принимались нормы обычного права, делавшие раздел семьи весьма дорогостоящим мероприятием. “Крестьяне одного семейства, состоявшего из нескольких братьев, живущих вместе, не могут разделиться, не дав господам по 40 баранов с ягнятами каждый. Кто не имеет баранов, тот делиться не вправе. Это сделано для того, чтобы не расходились врозь. А жили вместе; потому что через раздел они беднеют и уже не в состоянии ни исполнять работ, ни уплачивать должного господину” (185, с.234-235). Подобный процесс шел и среди феодалов. Например, по сведениям П.С. Потемкина, “по рождению первого младенца отец новобрачного дарит своему сыну дом, скот и что по состоянию и отделяет его от себя” (137, с.363).

Все это говорит о том, что процесс разложения патриархальной семейной общины в Кабарде начался еще до второй половины XVIII в. и привел к тому, что уже в первой половине XIX в. малая семья стала основной хозяйственной единицей. В это время средняя численность семьи в целом по Кабарде составляла около 6 чел. обоего пола. Однако в результате социально-экономического и демографического кризиса, возникшего впоследствии карательных экспедиций царских войск и опустошительной эпидемии чумы, происходит определенная регенерация больших семей. В условиях, когда речь шла о физиче-

ском выживании этноса, малые семьи уступали по своим адаптивным возможностям большим семьям и, кроме того, значительно хуже обеспечивали потребности феодальных владельцев, материальное положение которых также ухудшалось под воздействием системного кризиса кабардинского феодализма.

Данные по западным адыгам достаточно противоречивы. По оценкам Т. Лапинского, средняя численность семей у “демократических” адыгов в конце 1850-х гг. составляла 17 человек на двор, хотя ему встречались и отдельные семьи до 100 человек (184, с.78-79). Однако можно ли в данном случае отождествлять понятия “двор” и “семья” — совершенно непонятно.

Можно только предполагать, что архаические черты семейного быта сохранялись у “демократических” адыгов в силу специфической формы горного хозяйства — в условиях малоземелья опасение перед возможным разорением сдерживало разделы больших семей.

В то же время, в равнинных княжествах Западной Черкесии, насколько это можно судить по переписям бжедугских аулов 1852 г. (ГАКК, ф.261, оп.1, д.1263, л.44-68об.), средняя численность семей (около 6 чел.) практически соответствовала кабардинским данным того же периода.

Пик дезинтеграционных процессов в семейной сфере у западных адыгов пришелся на последние годы Кавказской войны и поствоенный период. Регулярное уничтожение селений и постоянные миграции населения привели к дисперсному расселению фрагментов некогда больших семей по различным аулам не только Северо-Западного Кавказа, но и Османской империи.

Необратимой тенденция распада больших семей становится к концу XIX в. по мере вовлечения адыгов в товарно-денежные отношения, сопровождавшиеся расслоением сельской общины, утратой прежнего коллективизма и индивидуализацией крестьянского труда (23, с.20-21,40;247, с.460-461;209, с.111-112).

Браки у адыгов были строго экзогамными — запрещалось вступление в брак кровным родственникам вплоть до 7-го колена, однофамильцам, а также представителям разных фамилий, возводивших себя к общему предку. Из брачной сферы исключались и родственники, приобретенные посредством искусственного родства — аталычества, усыновления, молочного родства, а также индивидуального и межродового побратимства (зэтхьарыIогъух — соприсяжное братство). Игнорирование подобных запретов всегда вызывало крайнее неприятие общины, приводившее к изгнанию, а нередко и к убийству нарушителей. Исключительно редкими были браки между представителями разных сословий.

Средний возраст вступления в брак у адыгов составлял 18-25 лет для юношей и 15-18 — для девушек.

У адыгов существовало несколько форм заключения брака, основной из которых считался брак по сговору, т.е. с обоюдного согласия сторон.

Существование такого брака было обусловлено значительной свободой адыгской молодежи в выборе будущего спутника жизни. Юноши и девушки могли встречаться, знакомиться и оказывать друг другу знаки внимания на свадебных игрищах, вечеринках, сопровождавших обряд излечения раненого (кIапщ). Местом времяпрепровождения молодежи были и особые девичьи комнаты (пшъэшъэунэ), выделявшиеся в каждом доме для достигших брачного возраста девушек. Именно здесь, согласно требованиям института “псэлъыхъуакIо” (сватовства — от адыг. “псэ” — душа, “лъыхъуэн” — искать; досл. — “поиск души”), в присутствии младшей сестры или подруги, и должно было происходить объяснение девушки с потенциальными женихами. Случалось, что к известной своими достоинствами девушке приезжали свататься юноши и из соседних селений, и даже из отдаленных уголков Черкесии. При этом в ситуации сватовства обеими сторонами активно использовался хъорыбзэ — образный, иносказательный язык игрового ухаживания (318, с.43-44).

Девушка, сделавшая свой выбор, через посредников ставила об этом в известность родителей. В случае их согласия на этот брак, молодые обменивались залогом верности (Iэуж) и назначалась дата увоза невесты.

Подобная разновидность сватовства становится у адыгов преобладающей в XIX — начале XX вв.

В более ранний период, в эпоху господства авторитарной большой семьи, инициатива заключения брака исходила от родителей жениха, они же подыскивали невесту и, в случае взаимного согласия молодых, отправляли сватов к родителям девушки. Наиболее часто к такой форме брака прибегали представители феодальной верхушки, для которых матримониальные связи были одним из способов приобретения политических союзников.

Существовали и более редкие разновидности брака по сговору. Так, согласно колыбельному обручению, семьи, желавшие породниться, заключали соглашение, что их новорожденные сын и дочь поженятся по достижении брачного возраста. Изредка практиковались левиратный брак (когда вдова выходила замуж за брата умершего мужа) и сорорат (брак с сестрой умершей жены), считавшиеся целесообразными с точки зрения воспитания оставшихся детей.

Иной формой брака у адыгов являлось умыкание, имевшее три разновидности: 1) насильственное похищение — вопреки воле девушки и ее родных; 2) увод невесты с ее согласия и против воли родителей; 3) уход невесты или фиктивное похищение по соглашению всех заинтересованных сторон.

Существование подобной формы брака объясняется как экономическими, так и морально-психологическими мотивами:

1) похититель стремился заставить девушку и ее родственников смириться с браком — в противном случае, даже силой отобранная у незадачливого жениха, она считалась “обесчещенной” и утрачивала шансы выйти когда-либо замуж;

2) в то же время, похититель надеялся при примирении добиться от стороны невесты существенного уменьшения “уасэ” (брачного платежа, калыма), а в случае фиктивного умыкания — избавиться от предсвадебных расходов;

3) в военизированном адыгском обществе кража невесты, связанная с риском для жизни, могла восприниматься молодежью как проявление удали.

В то же время адыги, считавшие умыкание антиобщественным поступком, всегда пытались бороться с его проявлениями, относя их к категории тягчайших преступлений, согласно обычному праву наказуемых по закону кровной мести. Не случайно, что у кабардинцев неоднократно устанавливались высокие штрафы за подобные действия, даже совершаемые с согласия невесты (АКАК, т.IX, с.948; 277, с.55). Однако, в силу объективных социальных причин, изжить умыкание не удавалось — так, по этнографическим данным, в предреволюционные годы, в силу обнищания народных масс, “наблюдалась тенденция к вытеснению брака по сговору браком уводом и в особенности браком уходом” (283, с.56).

Главным поводом оставалась крайне высокая стоимость брачного выкупа, исчислявшаяся в сотнях русских рублей серебром. Сознавая это противоречие, кабардинцы, в 1807 г. переживавшие демографический кризис после эпидемии чумы и карательных акций царских войск, значительно снизили стоимость брачного выкупа (АКАК, т.IX, с.948). Размеры “уасэ” были различными у адыгских субэтносов и зависели от сословного статуса, внешних данных и хозяйственных навыков невесты, причем за девушку платили больше, чем за вдову. Высшие сословия могли выплачивать калым оружием, лошадьми, крепостными крестьянами, остальные — скотом.

Свадьба у адыгов представляла целый комплекс обрядов и действий магического характера, призванных обепечить благополучие молодой семье. Немало было и моментов,

отражавших давно пройденные этапы общественных отношений (в частности — переход от матрилокальности к патрилокальности).

Собственно свадебные торжества начинались у адыгов с поездки за невестой. В состав свадебного поезда, возглавляемого зрелыми, авторитетными мужчинами, входили молодые родственники и друзья жениха. Сам жених за невестой либо не ездил совсем (у кабардинцев), либо, если и участвовал в поездке (у западных адыгов), избегал встречи со своими старшими родственниками и в доме невесты не появлялся.

Увоз невесты сопровождался ритуальным противодействием со стороны ее родных и односельчан — поезжанам приходилось платить “почти что за каждый шаг: за вставание невесты, за ее выход из комнаты, со двора, за право тронуться в путь” (283, с.58). Кроме этого, у них отбирали (или обменивали на худшую) одежду, подвергали насмешкам, а при выезде верховых со двора им приходилось отражать атаки местной молодежи, вооруженной палками (обряд именовался “къорэгъзау” — палочная война). Невесту увозил в седле коня родственник или близкий друг жениха; в более позднее время ее усаживали на арбу или в фаэтон.

При этом невесту нередко везли не в дом жениха, а в “чужой дом” (обряд “тещэрыпI”), где она могла находиться от недели до 2-3 месяцев (позже срок постепенно сократился до нескольких дней). На это время, а также на период свадьбы жених, соблюдая обычай избегания со своими родителями, поселялся в другом, чаще заранее выбранном доме (обряд “шъэоекIолIэжь”). Посредством этих обрядов фактически устанавливались отношения искусственного родства (аталычества) между семьями жениха и невесты и хозяевами “чужих домов”.

По прошествии определенного обычаями срока, невесту увозили в родной дом жениха, где все было готово к свадьбе. По представлениям адыгов, свадьба являлась делом не только одной семьи, но и всего рода жениха, и даже всего селения. В свадебных приготовлениях, заготовке продуктов, размещении гостей, свадебных церемониях принимали участие все родственники и соседи семьи жениха. Число участников свадьбы могло исчисляться сотнями, свадебные игрища продолжались от одного дня (у наименее состоятельных семей) до семи-девяти (у знати). Свадьба являлась самым ярким, запоминающимся событием в жизни местной общины.

Основными элементами свадебного обряда являлись:

* привоз невесты и ввод ее в брачное помещение “лэгъунэ”, где она находилась несколько дней до начала “большой свадьбы”. Здесь же совершался обряд мусульманского бракосочетания “нэчыхь”. Если вопрос с калымом был урегулирован, молодой супруг мог

тайно навещать свою жену. В первую брачную ночь местная молодежь устраивала свадебную обструкцию. Демонстрация невинности невесты наутро была обязательна;

* ввод невестки в большой дом (чему предшествовал “уход бабки” жениха) с обрядами приобщения к очагу, знакомства со старшими родственниками мужа и свекровью;
* ввод невестки в дома родственников мужа;
* ввод невестки в кухню (как правило, совершался на следующий день после большой свадьбы).

При этом все перечисленные церемонии “первого шага”, начиная с привоза невесты, сопровождались зачастую уже не осознаваемыми магическими действиями — стреляли из ружей, невесте мазали губы смесью масла и меда, осыпали орехами, сухариками, монетами, при входе в помещения под ноги укладывали баранью шкуру или шелковую ткань.

Основные этапы свадьбы сопровождались застольем с угощением главных действующих лиц, ритуальными тостами и благопожеланиями, а также танцами, военно-спортивными играми (скачки, джигитовка, борьба за кожу, стрельба в цель и др.).

При этом, у черноморских шапсугов в силу их меньшей исламизации и относительной изоляции, наблюдалась значительная архаика свадебных обрядов, к началу XX в. уже не сохранившихся у остальных адыгов.

По прошествии некоторого времени после основных торжеств (от нескольких дней до нескольких лет) устраивались обряды послесвадебного этапа. К их числу относились:

* раздача вещей новобрачной родственникам жениха;
* возвращение новобрачного в родной дом, сопровождавшееся церемонией “примирения”, символизировавшей окончание им свадебного избегания старших родственников;
* первая послесвадебная поездка невестки к своим родителям (“тыщас”) — совершалась через несколько месяцев или даже год после свадьбы. Именно в момент пребывания дома она наделялась приданым (“тыщырых”);
* первые взаимные визиты родителей молодых (блэгъакIо или блэгъэфакIо), сопровождавшиеся застольем и взаимными дарами, окончательно скрепляли родство двух семей;
* первый визит зятя к родственникам жены.

Молодая семья размещалась в отдельном доме на родительской усадьбе, в позднейшее время брачное помещение пристраивалось к “большому дому”, сохраняя отдельный вход.

Невестка должа была соблюдать обычаи избегания с родителями мужа. Но если со свекровью она могла видеться уже с момента свадьбы, а разговаривать — спустя еще несколько месяцев (после обмена подарками), то свекра она избегала годами, а то и на протяжении всей жизни. Соблюдался и обычай взаимного избегания супругов — считалось предосудительным, если мужа и жену увидят вместе в доме, на усадьбе или за ее пределами. Осуждалось и излишнее проявление эмоций, в силу чего нормой поведения в семье была сдержанность.

Взаимоотношения в семье строились на принципах адыгского этикета, предусматривавшего взаимное уважение, предупредительность и такт. Несмотря на главенство мужчин, женская часть семьи (и особенно — мать) пользовалась исключительным уважением и почитанием. По мере возможности женщин старались оградить от тяжелых работ. Особой заботой была окружена молодая невестка, которой первые год-два семейной жизни не позволяли работать в поле, доить коров, готовить пищу.

Еще большего внимания и заботы удостаивалась невестка, ожидающая ребенка. Она была обязана соблюдать пищевые ограничения и поведенческие запреты, чтобы не нанести вреда здоровью и внешности будущего ребенка.

Роды принимала профессиональная повитуха, имевшаяся в каждом селении. Для облегчения родов она прибегала к имитативной магии, например, отпирала замки и развязывала узлы.

В честь рождения ребенка (особенно — мальчика) устраивали праздник с угощением, обрядовыми играми (например, лазание за призами по гладкому столбу у шапсугов или по промасленному ремню у кабардинцев).

Правом имянаречения у адыгов пользовались не родители, а старшие родственники, соседи, знакомые. Наряду с традиционными именами, адыгами использовались и иноязычные, со временем пополнявшие местный антропонимикон — с тюркскими, иранскими корнями (“бэч”, “мырзэ”, “джэрый”, “хьан”, “темыр”, “къан” и др.), по мере исламизации популярными становились мусульманские имена.

Особыми ритуалами сопровождались и другие значимые события детского цикла — укладывание в колыбель (кушъэхапхэ), первое обрезание ногтей, первый шаг, прорезывание зубов, первое бритье головы, выпадение первого зуба. По мере утверждения ислама, частью детского цикла стало обрезание — суннэт, кроме того, в текст прочих церемоний стали включаться мусульманские молитвы.

Большое значение имело трудовое воспитание детей, которых с 6-8 лет постепенно приучали помогать старшим по хозяйству. Особое внимание обращали на формирование

полоролевых стереотипов — в мальчиках стремились развить активное начало, храбрость, мужество, в девочках — мягкость, скромность, терпеливость. Для мальчиков немаловажным было и владение оружием, навыки верховой езды. Подростки из княжеско-дворянских семей занимались исключительно военной подготовкой под руководством своих аталыков.

Одной из краеугольных задач воспитания являлось усвоение детьми канонов адыгской этики (адыгагъэ). При этом господствующим императивом, основной идеей, пронизывающей адыгскую педагогику, являлся своеобразный поведенческий аскетизм, предусматривавший всемерную сдержанность, некоторую отстраненность и соблюдение дистанции во взаимоотношениях родителей и детей, опосредованность межпоколенной передачи этической культуры.

Адыгская этика осуждала излишнюю эмоциональность, в силу чего демонстрация взаимной привязанности, родительской или сыновней любви должна была осуществляться не в словесной форме, не во внешнем проявлении чувств, а в рамках допустимого кодексом адыгэ шэн хабзэ. Проявление иных манер было равнозначно “потере лица”, утрате чести (напэ). В силу этого, при всей строгости воспитания, на детей воздействовали не запретом, не наказанием, а убеждением и собственным примером — ребенок должен был осознать, что его ненормативное поведение может нанести вред репутации родителей, семьи и рода в целом.

Глубокое уважение и почитание отца и матери выражалось в беспрекословном им подчинении, в постоянной заботе о них, в строжайшем соблюдении поведенческих запретов.

Глава 4. Правовая культура

Правовая культура охватывает все сферы общества, регламентируемые правовыми нормами. В традиционном адыгском обществе функции нормативной основы выполняло ***адыгэ хабзэ***, представлявшее собой организационное единство норм обычного права (адата) и морали. “Каждый из черкесских народов имеет свой собственный адат, - писал К.Ф. Сталь, - но все эти адаты в общих своих основаниях сходствуют. Адат кабардинский считается самым лучшим и принят почти везде у черкес” (293, с.160).

Основными **источниками права** адыгов являлись обычай и судебная практика. Из дошедших до нас записанных норм обычного права самые ранние датируются концом

XVIII – началом XIX в. О том, что многие из них действовали в XVI-XVII вв., свидетельствуют материалы путешественников, побывавших среди адыгов в этот период.

Законодательное оформление норм обычного права в Кабарде имело место ещё в XV-XVI вв. Согласно «Истории...» Ш. Ногмова, князь Беслан Кайтукович Джанхотов, правивший в Кабарде до Темрюка Идаровича, учредил единый порядок судопроизводства, издал законы и обряды и установил разные штрафы за их неисполнение (240, с.125-126). Прямое указание на то, что в Кабарде при судебных разбирательствах руководствовались письменными сборниками обычного права, имеется у генерал-майора Дельпоццо, исполнявшего должность управляющего Кабарды в 1805-1815гг. 4 авг. 1807г. в своем донесении главнокомандующему войсками на Кавказе генерал-лейтенанту Гудовичу о положении дел в Кабарде он писал: «Законы, которыми были снабжены родовые суды и расправы для руководствования по обычаям, и четырёх печатей судов Большой Кабарды в ведомство моё не поступили, а по известию, мною через слухи полученному, якобы оные остались у управляющих письменными делами мулов, и по смерти оных от заразительной болезни кабардинцами сожжены» (ЦГИАГ, ф.2,оп.1,д.158,л.92).

В 1782 г. был составлен список правовых норм, известный под названием: «Описание о податях, чинимых от черного народа своим узденям». Он состоит из 4 частей, охватывающих 69 статей, регулирующих отношения между различными категориями уорков и крестьян (262а, с.64-70).

Важнейшим источником права являются «Постановления о сословиях в Кабарде», опубликованные в 1868 году на немецком языке как приложение к «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова. Из содержания документа можно предположить, что этот свод был составлен не позднее XVII в. и, переходя из поколения в поколение, постоянно находился в пользовании сельских судов. В его вводной части говорится: «Кабардинские князья, узденi и холопы издревле имели свой народный обычай, служивший для них законом» (240, с.152).

«Постановления о сословиях в Кабарде» состоят из двух разделов, которые, в свою очередь, включают несколько отдельных частей. В первом разделе представлена сословная структура кабардинского народа и территориальное деление Кабарды. В нем указано, что кабардинский народ состоит из шести сословных категорий и разделен на четыре феодальных владения. Далее идут 26 статей, составляющие «Пщы хабзэ» - княжеское право. Затем идут еще 26 статей, составляющие «Уэркъ хабзэ» - дворянское право и «ЛъхукъуэлI хабзэ» - крестьянское право. В заключение первого раздела даются 10 ста-

тей, которыми регулировались отношения между кабардинскими князьями и подвластными им соседними северокавказскими народами.

Второй раздел «Постановлений…» является дополнением к первому. Он известен под названием «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев». По существу этот раздел состоял из измененных и новых правовых норм, обусловленных распространением шариата в Кабарде, которые были утверждены кабардинским сословно-представительным собранием (262а, с.45-63).

Первая часть «Постановлений...» состоит из статей, регулирующих межсословные отношения, а вторая часть (11 статей) регламентировала права и привилегии первостепенных узденей Куденетовых. Третья часть посвящена отношениям крестьян с другими сословиями.

Самым полным сводом правовых норм кабардинцев является «Полное собрание кабардинских древних обрядов», составленное в 1843-1844 гг., и включавшее в себя «Постановления о сословиях в Кабарде» и «Народное условие 1807 г.». Кроме того, сюда вошли нормы, сохранявшиеся в устной форме и использовавшиеся судами. Всего здесь имелось 127 статей, разделенных на 12 разделов.

Кроме перечисленных документов, существуют еще два, которые составлены в период отмены крепостного права в Кабарде в 1867 г. Первый из них - «О крепостном сословии кабардинцев, под общим названием «Пшитль» (холопы), а второй – «Записка о привилегированных сословиях Кабардинского округа» (262а, с.201-218).В эти списки вошли правовые нормы, отражающие размер многочисленных повинностей, отбываемых крепостными крестьянами.

К сожалению, не сохранилось каких-либо записей правовых норм, сделанных западными адыгами, как это было у кабардинцев. Этот пробел в определенной мере восполняется сведениями Дж. Интериано, Ж.Б. Тавернье, А. Олеария, А. Де ла Мотрэ, К. Пейсонеля, Г.Ю. Клапрота и многих других, которые побывали в Черкесии в середине XV – первой половине XIX в. Основным источником права западных адыгов является составленное войсковым старшиной Кучеровым «Собрание сведений, относящихся к народным учреждениям и законоположению горцев – адату 1845 года». Данный свод был опубликован Ф.И. Леонтовичем в первом выпуске «Адатов кавказских горцев» под названием «Адаты черкес бывшей Черноморской кордонной линии».

Свод собран и составлен по специально подготовленной программе. Он состоит из семи глав, содержащих 86 статей. В первой главе 5 статей, посвященных этнотерритори-

альному делению адыгов, сословному строю, брачному праву и т.д. Вторая глава содержит 20 статей. Все они посвящены взаимоотношениям князей и дворян с другими сословиями. Третья глава посвящена духовенству. Она содержит 12 статей, отражающих место и роль духовенства в общественной жизни. Четвертая глава состоит из семи статей, характеризующих права и обязанности крестьянского свободного сословия. Пятая глава определяет личные и сословные права крепостных крестьян. Она состоит из 9 статей. Шестая глава состоит из 15 статей, регулирующих судоустройство и судопроизводство. Последняя, седьмая глава, состоящая из 18 статей, подробно расписывает имущественно-правовые взаимоотношения в обществе и семье.

Наиболее раннее использование адыгами шариата в качестве источника права в конце XVI в. у жанеевцев зафиксировано турецким историком XVII в. Гезар Феном. Он отмечал: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, составляют черкесы Жанэ; у них еще действуют вообще постановления шариата»(136, с.393).
С конца XVIII в. сначала в Кабарде, а затем и в Западной Черкесии шариат становится одним из основных источников семейного, наследственного и даже (в отдельные периоды) уголовного права.

По сведениям Хан-Гирея, «четыре книги (хукубм-китаби), или собрание законов, наиболее известные черкесским духовным лицам и которыми руководствуются они, суть следующее:

Садр-шериэ или Шархэ-викая, составленное муллою Убей-дуллахом, относится ко временам более отдаленным; Дурер, составленная муллой Хусрава (дурер-сагиби), современником Тамерлана, причисляется к собраниям законов позднейших времен (мутеаххирин). Две последние книги – Беззазия и Кказихан составляют весьма важные собрания законов, как доказывают пословицы, вошедшие в употребление между духовными: «Если не будет Беззазия, судья не сделается известным; если не будет Кказихана, судья не должен получать царского жалованья». Несмотря на всю их важность, последние два сборника чрезвычайно редки; напротив того, первые два – Садр-шериэ и Дурер – служат почти единственным руководством у черкесских кадиев» (332, с.272).

С конца XVIII в. в качестве источника права на адыгов начинают распространяться российские административные, а затем уголовные и процессуальные нормы.

Правовая культура властных отношений основывалась на особой системе нормативного регулирования, несводимой к нормам морали или права в чистом виде. Известно, что всякая власть базируется “на вере принуждаемого в законность такого принуждения и необходимость подчиняться ему” (64, с.270). Иерархический характер социальных

связей во взаимоотношениях князей, вассалов и сюзерена, вотчинника и подвластных, владельцев и крепостных, отцов и сыновей, старших и младших братьев обусловил сложную систему реализации политического насилия, легализованного действующей соционормативной системой. Его арсенал включал регламентированные обычным правом административные и политические прерогативы правящей элиты, штрафы за неисполнение решений хасы и других институтов власти, правила осуществления кровной мести, изгнания, лишения сословного статуса и т.п.

Особой формой легализованного военно-политического насилия являлось наездничество. “Набеги дворян и князей были не только образом их жизни, но и способом утверждения самого существования аристократии: добыча позволяла им обеспечивать свои нужды, явно выходившие за пределы витальных, и в то же время представлять ее обществу как побочное, не значащее явление при престижном осуществлении насилия” (97, с.343).

Функционируя в установленных традицией правовых рамках, власть феодалов обеспечивала устойчивость общественных отношений, основанных на разделении социальных функций между различными слоями общества. Они понимались, по словам Хан-Гирея, следующим образом: “По коренным обычаям и по образу мыслей народа, князья были обязаны предохранять подвластное им колено от чужеплеменного насилия и внутреннего беспорядка; в противном случае, их подвластные уходили к другим племенам или другим образом искали себе защиты” (332, с.258-259). Своеобразное сочетание функций управления и военной защиты (покровительства), составлявших прерогативу князей и дворян, с производственными обязанностями, выполнявшимися крестьянами (внешне напоминавшее обмен услугами) – являлось важнейшей основой действовавшего правопорядка, который на взаимовыгодных основах обеспечивал сосуществование господствующего класса и крестьянских сословий (331, с.316).

Однако реальная историческая ситуация неоднократно демонстрировала существенный разрыв между правовыми нормами и практикой их реализации в политических и межсословных отношениях. Превышение своих полномочий князьями и дворянством, неконтролируемый разгул кровной мести и наездничества, несостоятельность военной элиты в обеспечении безопасности подданных и т.п. нарушали правовое равновесие в обществе, сопровождаясь ответной реакцией других социальных слоев. Она проявлялась в антифеодальной борьбе тфокотлей шапсугов, абадзехов и натухайцев (XVII – XVIII вв.), массовых акциях неповиновения крепостных крестьян в Кабарде во второй половине

XVIII в., бегстве зависимых сословий на русскую территорию или к “демократическим” адыгам, уходе части подвластных от одних владельцев к другим (293, с.147) и т.д.

Обоюдное нарушение права “низами” и “верхами” расшатывало устои действующей соционормативной системы. Тем не менее, базовой установкой правовой культуры властных отношений в традиционном адыгском обществе являлась ориентация на сохранение “*status quo*”. Поэтому обычным результатом преодоления его нарушений было восстановление, но не пересмотр традиционного правопорядка в обществе. В подавляющем большинстве известных социально-политических конфликтов в истории Черкесии XVI – XVIII вв. очевиден приоритет компромисса над сверхнормативным насилием, пренебрегающим или даже разрушающим действующие нормативные распорядки. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает своеобразие традиционной правовой культуры адыгов, ориентированной на соблюдение устоявшихся моделей правового поведения и правового регулирования. В этом плане показательна и вполне закономерна сохранявшаяся многофункциональность третейского судопроизводства, по существу, действующего на достижение компромиссных условий, удовлетворяющих обе стороны (293, с.140,158;331, с.131).

Адыгская история знает немало примеров, когда кризис правового регулирования политических и межсословных отношений разрешался относительным компромиссом (перемирие кабардинских князей в 1753 г., соглашения крестьян и владельцев Кабарды о соблюдении прежних норм взаимоотношений в 1767, 1782 гг., учреждение параллельно действующих аристократического и народного собраний у “демократических” адыгов в XVIII в.). Однако уже в начале XIX в., когда вновь возникающие проблемы практически не поддавались решению традиционными средствами правового регулирования, сложились объективные предпосылки реформирования или радикального преобразования прежнего правопорядка.

Это привело к перераспределению властных полномочий между различными слоями общества (“демократический переворот” в Западной Черкесии, “духовное правление” в Кабарде в 1806 –1822 гг., шариатские преобразования Мухаммед-Амина среди абадзехов и шапсугов) и формированию новых модификаций традиционной правовой культуры, сочетавших в своей основе нормы обычного и мусульманского права.

Говоря о действенности традиционных норм регулирования политических отношений у “аристократических” адыгов Западной Черкесии, Хан-Гирей в 30-х гг. XIX в. с сожалением отмечал, что состояние “отношений между сословиями народа, с некоторыми гарантиями предохраняющими не только преимущества высших сословий, но и обеспечи-

вающих низший класс от произвола первых, носит следы более совершенных и унаследованных от предков культурных задатков…". По его мнению, адыги "стояли прежде на более высокой ступени цивилизации", однако в первой трети XIX в. сохраняли "только в общих чертах свои общественные устои" (332, с.261).

Первые серьезные симптомы кризиса правовой культуры властных отношений обозначились в ходе междоусобиц кабардинских князей во второй четверти XVIII в. К 1751 г., по словам верховного князя (*пщышхуэ*) Большой Кабарды Батока Бекмурзина, "в Кабарде нет старшего владельца, у которого были послушны молодые, что хотят то и делают, и он ничего не знает и ево не слушают…" (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, оп.1, 1751 г., д.3, л.115). Пщышхуэ, лишь номинально сохранявший свой титул, жаловался русским офицерам, что "ныне владельцев и узденей тех нет, которые прежде были" (АВПРИ, ф.115, Кабардинские дела, оп.1, 1751 г., д.3, л.123).

Пренебрежение традиционными нормами политических и вассально-сюзеренных взаимоотношений обернулось девальвацией силы права и определенной деградацией традиционной правовой культуры. Поэтому вполне закономерно, что Я. Потоцкий, наблюдавший последствия этих процессов в конце XVIII в., отметил следующее: "в том, что касается внутренних дел, в качестве основного закона среди черкесов царит то, что в Германии называют *Faustrecht (*право кулака)" (4, с.227).

Следует отметить, что критические оценки Настоящего на фоне идеализации правовых и моральных образцов Прошлого свойственны всем феодальным обществам. Однако характерно, что во времена Хан-Гирея они совпали с действительным разрушением прежних устоев. В 40-х гг. XIX в. К.Ф. Сталь зафиксировал среди западных адыгов четкое осознание того, "что в прежнее время было гораздо больше честности в народе и в князьях" (293, с.147). Причем, известный этнограф отмечал, что в Черкесии такое "падение нравов" связывали с утратой кабардинцами, некогда служившими образцом аристократизма, традиционного этикета и нравственности, прежних моральных качеств. Иными словами, кризис традиционной правовой культуры в Кабарде адыгами Западной Черкесии воспринимался как начало цепной реакции аналогичных процессов в других "княжеских владениях".

Говоря о "необузданной свободе" (332, с.214) как одной из главных бед адыгского общества первой трети XIX в., Хан-Гирей, в числе прочего, подразумевал девальвацию традиционных правовых ценностей. Основными факторами этого процесса являлись разрушительное воздействие завоевательной политики царской России, антифеодальное движение в Западной Черкесии, а также распространение шариата.

Пренебрежение со стороны царской администрации “исторически сложившимся укладом жизни и введение правил, часто нарушавших в корне обычаи кабардинцев”, вызывало “большие беспорядки в жизни” и являлось, по словам В.Н. Кудашева, - главной причиной их “враждебного отношения” к русским властям (172, с.74,76).

Тенденции развития правовой культуры адыгов, сложившиеся в первой половине XIX в., не только трансформировали традиционный правопорядок, но прежде всего являлись формой преодоления его кризиса. “Демократизация” общественных отношений в Закубанье и постепенная исламизация во всей Черкесии способствовали формированию правовых субкультур, которые получили распространение при режиме “народного правления” у шапсугов, натухайцев и абадзехов, и в годы шариатских преобразований в Кабарде и среди западных адыгов.

Ярким образцом “демократизации” правовой культуры стало закрепление в правовой практике властных отношений у западных адыгов постановлений съезда Печетнико-зефес 1803 г. и т.н. уставов “соприсяжных братств” (*зэтхьарыIогъух*). По определению Хан-Гирея, они приобрели “вящую силу”, став “гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии” (331, с.200-201). Адыгский историк писал, что дворяне, поздно обнаружившие утрату своих политических прав, “потоками проливали кровь”, пытаясь восстановить прежний правопорядок, однако “тщетно, и простой класс в этих племенах достиг до совершенной вольности” (331. с.200).

Шариатские преобразования оказали неодинаковое влияние на развитие правовых отношений в различных частях Черкесии. В Кабарде была выдвинута программа радикального реформирования политической системы. В условиях наиболее активной фазы российской экспансии ее реализация ограничилась учреждением мехкеме, утверждением его судебных и административно-политических полномочий и существенным усилением власти духовенства. Однако в целом, реализуемые меры не изменили правовых основ традиционных властных отношений. Как и прежде, они регламентировались обычным правом. Практически в неизменном виде сохранялись сословная дифференциация и удельная раздробленность в Кабарде.

Характеризуя влияние шариата на правовую культуру властных отношений у “демократических” адыгов в конце 30-х гг. XIX в., Дж. Лонгворт писал: “Во всем, что имеет отношение к их законам и организации власти, черкесы до сих пор руководствуются нормами своих кланов (братств – Ред.); они не намерены позволять исламизму, каковы бы ни были его претензии, диктовать первые (законы) и узурпировать вторую (власть)… До каких-бы пределов, однако, исламизм не господствовал в качестве религиозной доктрины и

в том, что касается его обрядов и ритуалов, он все еще в своих административных прерогативах остается чуть более чем мертвой буквой и будет оставаться в таком положении, пока не будет облечен властью более высокой, чем власть кланов" (4, с.563-564).

Дальнейшее распространение шариата в Западной Черкесии, с одной стороны, способствовало оформлению политических результатов "демократизации", а с другой – создавало основы чуждого адыгам деспотического режима мусульманской теократии. В обоих случаях попытки административно-политической реорганизации на основе мусульманской доктрины оказались не в состоянии преодолеть иерархическую структуру и разобщенность традиционного адыгского общества. Несоответствие нововведений традиционному правопорядку, а также усиление экспансии Российской империи и постепенное распространение на адыгов ее законодательства сделали невозможным закрепление шариата как нормативного комплекса в правовой культуре властных отношений в Черкесии.

С конца XVIII в. важнейшим фактором кризиса традиционной правовой системы сначала Кабарды, а впоследствии и западных адыгов становятся ограничения, устанавливаемые законодательством России. Кабардинская аристократия была лишена возможности реализации традиционной власти. К середине XIX в. царские власти своей правовой политикой оставили за некогда суверенными вотчинниками номинальный статус аульных владельцев, фактически превратив их в глав низовых административных единиц.

Такие изменения существенно ограничивали возможность практической реализации ***традиционного правосознания***, оперирующего преимущественно обычноправовыми категориями. Шариатские преобразования привели к тому, что понятия "мехкеме" и "судиться по шариату" в представлении кабардинцев и других адыгов стали своеобразным идеалом правосудия (331, с.162). Не случайно после упразднения в 1822 г. мехкеме кабардинские представители неоднократно просили генералов Ермолова, а в 1827 г. - Дибича разрешить "все гражданские и народные дела решать, по-прежнему, шариатом" (172, с.88). К этому же представлению апеллировал народный кадий Временного кабардинского суда Умар Шеретлоков, выступая за восстановление шариатского судопроизводства в 30 - 40-е гг. XIX в. (37, с.243-244) Эта же "идеальная модель" правового регулирования была воспроизведена "беглыми кабардинцами" в Закубанской Черкесии в 1846 г. (43, с.22). С конца 20-х гг. XIX в. в целом аналогичная система шариатской юстиции стала распространяться турецкими эмиссарами среди западных адыгов (332. с.263-264). Двадцать лет спустя, в более "демократическом" виде, она была использована Мухаммед-Амином в административно-судебных реформах у абадзехов, шапсугов и натухайцев. Обращает внимание то, что судебная практика этих учреждений, по существу, продолжала основывать-

ся на традиционных механизмах присяжничества и посредничества, оставалась преимущественно обычноправовой, и в самой незначительной мере использовала действительно шариатские нормы.

Тем не менее, одной важной особенностью традиционного правосознания шариатская юстиция все же пыталась пренебречь. Как писал Хан-Гирей, в обычно-правовом судопроизводстве “во всех случаях, требующих мер наказания, налагались штрафы: о телесном наказании не имели и понятия” (332, с.261). Причем эти нормы распространялись на все сословия. Однако по сведениям К.Ф. Сталя уже в 1840-50-х гг. у западных адыгов в практике наказаний мехкеме в отношении “преступников несвободного класса” использовались телесные наказания и смертная казнь. “Преступники свободного класса” отделывались штрафами (293, с.159). Введением наиболее суровых наказаний ознаменовалась эпоха Мухаммед-Амина. Он “ввел неупотребительные в адате казни и наказания: лазутчиков лишали жизни; ворам отсекали руки; ослушников воли наиба, противников мюридизма и наших приверженцев, — отмечал Карлгоф, — сажали в ямы...” (151, с.86). При этом трудно сказать, какие меры действительно соответствовали шариату, а какие объяснялись крутым характером и неограниченной деспотичной властью наиба.

Практически все социальные группы адыгского общества в той или иной мере являлись субъектами обычного права. Даже отдельные категории домашних рабов, которых некоторые источники именовали “безобрядными холопами”, обладали закрепленной обычаем возможностью повышения своего статуса до крепостных крестьян.

Обычное право адыгов отражало иерархический характер общества. В соответствии с ним определялись имущественные и владельческие права князей, дворян, свободных и крепостных крестьян, которые не допускали произвола в межсословных отношениях. В частных и массовых социальных конфликтах стороны апеллировали к этим нормам. Через их призму определялась ценность и неприкосновенность личной свободы и независимости, которые отмечались многими авторами как характерная черта правосознания всех слоев традиционного адыгского общества. В этой связи важно отметить, что правовая культура адыгов не предусматривала применения санкций, унижающих личное достоинство, в том числе и в отношении крепостных и даже рабов, если они не нарушали предписанные им правовые рамки (4, с.210).

В адыгэ хабзе принято разграничивать дворянское и общенародное право. В условиях иерархического характера общественных отношений в каждом сословии складывались собственные формы правосознания. Представления о правовом статусе и месте каждой социальной группы в общественных отношениях отличались консерватизмом, типич-

ным для всех феодальных обществ, трансформируясь значительно медленнее реальных социальных изменений. Ориентация на традиционное нормативное регулирование в наибольшей степени была свойственна дворянским сословиям. Причем такая установка продолжала действовать даже и после того, как обычное право, обеспечивавшее их привилегированное положение, в прежнем виде стало утрачивать свое прежнее социорегулятивное значение под влиянием “демократизации” общественно-политического строя шапсугов, натухайцев и абадзехов, распространения шариата (особенно среди западных адыгов со второй четверти XIX в.) и административно-судебных преобразований царского режима.

В новых условиях потребность сохранения традиционных привилегий служила эффективным стимулом адаптации адыгской аристократии к изменяющейся действительности. В Кабарде во второй четверти XIX в. многие ее представители стали прибегать к формам правового регулирования, санкционированным и контролировавшимся российской администрацией. Они отстаивали свои сословные интересы в уголовном судопроизводстве, урегулировании кровной мести и реализации владельческих прерогатив, а также имущественных прав через Кабардинский временный суд или внесудебное содействие царских чиновников.

В Западной Черкесии того же периода некоторые наиболее предприимчивые представители высших сословий находили возможности отстаивать свои традиционные привилегии даже в шариатском суде. Это при том, что в правосознании адыгов, имевших “народное правление”, сложилось вполне определенное представление, что мусульманин не мог быть владельцем крепостного-единоверца (332, с.271).

Определенная гибкость была свойственна и правосознанию крестьян, особенно кабардинских вольноотпущенников и “вольных земледельцев” Западной Черкесии. Однако, что особенно показательно, материальный успех, который служил главным фактором их социальной мобильности, долгое время не был ориентирован на достижение других прав, кроме владельческих, по образцу высших сословий. Таким образом, и в этой социальной среде воспроизводилась стереотипизированная модель правового поведения, соотносившаяся, тем не менее, с иерархическим характером межсословной субординации.

Наиболее существенные изменения правосознания крестьян связаны с “демократическим переворотом” у шапсугов, натухайцев и абадзехов. Антифеодальная борьба отразила стремление тфокотлей оградить себя от притеснений со стороны дворянства. Последнее оказалось не готово адекватно реагировать ни на политические притязания “вольных земледельцев”, ни на достигнутые ими успехи в правовом оформлении “народного

правления” (постановления *“Печетнико-зефес”* 1803 г.). По описанию Хан-Гирея, дворянские роды абадзехов, шапсугов и натухайцев “первоначально свое унижение неравнодушно переносили… долгое время искали помощи других племен и проливали много крови, подстрекая высший класс во всей Черкесии к действиям вооруженною рукою против своего отечества. Но человеку свойственно покоряться необходимости… Эти дворяне, лишась прежнего своего могущества, опять остались жить между бывшими своими подвластными, единственно лишь знавшими некогда законы покорности, не получив прежних своих прав, но пользуясь некоторыми преимуществами до того времени, в которое шариат исламизма вовсе не сравнял права каждого жителя этих племен” (331, с.201).

Одной из шариатских новаций, отмеченных Хан-Гиреем в сословном правосознании бжедугских тфокотлей, стало понятие “ххур”, означающее свободного человека, не имеющего над собой владельца. Распространение эгалитаристских настроений в 1820-х гг. способствовало ослаблению традиционных привилегий дворянства в отношении зависимых крестьян. Последние, апеллируя к положению мусульманской социальной доктрины о равенстве всех мусульман перед Богом и шариатом, стали отказываться соблюдать свои прежние обязанности, тем самым подрывая основы “аристократического” уклада бжедугов (332, с.268). Кроме того, как наблюдал в середине 30-х гг. XIX в. Ф. Торнау, в черкесском быту стали играть важную роль такие понятия мусульманской морали, как “харам” (запрет, нечисто) и “халил” (душеспасительно) (305, с.331), которые представляли собой новационные формы правового контроля за поведением адыгов в обществе и семейном быту.

Говоря о действующих ***принципах судопроизводства*** черкесов в середине XV в., Дж. Интериано писал: “Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает споры между ними” (4, с.48). На протяжении всей последующей истории традиционного адыгского общества посреднический (третейский, медиаторский) суд оставался базовым механизмом традиционной правовой культуры, вне зависимости от нормативной основы судебных разбирательств. “Использование промежуточного, медиаторского субъекта в отношениях двух, часто диаметрально противоположных сторон, возможно, имеет отношение к глубинным пластам адыгского менталитета” (97, с.367). К числу традиционных институтов относились также очистительная присяга и поручительство, которые использовались не только в суде, но и регулировали многие общественные отношения (332, с.260-261).

Описывая судебные разбирательства у бжедугов, Хан-Гирей заметил, что они не имели “писаных законов, но некоторые обыкновения или правила в судопроизводстве получили с незапамятных времен характер узаконений”. Причем процессуальные нормы

были “до такой степени ясными и удобопонятными, что всякий, сколько-нибудь сведущий в народных обычаях, мог предугадать приговор суда раньше его произнесения”(332, с.260). Общие принципы судебного процесса были свойственны всем адыгским субэтносам, однако с начала XIX в. в некоторых из них стали складываться определенные особенности, связанные прежде всего с нивелированием прав различных сословий в судебных разбирательствах.

Присяжное и медиаторское судопроизводство использовались адыгами и в мехкеме (293, с.159), и в судах, учрежденных царской администрацией в первой половине XIX в. По существу, их легализация в рамках новых юридических распорядков являлась одним из немногих свидетельств продуманного подхода “духовного” и “военно-народного” правлений к реформированию традиционного правосудия в разных частях Черкесии.

В судебной практике адыгов долгое время сохранялись и другие элементы традиционной правовой культуры. Например, одним из веских доказательств невиновности обвиняемого была присяга его самого или родственников или односельчан-соприсяжников. Присяжных свидетелей – «тхьэрыIуэщыхьэт» - иногда выдвигал суд, но в большинстве случаев предлагал сам истец из числа известных и уважаемых честных людей села или другого населенного пункта. Адыги очень ценили честное слово и порицали лжесвидетельство. Если присяжный свидетель был уверен в честности обвиняемого человека или знал, что он не совершал этого преступления, то он являлся на заседание суда и, касаясь правой рукой Корана, давал клятву, что обвиняемый не виновен. Если он не был в этом уверен, то он вообще не являлся в суд. Доводы присяжного свидетеля нередко являлись решающим при принятии судебного решения.

Об институте присяжничества Н.Ф. Грабовский писал: «Назначаемые присяжники, прежде чем засвидетельствовать перед народом и судьями невиновность обвиняемого, требуют самой строгой присяги в том от родственников его, для того, чтобы дать положительный ответ, родственники иногда при сомнении требуют в свою очередь очистительной присяги от обвиняемого. Только после присяги родственников присяжники соглашаются произвести оправдательный вердикт» (79,с.42).

Присяжник выступал в роли свидетеля и адвоката. Для того, чтобы доказать невиновность обвиняемого, присяжник собирал материалы, касающиеся дела. В назначенный день он приходил на судебный процесс и выступал с доказательствами. После изложения своих доводов он давал клятву о невиновности обвиняемого, которая по установившимся обычаям, считалась окончательным актом для оправдания обвиняемого, если даже он совершил проступок. До принятия ислама «клялись могилами отцов и матерей». Л. Я. Лю-

лье писал, что «в некоторых адыгейских племенах присяга состояла в заклании овцы и прикосновении языка к окровавленному кинжалу», а другие присягали на посохе, вырубленном в священной роще, называвшейся «кийзяхемебз» (195,с.42). С принятием мусульманской религии присягу стали произносить на Коране. Вместе с тем меняются и функции «тхьэрыIуэщыхьэт». Например, в конце XVIII – начале XIX вв. обязанность присяжника все чаще заключалась в подтверждении показания обвиняемого

В адыгском судопроизводстве заметную роль играл институт «хаша». В качестве «хаша» выступал человек, который лично знал виновников. Он приходил к потерпевшему и при двух свидетелях обещал помочь найти виновного за определенное вознаграждение. Не было принято, чтобы «хаша» лично выступал в суде, но он поддерживал обвинение через свидетелей, при которых им была заключена договоренность с потерпевшим.

Первая характеристика постоянно действующих судебных органов в Кабарде до XVIII в. дана Ш.Б. Ногмовым. Согласно его «Истории...», Князь Инал, живший в конце XIV – первой половине XV вв., разделил всю Кабарду на 40 округов и над каждым округом назначил одного судью. Они заботились о благосостоянии народа и поддерживали тишину и благоденствие (240, с.95). Суд заседал у «Хасэ мывэ», что на кабардинский язык переводится как «камень собрания», схода. Эмблемой суда были высеченные в камне конское копыто и собачья лапа. По поверьям кабардинцев, копыто лошади означало благородство, а собачья лапа – верность.

В конце XV – нач. XVI вв. Беслан Кайтукович Джанхотов учредил в каждом населенном пункте по одному «хеящIэ». Верховным судьей назывался «хеящIэ», что обозначает «оправдать», «сделать правым», «выяснение правды». Это противоположно термину судить. Термин «хеящIэ» указывает на то, что в основе судопроизводства кабардинцев лежал разбор дела для оправдания подозреваемого. В том случае, если улики не давали возможность оправдать подозреваемого, то его признавали виновным в совершении преступления.

В 1793 г. в Кабарде создаются родовые суды и расправы. Новые учреждения формировались из представителей местной знати, разбирали гражданские и мелкие уголовные дела, осуществляли определенные следственные действия, и в судебной практике руководствовались прежде всего обычным правом (172, с.72). Однако их деятельность была подконтрольна военной администрации, ограничивавшей не только судебные полномочия правящего класса, но и действие некоторых традиционных институтов правового регулирования. Тяжкие уголовные и государственные преступления рассматривались по российским законам Моздокским пограничным судом. Его председателем являлся моздокский

комендант. Членами суда являлись царский офицер, занимающий должность пристава Кабарды, офицер из царской администрации на Северном Кавказе, шесть кабардинских князей и шесть кабардинских уорков.

Председателем родового суда в Мисостовской и Атажукинской фамилиях был избран известный в то время в Кабарде князь Джанхот Сидаков из Мисостовской фамилии (174а, с.92). Кто был председателем родового суда в Кайтукинской и Бекмурзинской фамилиях, остается неизвестным, но Тепсаруко Таусултанов, князь Таусултановской фамилии, прошедший по выбору князей и дворян Малой Кабарды (Архив КБИГИ, ф.1,оп.2,д.10,л.329), стал председателем родового суда Малой Кабарды.

Недовольство судебными нововведениями царизма вылилось в массовые волнения. Первоначальные требования их участников сводились к упразднению родовых судов и расправ, а с 1799 г. оформились в программу широкомасштабных преобразований на основе доктрины шариата, в том числе включающих и учреждение мехкеме. В “Народном условии” 1807 г. деятельность трех шариатских судов обрела правовую базу, и военные власти на Кавказе вынуждены были согласиться на прекращение деятельности родовых судов и расправ. В правовой практике стали использоваться шариатское судопроизводство и его необычайно суровая для традиционной правовой культуры система уголовных наказаний. Мусульманское право не могло учитывать особенностей сословной иерархии феодального общества, вассально-сюзеренные связи, сохранявшееся крепостное право, систему композиций, поскольку исходило из равенства всех перед богом. Поэтому отношения между сословиями и в годы “духовного правления” (1806 – 1822 гг.) продолжали рассматриваться по обычному праву.

Мехкеме действовали в Кабарде сравнительно непродолжительный период в экстремальных социально-политических условиях. Компетенция мусульманского права не охватывала все сферы общественных отношений. В силу этого шариату не удалось занять устойчивые позиции в судебной практике кабардинского общества. В 1822 г. мехкеме были упразднены генералом Ермоловым и в дальнейшем царские власти проводили политику жесткого ограничения шариата исключительно сферой семейных, имущественных и религиозных правоотношений.

Первым опытом легализации процессуальных норм мусульманского права в Западной Черкесии стали постановления съезда “Хауцехяс” (1822 г.). Однако они не получили повсеместного распространения (196, с.22) и, по сведениям Хан-Гирея, до второй половины 20-х гг. XIX в. “из ста дел едва ли и пять решались духовным судом: так мало низовые черкесы были расположены отступать от вековых своих обычаев” (332, с.262). Целена-

правленное распространение шариатской юстиции среди “аристократических” адыгов стало осуществляться анапским пашой. Он, по словам Хан-Гирея, со второй половины 1820-х гг., “искоренив образ судопроизводства, основанный на древних обычаях и веками утвержденный, подчинил все шариату…” и убедил часть черкесов принять кадиев для производства суда (331, с.142;332. с.263).

Впоследствии в Западной Черкесии “мехкеме” стало обычным названием для постоянно действующих судов, хотя, по существу, их практика лишь отчасти являлась шариатской: председательские функции исполняло духовное лицо, по некоторым уголовным преступлениям была введена суровая система наказаний, делопроизводство переводилось на арабский язык. В остальном, по словам Ф. Торнау, адыги “в распрях предпочитают шариату суд по обычаям” (305, с.493). Подобное положение на рубеже 30 – 40-х гг. XIX в. подтверждается наблюдениями Дж. Лонгворта. Он отмечал, что “демократические” адыги “позволяют представителям исламизма занимать место в суде. Однако кадий, который председательствует в жюри, или скорее приглашается как консультант жюри, осуществляет незначительный контроль, он только толкует мусульманские законы, которые черкесы принимают или отвергают в зависимости от того, соответствует ли он их представлениям и обычаям” (4, с.563).

Тем не менее, среди западных адыгов распространение мусульманской юстиции способствовало нивелированию правового статуса свободных сословий. Данная тенденция развивалась параллельно процессам демократизации общественно-политического устройства, что не могло не отразиться на правосудии. Еще до учреждения абадзехами мехкеме (1841 г.) (293, с.159) и появления в Западной Черкесии наибов Шамиля, по наблюдениям Э. Спенсера, среди них “…власть старейшин в судейских случаях стала верховной по отношению к власти вождей (т.е. дворянства – Ред.), которые, несмотря на их род, часто предстают перед судом” (292, с.124).

Судебные новации Мухаммед-Амина оказались недолговечны в адыгской среде. С его уходом местное население вновь обратилось к традиционному обычно-правовому судопроизводству, а с окончанием Кавказской войны попало под юрисдикцию судебной системы царской администрации, которая, в частности в Кабарде формировалась со второй четверти XIX в.

С 1822 г. высшей судебной и административной инстанцией в Кабарде становится Кабардинский временный суд, учрежденный А.П. Ермоловым. Нормативной основой его деятельности были российские инструкции, которые разграничивали сферы судебного применения обычного и мусульманского права и определяли порядок судопроизводства.

В состав Суда входили представители княжеского и дворянских сословий, свободного крестьянства и духовенства для осуществления шариатских разбирательств. К сферам компетенции Суда относились “проступки, не заключающие особой важности”: гражданские дела и мелкие уголовные нарушения, которые разбирали по адатам. В ведении мусульманского права сохранялись лишь вопросы религии, семейных отношений и дела, не имеющие ясных доказательств (в таких случаях прибегали к присяге на Коране). Тяжкие уголовные преступления рассматривались военным судом согласно действующему законодательству Российской империи. До 1917 г. царские судебные учреждения (с 1860-х гг. и в Закубанье) придерживались того же разграничения компетенции обычного права и шариата.

В 1858 г. взамен упраздненного Временного кабардинского суда учреждается Кабардинский окружной народный суд, регламент деятельности которого в целом не отличался от предшествующего. Исключением была возможность разбирательства народным судом тяжких уголовных преступлений, если они не были совершены по политическим мотивам. Тогда же в Кабардинском округе были созданы первые постоянно действующие низовые судебные инстанции – Баксанский, Черекский и Мало-Кабардинский участковые суды, рассматривавшие мелкие гражданские дела.

Реформы 1860-х гг. внесли изменения в эту систему судебных учреждений. В 1870 г. народный суд заменяется Нальчикским Горским словесным судом, а четыре участковых суда – аульными, действовавшими в каждом сельском обществе. Несмотря на постепенное, в течение тридцати лет, расширение компетенции каждой из этих инстанций, они не пользовались доверием местного населения. Обращаясь в эти учреждения, адыги чаще всего прибегали к медиаторским разбирательствам, предусмотренным “Положениями…” о деятельности сельского и окружного судов. Причем осуществлялись они при посредничестве работавших в них судей.

На западных адыгов в послевоенное время было распространено действие “Временных правил о горских словесных судах”, вступивших в силу в 1870 г. Из компетенции суда были изъяты политические дела, все прочие разбирались по адату. При отсутствии обычноправовых прецедентов, суд должен был руководствоваться общими законами империи. Исключением были бракоразводные и наследственные дела, разбиравшиеся в горском суде по шариату (7, с.365). Важно отметить, что в отличие от других горских судов Терской и Кубанской областей Нальчикскому горскому словесному суду было предоставлено больше прав в решении гражданских дел. Если в других горских судах по долговым обязательствам, наследству и разделу имущества между наследниками разрешались споры

на суммы, не превышающие 2-х тысяч рублей, то в Нальчикском суде сумма иска иногда превышала 4 тысячи рублей (2а, с.103). Духовные завещания, составленные по местным обычаям на сумму до 2-х тысяч рублей, в других горских судах разрешались на основании обычного права, а свыше 2-х тысяч рублей – по русскому законодательству. В Нальчикском горском словесном суде «завещания, составленные по местным обычаям на сумму 4 тысяч рублей, разбирались адатом, а выше – с применением российского законодательства и учетом мнения народного кадия» (2а, с.113).

С конца XVIII в. в Кабарде, а затем и других частях Черкесии начинает складываться правовая ситуация, которую в этнологии права принято называть ***"правовым плюрализмом"***. Этим понятием обозначается сосуществование в едином правовом пространстве нескольких нормативных комплексов. Такое сочетание оказало немалое влияние на изменение как традиционного правосознания, так и судопроизводства, определив направления дальнейшей трансформации правовой культуры адыгов.

Во всех сферах традиционного адыгского общества доминировало обычное право, которое в семейной и духовной сферах действовало в синкретическом единстве с отдельными нормами шариата. Основные изменения правовой культуры были связаны с политикой Российской империи.

С учреждением родовых судов и расправ на кабардинцев были распространены некоторые нормы российского уголовного и административного права. Однако это нововведение получило самое ограниченное применение, поскольку местное население пренебрегало требованиями новой юстиции, избегая обращения в чуждые судебные инстанции, а военное командование было не в состоянии контролировать соблюдение установленных распорядков. Правовая практика "духовного правления" в Кабарде до сих пор не изучена должным образом. Однако имеющиеся данные позволяют говорить о том, что в этот период адат сохранял значительную часть своей компетенции, которая была разграничена с мусульманским правом в различных сферах правоотношений.

Правовой плюрализм в различных частях Черкесии не был одинаков. Со второй четверти XIX в. в правовом пространстве в Кабарде сосуществовали обычное право, шариат и российское законодательство, регламентирующее сферы применения каждого из нормативных комплексов. Царские власти относительно четко разграничили их компетенцию только в правовой практике Временного кабардинского суда и отчасти в организации управления, однако и эти распорядки не соблюдались в полной мере. По существу, к середине XIX в. "…образовалась особая форма суда, в которой, - по словам кабардинского просветителя К. Атажукина, - невозможно теперь отметить, какие именно приемы

внесены туземными адатами и какие шариатом” (104, с.121). В целом в социальной практике вплоть до 60-х гг. XIX в. безраздельно господствовало обычное право. В вопросах урегулирования кровной мести, борьбы с воровством и абречеством, нарушениями административно-судебных и полицейских порядков, подпадавших под категорию серьезных уголовных и государственных преступлений, наметилась тенденция обращения самих кабардинцев к механизмам правового регулирования русского уголовного законодательства и судопроизводства, поскольку в них отдельные представители субэтноса видели более эффективные средства удовлетворения своих интересов. Объяснялось это тем, что к середине XIX в. традиционные механизмы правового регулирования в кабардинском обществе стали менее эффективно, чем прежде, выполнять свои функции. Отчуждение от вотчинных властей значительной части судебно-полицейских функций лишило их возможности контролировать поведение своих подвластных и предупреждать потенциальные правонарушения. При этом и авторитет российских правовых институтов не возрос в той же степени, в какой пала действенность традиционной юстиции. Временный, переходный характер административно-судебного устройства не способствовал стабилизации общественных отношений в Кабарде. Вместе с тем, участившиеся частные конфликты как бы прорывались сквозь бреши новой системы судопроизводства. В условиях ослабления традиционного правосудия они получили больше шансов перерастать в уголовные преступления, формально исключенные из его юрисдикции. Подобные ситуации еще более осложнялись возможностью выбора нормативной основы и формы разбирательств (обычно-правовое, шариатское или российское, Временный кабардинский суд, военный или медиаторский).

В судебной практике сохранялось традиционное судопроизводство, однако между ним и судебной системой, учрежденной царскими властями, так и не сложился синтез. Об этом свидетельствовали увеличение количества уголовных правонарушений и расширение латентной преступности. Ф.И. Леонтович, касаясь ограничений адата в результате введения норм русского уголовного права, отмечал, что “такой порядок мало удовлетворяет горцев, которые, например, по делам об убийствах далеко не оставили стародавний обычай кровомщения… Многое, что в прежнее адатное время так или иначе подлежало воздействию правосудия (хотя и по патриархальным приемам и формам судебного разбирательства), теперь, под влиянием старых бытовых условий, реагирующих против “нового суда”, совершенно ускользает от внимания следователей и судьи… На деле царит, по старому, самоуправство вольнолюбивого и малознакомого с требованиями новой юстиции горца, не сдерживаемого более ни старым своим адатом, ни новым русским “уставом”.

Главную причину такого состояния автор видит “именно в шаблонных приемах введения на Кавказе “нового устава”, без всякой мысли о необходимости сообразовываться со “старыми” формами горского быта, без попытки сколько-нибудь рационально приспособить “новый закон” к традиционной правовой культуре (185, с.40).

Правовой плюрализм в горной части Западной Черкесии, на которую до 1860-х гг. практически не распространялось действие российского законодательства, выражался в сосуществовании обычного права и шариата.

“Демократические” преобразования в Западной Черкесии создали относительно благоприятную почву для утверждения шариатской юстиции, исходящей из принципа равенства всех верующих перед Богом и его законами. Оценивая результаты этого процесса в середине 30-х гг. XIX в., Хан-Гирей заключает: “шариат, ниспровергший древние обычаи черкес, ныне есть основание их делопроизводства… законы, на которых основывается образ их правления, ослабли, но как дворяне и князья стараются во всей силе их поддерживать, ибо видят, что собственная выгода их сего требует, то в настоящем положении дел в Черкесии шариат и древние обычаи относительно судопроизводства находятся в соразмерности: высший класс придерживается древних обычаев, а вольные земледельцы – узаконений шариата…” (331, с.143). Между тем, в другом произведении Хан-Гирей описывает интересное исключение из общей практики. Рассказывая о событиях того же времени, он приводит яркий пример, как шариатский суд абадзехов подтвердил права бжедугского князя Аходягоко на традиционные повинности своих подвластных (332, с.272-273), а затем оказал ему поддержку в его политической деятельности (332, с.274-275).

Другой аспект адатно-шариатского плюрализма, сложившегося среди абадзехов и шапсугов, характеризует К.Ф. Сталь: “Приговор по адату, или шариату предоставляется выбору тяжущихся. Когда тяжущийся видит, что он по адату выиграет дело, то настаивает, чтобы его судили по адату, упирается на примере своих предков, о шариате же и слышать не хочет. Когда видит, что шариат для него выгоднее, то тяжущийся прикидывается строгим фанатиком, хочет быть судимым не иначе как по книге Божьей…” (293, с.158). Также весьма показательно, как, по сведениям многих авторов, шариат изменил традиционные представления о нормативном регулировании властных отношений. Под влиянием общественных изменений в Шапсугии, Абадзехии и Натухае одна лишь идея его введения в других частях Западной Черкесии четко ассоциировалась с ограничением полновластия князей и первостепенного дворянства (293, с.145; 331. с.201), на что указывал и Хан-Гирей в приведенном выше отрывке.

Равнинные княжества Западной Черкесии, в отличие от “демократических” субэтносов, к середине 1820-х гг. сумели сохранить традиционную систему права, а воздействие шариата являлось ограниченным и в дальнейшем несколько возрастало в периоды политической консолидации с горными адыгами.

Отправной точкой, окончательно разделившей “демократов” и “аристократов”, стал 1829 г., когда после заключения Адрианопольского договора равнинные княжества адыгов оказались втянуты в орбиту российской государственности и оказались под воздействием российского права. При этом деформации и постепенному разрушению стали подвергаться различные отрасли феодального права.

Официально российская администрация не предпринимала никаких шагов, прямо направленных на разрушение сословных прав (подобно тому, как это делалось в Кабарде). Она предпочитала оставаться верховным арбитром, гарантом соблюдения феодального договора и незыблемости сословных прав. Это позволяло представителям адыгской знати в случае действительного или мнимого нарушения их феодальных прав апеллировать к российскому командованию с напоминанием о том, что им в свое время было обещано, что “Его Величество оставляет наши права и обычаи при нас и разрушать их никогда не будет” (ГАКК, ф.261, оп.1, д.933, л.15). Тем не менее, лишение местной элиты ее высших властных прерогатив стало началом конца западноадыгской аристократии. Перестав считаться с политическими правами князей, незыблемость которых ранее громогласно провозглашалась Россией, царское правительство шаг за шагом приближало момент не декларативного (как сразу после Адрианополя), а уже реального подданства равнинных адыгов.

Российский фактор, практически неосязаемый на рубеже 1820 - 1830-х гг., с постепенным усилением политических и военных позиций царизма в Закубанье все более деформировал традиционные правовые институты. В результате к концу войны традиционные нормы землевладения равнинных адыгов практически были отменены, патронат был поставлен на службу России, а имперская система наказаний стремилась монополизировать разрешение конфликтов на всей линии правового соприкосновения адыгов и русских. Это было связано прежде всего с навязыванием “мирным” адыгам, формально состоящим в подданстве России, требования, чтобы целый ряд преступлений разбирался по имперским законам. К числу подобных преступлений (наиболее опасных — по меркам российской стороны) военное начальство относило убийство, наездничество, “подстрекательство к бунту” и укрывательство абреков из числа “немирных”.

Однако случаи добровольного обращения адыгов к российскому законодательству, а также выдача преступников являлись исключительной редкостью. Основной причиной этого являлось практически полное несовпадение юридических представлений адыгов и законов Российской империи. Весьма символично, что именно эта обязанность — выдачи прямых противников России — была одной из важнейших, которую военная администрация пыталась вменить создававшемуся в 1854 г. суду присяжных в Бжедугии и Хатукае (ГАКК, ф.261, оп.1, д.1422, л.10-16).

По выражению И.Л. Бабич, правовой плюрализм нарушил “монолитность” традиционного правосознания адыгов (29, с.119). Смешанная юридическая система не способствовала приобщению кабардинцев к общероссийским правовым стандартам. Несмотря на развивающийся с конца XVIII в. кризис традиционной правовой культуры, значение обычно-правового регулирования несколько стабилизировалось на уровне, достигнутом в результате социальных преобразований 1860-х гг. Обычное право и соответствующие ему механизмы правосудия оставались наиболее востребованными адыгами и в пореформенные годы, когда плюралистическое судопроизводство было узаконено в местном судопроизводстве.

В пореформенный период в широком социальном контексте общественных отношений можно выявить несколько форм функционирования адыгэ хабзэ как механизма нормативного регулирования. При этом необходимо учитывать, что во второй половине XIX в. оно представляло собой динамичную систему, способную к разнообразным формам адаптации к условиям сосуществования различных правовых комплексов.

В достаточно отдифференцированном от других правовых систем виде и с наименьшими изменениями адыгэ хабзэ сохраняло свое регламентирующее значение в морально-этическом регулировании поведения адыгов и празднично-обрядовой культуре. Хотя в последней к тому времени было уже немало мусульманских ритуальных элементов.

В судопроизводстве существовало формальное разграничение компетенции обычного права, шариата и российского законодательства. Однако в судебной практике получили широкое распространение смешанные постановления, основанные на разнородных правовых традициях. Поэтому в этой сфере, также как в общинном самоуправлении и организации налоговых сборов, где применение отдельных положений обычного права санкционировалось царскими властями, практическая роль адатов была шире действующих распорядков.

Своеобразие функционирования обычного права заключалось в тесном взаимодействии с российскими законами и шариатскими нормами. В организации поземельных отношений, хозяйственного процесса и остаточных проявлениях традиционной межсословной субординации его применение не встречало сопротивления царской администрации. Вместе с тем, в пастбищном землепользовании и регламентации деятельности мусульманского духовенства явственно прослеживается стремление администрации Нальчикского округа вытеснить адатные нормы из правовой практики. Однако предпринимавшиеся меры либо имели незначительный эффект и даже негативные последствия (достаточно вспомнить историю пастбищного вопроса в Кабарде на рубеже XIX – XX вв.), либо оказывались бессильны против приверженности адыгов устоявшимся традициям, например, в религиозной культуре.

Наконец, еще одной формой существования обычного права стали новые нормы, появившиеся в ответ на потребности пореформенного, прежде всего экономического развития. Главным образом они регулировали договорные отношения, связанные с арендой земли и других средств производства, а также с вольнонаемным трудом. Как представляется, их источниками в одинаковой степени являлись заимствования из опыта правового регулирования аналогичных отношений в русских, немецких и др. сельских обществах, а также собственное правотворчество адыгов. Более определенно говорить о происхождении этих норм, без специального исследования данного вопроса, пока преждевременно. Тем более, что в пореформенные годы процесс их формирования не получил завершения. Впрочем, то, что уже в рассматриваемое время даже в этом, не вполне упорядоченном виде они рассматривались местным населением как составная часть обычного права, сомневаться нет оснований.

Таким образом, даже с окончательной ликвидацией независимости Черкесии в 1864 г. обычное право продолжало оставаться определяющим фактором правовой культуры адыгов. Хотя и существенно ограниченное в средствах реализации, оно являлось нормативной основой повседневной жизнедеятельности сельских обществ, обуславливало поведение адыгов в той мере, в какой было функционально в сложившейся социально-экономической и административно-правовой ситуации, действовало в различных сферах, сосуществуя с элементами мусульманского права и российским законодательством. Воспроизводство обычно-правового регулирования общественных отношений, насколько это позволяли навязанные извне распорядки, а то и вопреки им, являлось одним из ключевых условий самосохранения адыгского этноса и его адаптации к правовой системе Российской империи.

Глава 5. Политическая культура

Едва ли в истории адыгов что-либо в большей мере предопределило ее уникальный драматизм, чем их самобытная ***политическая культура.***

Исторические процессы XVI - XIX вв. не оставили без изменений политическую культуру (ПК) адыгского феодализма, придав ей целый ряд новых качеств. В силу этого целесообразно различать традиционную политическую культуру (ТПК) и ее модификации, которые складывались на протяжении трех рассматриваемых столетий.

В рамках традиционного адыгского мира можно выделить не менее трех моделей ТПК, характерных для Кабарды, княжеских владений Западной Черкесии и “демократических” адыгов. Важно учитывать, что все они развивались на базе определенного субстрата ПК, который был представлен ее наиболее устойчивыми признаками, общими для всего адыгского этноса в целом. Эта основа сохраняла детерминирующее значение в процессах трансформации ПК, связанных с возникновением в различных областях феодальной Черкесии новых форм социально-политической организации или трансформацией традиционных общественных институтов.

Отличительными чертами общеадыгской ТПК являлись ее военизированный характер; элитарность; иерархическая дифференцированность норм политического этикета, которые отчасти соблюдались не только в кругах политической элиты; ярко выраженный индивидуализм в мотивации политического действия и обусловленная этим мобильность отдельных носителей ТПК, позволяющая адаптироваться им в иной политико-культурной среде; восприятие ее элементов политическими культурами других народов Кавказа при собственной открытости к избирательному усвоению внешних новаций в той мере, в какой они могли сосуществовать с базовыми установками ТПК.

Однако уже в отдельных моделях ПК каждая из названных черт проявлялась неодинаково, трансформируясь под воздействием внешних и внутренних факторов. Динамика, хроноструктура и глубина этих изменений отличались, что проявилось уже с конца XVIII в., когда стало очевидным несоответствие базовых положений ТПК новым историческим условиям, в которых существовал традиционный адыгский мир. Данное противоречие стало преодолеваться в рамках двух политико-культурных альтернатив – “шариатской” (в Кабарде) и “демократической” (в Западной Черкесии до конца 1820-х гг.) или их смешанных моделей (среди абадзехов, шапсугов и натухайцев в 1848-1859 гг.). Тем не менее, и в рамках этих новаций традиционный субстрат оставался определяющим фактором

политической практики, вполне органично сосуществуя с новыми идеологиями, принципами политического лидерства и механизмами формирования политических институтов.

Любая модель властных отношений предполагает асимметричность политического участия различных социальных групп. Элитарность вообще свойственна природе политических отношений. В ТПК адыгов она проявлялась в сосредоточении исполнительных и законодательных функций в руках высшей аристократии.

В феодальной Черкесии главными субъектами политического действия являлись *пши* (или *тлекотлеши* среди адыгов, у которых отсутствовало княжеское сословие).

Право аристократии на политическое господство не только освящалось многовековой традицией существования сословного строя, но и поддерживалось разветвленной системой идеологических представлений. Легитимность княжеской власти прежде всего обеспечивалась политическим мифом об иноэтничном, а следовательно, изначально более высоком происхождении элиты по сравнению с основной массой населения. Согласно генеалогическим преданиям, практически все адыгские княжеские династии возводили себя к легендарному Иналу (судя по всему — реальному историческому лицу), предки которого были якобы выходцами из “Арабистана” или Египта (239, с.74-78; 330, с.152-154). Аналогичными легендами оперировали и знатнейшие дворянские фамилии. Еще одним подтверждением инородности элиты были исключительно популярные среди аристократов имена с корнями “бэч”, “мырзэ” (в иранских и тюркских языках являвшиеся показателями высокого социального статуса) и “джэрый” (образованным от родовой фамилии крымских ханов Гиреев).

Князья, не относившиеся к “дому Инала”, также имели в своем политическом арсенале баснословные предания, соответствующие их статусу. Так, прародитель бжедугских князей — некий эпический герой — нарт был якобы “вскормлен орлом в его гнезде, подобно Ромулу” (330, с.225), а князья Кончукоко вели свою родословную от предка — медведя. Однако, невзирая на подобные впечатляющие генеалогии, и, несмотря на то, что бжедугские князья, возглавив миграцию своих соплеменников с побережья Черного моря на северные склоны Кавказского хребта, уже в силу этого имели неоспоримое право лидерства, они все же были вынуждены считаться с уже сложившейся в Закубанье социальной иерархией. Так, даже отвоевав у темиргоевских князей Болотоковых долину Псекупса, легитимными владетелями, равными другим князьям, они были признаны, только подчинив себе на правах вассала кабардинского дворянина Кошмезуко из числа “старожилов” (145а).

Любопытно, что и высшее дворянство “демократических адыгов” в своих родословных легендах также стремилось связать свое происхождение с древнейшими фамилиями сподвижников Иналовичей: натухаевцы Шупако — с Кудинетовыми, шапсуги Абаты — с Тамбиевыми (145б; 196, с.21).

Впоследствии, уже в годы Кавказской войны, генеалогии (реальные или подкорректированные) стали использоваться знатью адыгских субэтносов, номинально включенных в российскую систему управления, для получения политических дивидендов при контактировании с военным начальством. Так, небезызвестный султан Хан-Гирей в 1830 г. безуспешно пытался доказать свои мнимые права на главенство среди бжедуговхамышеевцев в силу якобы изначально более высокого статуса выходцев из Крыма (хануко) по сравнению с местными князьями (РГВИА, ф.ВУА, д.6244, л.46-47об., 89об.-90об.).

Столь же важное значение в символике власти, наряду с генеалогическими преданиями, имели и старинные историко-героические песни, упоминание в которых тех или иных аристократических фамилий воспринималось большинством населения как неоспоримое доказательство древности их происхождения.

Исключительно высокая семиотичность адыгской ТПК охватывала не только духовную сферу, но и воплощалась в материальных знаках власти. К числу таковых относятся знамена и литавры, по различным источникам обнаруживаемые у “знатнейших воинов высшего класса” (330, с.329). Существовали и почетные штандарты иноземных владетелей, прежде всего, османских султанов, жаловавшиеся адыгским князьям как знак особого расположения и символ признания покровительственных отношений (РГВИА, ф.414, л.300,.83; 261, с.295).

Одной из традиционных привилегий адыгской знати было занятие политической деятельностью. На протяжении столетий аристократы играли ведущую роль на сословно-представительных собраниях, которым принадлежало особое место в ТПК адыгов. Наиболее полно эта характерная особенность адыгской ПК изучена на материалах Кабарды, куда с середины XVIII в. направлялись русские офицеры с посреднической миссией и заодно с разведывательными целями. В их донесениях русских офицеров содержится достоверная информация о процедуре обсуждения дел на хасе, ее пространственной организации, времени проведения, формах представительства, способах взаимодействия между "палатами", "фракциями" и враждующими партиями через институт "послов", порядке оглашения ее постановлений, детально разработанных правилах принятия присяги, роли при этом института "поверенных", сакрализации норм, регулирующих ее деятельность, и т.д.

Эти материалы свидетельствуют о самобытной и весьма развитой ПК кабардинцев (и не только по средневековым меркам).

Для стороннего наблюдателя общекабардинские хасы середины XVIII столетия, очевидно, являли собой весьма любопытное зрелище: владельцы и уздени, съехавшись на одно собрание, разделялись по партиям на две части, каждая из которых затем также разделялась на два “собрания”, но уже по сословному принципу: князья и дворяне отдельно друг от друга. Часто это деление по партиям и сословиям запутывалось образованием фракций, когда кто-нибудь из удельных князей со своими братьями и узденями вступал в союз с другим княжеским родом, принадлежавшим к противоположной партии. Все эти процедуры находились в соответствии с хроническими феодальными междоусобицами, которые, как это ни парадоксально, выработали определенные институты, регулирующие их ход. На заседаниях сословно-представительных собраний даже самые враждебные намерения одной феодальной группировки передавались другой с соблюдением соответствующих формальностей.

Заседание хасы является лишь одной из многочисленных иллюстраций крайней ритуализации адыгской ТПК. Все наиболее значимые явления в политической жизни адыгов сопровождались определенными, четко оговоренными, закрепленными в традиции формами ритуального поведения. К числу таких событий относились: заключение мира и объявление войны; разбирательство территориальных и проч. конфликтов и вообще любые судебные дела, в силу своей масштабности приобретавшие политический характер; обращение с просьбой о патронате и предоставление покровительства отдельным лицам или целым феодальным кланам; отдача ребенка аталыку на воспитание и его возвращение в родительский дом; заключение феодального договора с вассалами различных рангов и др.

Вопросы, имевшие широкий общественный резонанс и касавшиеся всего аула, сельской округи, удела или княжества, решались на заседаниях представительного органа определенного уровня, прочие — в кругу только причастных к делу лиц. Все подобные мероприятия различались по сценарию, характеру произносимых речей (политической лексике). Так, в некоторых ритуалах важны были не только словесные клише, но и жесты — например, при просьбе о покровительстве формула “мыр сшъхьэ, мыр сипаIо” (вот моя голова, вот моя шапка) сопровождалась снятием головного убора (332, с.270; 318, с.26). Прием дворянина на службу сопровождался ритуалом, по смысловому значению аналогичному западноевропейскому возведению в рыцари. Широко использовалось привлече-

ние посредников — свидетелей, поручителей, доверенных лиц. К числу непременных ритуальных действий относилась и присяга (тхьарыIо).

Преемственность власти в адыгских княжествах обеспечивалась традицией наследования по боковой линии. Возможность выдвижения лидера некняжеского происхождения, пусть даже обладающего общепризнанной харизмой, практически исключалась. Вместе с тем, наличие харизмы всегда придавало власти пши дополнительный авторитет. Лучшим средством его достижения являлись воинские заслуги, которые были важным фактором легитимности политического лидерства, особенно для верховного князя.

Князь, наделенный временными полномочиями “главного полководца”, по словам С. Броневского, в дальнейшей политической деятельности получал “первенствующий голос на народных собраниях” (55, с.182). Отсутствие внешней угрозы и условий для реализации функции *дзэпщ’*а (главнокомандующего) негативным образом отражалось на власти, престиже и материальном положении *пщышхуэ*. И наоборот, вес великокняжеской власти увеличивался в силу его руководства действиями объединенных войск.

Демократический переворот в Шапсугии, Натухае и Абадзехии, успехи колониальной политики царизма, а также распространение шариата существенно трансформировали прежние представления о политическом лидерстве во всей Западной Черкесии.

С начала XIX в. заявкой на политическое лидерство у горных адыгов являются только личные заслуги потенциального предводителя, независимо от его социального происхождения. Дворянство постепенно вытесняется из сферы политического руководства, сохраняя за собой только главенство в военной области.

Дезавуирование власти высшего сословия, отправной точкой которого послужил “демократический переворот”, превратилось в устойчивую тенденцию, прослеживаемую в Западной Черкесии на протяжении всего периода войны. При этом в княжествах, в отличие от горных обществ, ведущим фактором становится не социальный, а религиозный — так, под воздействием исламской доктрины всеобщего равенства старшины свободного крестьянства дважды (в 1828 и 1856 гг.) на длительное время отстраняют от власти бжедугское дворянство. Наибы Шамиля окончательно подрывают авторитет дворянства, порою в качестве метода убеждения прибегая к прямому физическому насилию в отношении ранее неприкосновенной фигуры князя: так, “Хаджи-Магомет не одного князя стегнул плетью” (293, с.148), а в 1850 г. по приговору Мухаммед-Амина был казнен махошевский князь Магометчерий Богорсоков (РГВИА, ф.13454, оп.2, д.538). Одним из показателей утраты былого статуса высшей знатью явилось оформление матримониального союза княжеского рода Болотоковых с Мухаммед-Амином, по словам Сталя, воспринятое народом

как явный мезальянс, “пример неслыханный неравного брака княжны с дагестанским пастухом” (293, с.148).

Становится очевидным, что традиционное идеологическое обоснование права на власть, к которому прибегала аристократия, идет вразрез с политическими реалиями периода войны. Так, генеалогические предания дворян у “демократических” адыгов, повествовавшие об их иноэтничном происхождении, уже не вызывают священного трепета у простолюдинов, а наоборот, дают лишний повод к третированию “горсти пришельцев”. Бжедугские крестьяне во время Пщи-орк зао откровенно потешаются над политическим мифом о воспитании прародителя их князей в гнезде орла. Постановления бжедугских же крестьян в 1828 и 1856 гг., что “всякий простолюдин (тльфекотль), убивший князя или дворянина, потеряет только свой заряд” (332, с.269), свидетельствуют о значительной десакрализации власти аристократии.

Другим важнейшим фактором явилась российская политика по отношению к знати. Фактор постоянного российского военного присутствия в регионе и переход князей в подданство России лишали адыгскую знать в глазах их подданных статуса независимых правителей, обладающих политической, военной и судебной властью в полном объеме. Российская военная администрация не испытывает ни малейшего пиетета к некогда священной княжеской особе: представителей высшей аристократии захватывают в плен, подвергают аресту с целью оказания давления на их подвластных; из княжеских семей берут аманатов в качестве залога “покорности”; безо всякой компенсации, насильственно изымают находящихся под их патронатом армян и т.д.

Не спасали княжеский авторитет и военные столкновения с российскими войсками, в моменты которых на первый план выдвигались воинские таланты вождя, поскольку за конфронтацией следовало очередное замирение, подрывавшее статус политического лидера. “Бывали нередкие примеры, — отмечал К.Ф. Сталь, — что враждебный нам князь, помирившись с нами, вдруг лишался всякого веса и влияния” (293, с.148).

В “демократических” субэтносах в условиях ограничения политических прав аристократии репутация воина становится для дворян едва ли не главным фактором в достижении политического признания в структурах “народного правления”, где они на равных конкурировали с “новым дворянством” – старшинами “вольных земледельцев”. Наблюдая состояние Черкесии в 30-х гг. XIX в., Э. Спенсер так описывает перемены, произошедшие в политической элите “демократических” адыгов: “когда любое племя выбирает вождя, чтобы повести их к бою, или старейшину, чтобы руководить судом, предпочтение не оказывается рангу; героическая смелость в одном и мудрость и моральная чистота в другом

являются единственными необходимыми качествами". Здесь же он добавляет: "без самой отличительной храбрости князь всецело теряет свое влияние: смелый мужчина, или вождь, аристократ, или же член клана (братства - Ред.) всегда высоко уважаем своими соотечественниками" (292, с.123). Т. Лапинский давал следующую характеристику одному из предводителей "демократических" адыгов в 1850-х гг.: "…выбранный вождь, обыкновенно мужчина средних лет. Ум, храбрость, много смелых и удачных воинских подвигов, всеобщее доверие, а также большое красноречие… необходимы для достижения этого звания…" (184, с.166-167).

Характеризуя образ правителя в "аристократических" "племенах" Западной Черкесии 40-х гг. XIX в., К.Ф. Сталь отмечал: "На народном собрании князь занимает первое место со всеми тлякотляжами и духовными, имеет решительное влияние на решения собрания, а иногда и полновластен. Но для этого нужно, чтобы князь был рыцарь и имел дар слова…" (293, с.145). "Черкесы терпеливы и много переносят, - продолжает далее российский этнограф, - если князь их храбр и воинственен. <…> Народ, потеряв свою независимость, и видя, что пристав наш имеет больше силы, чем их князь, перестает уважать своего князя, и нередко в народе доходит до толков на сходках (народных собраниях – Ред.), нужен ли князь тому народу, который покорился нашему правительству? " (293, с.147-148).

"Духовное правление" в Кабарде (1806-1822 гг.) и шариатский режим Мухаммед-Амина (1848-1859 гг.) способствовали выдвижению на ведущие позиции в общественной жизни мусульманского духовенства, которое в значительной мере соответствовало традиционным критериям политического лидерства. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что "духовные" стали органичной частью социально-политической иерархии, заняв в указанные периоды одну из ее высших ступеней. Говоря о новых политических лидерах, К.Ф. Сталь писал: "Эфендий и мулла разделяют с наездником его труды и опасности, бойко сражаются и вместе с тем играют важную роль на народных собраниях и разбирательствах" (293, с.111; 4, с.472). Вместе с тем игнорирование особенностей ТПК могло сорвать становление шариатской администрации в некоторых областях Западной Черкесии. Назначение Мухаммед-Амином начальником одного из мехкеме бывшего раба, который к тому же по молодости проявлял излишнее рвение и пренебрежение местными обычаями, послужило поводом к восстанию абадзехов против "шариатской" власти. Т. Лапинский, считая подобную политическую карьеру "в обычаях магометанских народов", указывал, что в таких делах "у абадзехов больше обращается внимание на возраст, на заслуги перед страной и на чистоту крови в фамилии" (184, с.357).

Усиление позиций ислама сделало обязательным для лидера следование канонам новой веры и соблюдение ее обрядности (зачастую демонстративное и поверхностное). Среди политических деятелей всех уровней растет слой хаджи, а “ученость” (исламское образование) становится средством “возвыситься и управлять судьбою своего народа” (293, с.156), поскольку дает возможность обоснования и оправдания любых действий путем произвольного толкования Корана.

Учитывая возросшее влияние исламских “религиозных идей, окрепших среди черкесов” в начале XIX в., традиционная политическая элита феодальной Черкесии прибегла к политической мимикрии, умело используя в политической практике отдельные положения доктрины шариата, согласуемые с ТПК. В Кабарде начала XIX в. именно высшая аристократия выступила инициатором и возглавила шариатские преобразования, моделируя их таким образом, чтобы с наименьшими потерями сохранить свои традиционные политические прерогативы. В 1826 г. среди закубанских черкесов, “которые сохранили неприкосновенным свое феодальное устройство”, шариатские реформы Хасан-паши анапского были поддержаны прежде всего князьями. В итоге они сохраняли еще некоторое время прежнюю власть, поскольку сам паша “наименовал старших князей валиями и поручил им верховную власть” (332, с.263-264).

Последний пример служит ярким свидетельством тому, что часто встречающиеся в источниках периода Кавказской войны иноэтничные понятия из сферы политической лексики (“мехкеме”, “меджлис”, “наиб”, “мухтар”, “муртазак” и др.) создают обманчивое впечатление массового заимствования шариатских политических структур. Однако в целом ряде случаев можно говорить о восприятии только самих терминов из арабо-мусульманской культуры по соображениям престижности, но никак не самих обозначаемых ими явлений и объектов, многие из которых издавна существовали у адыгов.

К явлениям аналогичного порядка можно отнести примеры использования в политической практике приемов своеобразной “шариатской демагогии”. В 40-е гг. XIX в. некоторые князья Западной Черкесии стали манипулировать “демократическими” ожиданиями для достижения утрачиваемого взаимопонимания с подвластными. Как отмечает К.Ф. Сталь, “они, бывало, соберут народ, заговорят о вере, прикинутся кающимися, обещают ввести шариат, т.е. ограничить совершенно свою власть”. Однако, получив желаемое, не выполняли обещанного, что “повлекло за собою потерю уважения и послушания в народе к князьям” (293, с.145-146).

Политическая культура дворян основывалась на иммунитетных властных прерогативах в рамках собственных вотчин и определенных полномочиях в административно-

политическом аппарате сюзерена. Последние распределялись в соответствии с положением дворянина в феодальной иерархии. Политическое значение вассалитета подчеркивалось Хан-Гиреем: “число подвластных дворян усиливает в Черкесии власть человека высшего звания: он посредством их преодолевает своих врагов, увеличивает свою силу, ограждает себя от могущества других, притом народ видит и почитает в особе владеющего дворянами вассалами лицо высокое, как бы долженствующее властвовать” (331, с.320-321). Пши использовал своих дворян не только в качестве профессиональных воинов, но и в системе организации управления собственным уделом. Причем титул вассала определял его территориальную и должностную специализацию в политической деятельности сюзерена. Источники позволяют предполагать существование в системе управления каждого адыгского княжества определенного должностного аппарата, состоявшего из наиболее компетентных вассалов (332, с.259).

Высшую ступень в нем занимал *кодз* – “главный княжеский помощник по управлению внутренними и внешними делами данного княжеского удела” (70, с.187). Некоторые источники называли так тлекотлешей, представители которых обычно занимали данный пост. Между тем, известнейшим в адыгской фольклорной традиции советником князя был Ж. Казаноко, который принадлежал к сословию беслан-уорков. Нетрудно предположить, что на этот пост в исключительных случаях назначались княжеские вассалы не только из высшей аристократии, если они выделялись незаурядными организаторскими талантами.

Аналогичной была мотивация сюзерена при формировании другого социально-политического института – “*должностного класса*” (С. Хан-Гирей) — бейголей. Они являлись важным элементом административно-управленческого аппарата, обеспечивавшего функционирование феодальной (или вотчинной) власти, персонифицированной в лице князя. *Бейголи* представляли его интересы во взаимоотношениях с подданными. Уорки избегали этих обязанностей, считая их непрестижными (331, с.134). Исполнялись они от имени сюзерена, упоминания которого в принципе было достаточно для их реализации мирными средствами, без применения военной силы. Штат бейголей составлялся сюзереном из подходящих вольноотпущенников и тфокотлей. Несмотря на то, что этим отдельные крестьяне получали определенные политические права, элитарность политической деятельности в традиционном адыгском обществе не нарушалась. В политической субкультуре бейголей было очевидным стремление дистанцироваться от крестьян и даже подчеркивался определенный антагонизм, причем не только со средой их происхождения, но и с дворянами – вассалами их сюзерена (4, с.261). Не случайно, как бы оправдывая статус “должностного класса”, бейголи с особенным рвением прибегали к сверхнормативно-

му политическому насилию, несвойственному идеальным “правилам игры” высшей аристократии. Хотя, надо заметить, адыгская история знает немало примеров, что и представители последней, например, в междоусобицах не утруждали себя соблюдением норм политического этикета, превозносимых устной традицией.

Таким образом, возможность перехода отдельных крестьян-вольноотпущенников на должности в вотчинных администрациях или в незнатные вассалы высшей аристократии не разрушала традиционного общественного разделения военно-политических и производственных функций между господствующим классом и зависимыми сословиями “княжеских владений” Черкесии. Процессы демократизации в Западной Черкесии несколько ослабили жесткость данного разграничения у “аристократических адыгов”, а среди шапсугов, натухайцев и абадзехов практически ликвидировали их. Здесь, начиная по крайней мере с XVII в., между “вольными земледельцами” и аристократией велась борьба, приведшая в XVIII в. к установлению “двоевластия” тфокотльского и дворянского сословно-представительных собраний. В первой половине XIX в. их противостояние завершилось формированием “народного правления”, фактически упразднившего традиционную политическую власть родовой знати.

Демократический переворот у шапсугов, натухайцев и абадзехов трансформировал многие элементы их ТПК. Старшины тфокотлей заменили “в этих племенах князей и дворян”, сосредоточив в своих руках решающее влияние на народных собраниях. Их заседания, по замечанию аристократа Хан-Гирея, “всегда бывали шумны и гремят бранью”, поскольку их участники, “за исключением малого числа старшин, чрезмерно грубы” (331, с.135). Обстановку на хасе с участием народных старшин от крестьянского сословия критиковал и С. Броневский: “Сии шумные собрания распускаются, большею частью не положив ничего на мере” (55, с.177). Вместе с тем, некоторые авторы с восхищением описывали порядки, царившие на народных собраниях 30 – 40-х гг. XIX в., где шумные прения сменялись пространными речами ораторов (292, с.71-72). Среди них, по словам К.Ф. Сталя, “голос старшин (в особенности враждебных нам) очень уважается, также как голос эфендиев и отважных наездников” (293, с.156).

В условиях разрушения многих из традиционных механизмов ТПК сохраняется и даже возрастает роль общественного мнения в формировании административно-политических институтов, установлении политического лидерства и принятии важнейших политических решений. Наблюдая этот процесс “изнутри” демократических субэтносов, Дж. Белл отмечал: “Каждое братство возглавляется своими старейшинами… посеребренная сединой борода в соединении с хорошей репутацией – вот единственные основания,

чтобы пользоваться общим уважением, а также превосходством, как на советах, так и повсюду" (4, с.483). "…Народ не подчиняется власти, основанной на праве давности, но управляется только теми, кто приобрел влияние на общественное мнение; мы никогда не наблюдали, чтобы этой властью наделялись люди, которые ее не заслуживали бы своей опытностью, мудростью, энергией и честностью характера". (4, с.485)

Отсутствие в традиционном адыгском обществе письменности стимулировало развитие культуры устного политического диалога. Во всех этнополитических образованиях Черкесии она отличалась состязательным характером, способствуя росту политического влияния не только наиболее красноречивых представителей аристократии, но и старшин тфокотлей. Во многом именно благодаря ораторскому искусству во второй четверти XIX в. в Западной Черкесии разрушались традиционные ограничения на пути к политическому лидерству.

Несмотря на элитарность политических отношений в феодальной Черкесии, некоторые принципы ТПК обнаруживались и вне аристократического образа жизни. Модели вотчинного управления в определенной мере воспроизводились в крестьянских хозяйствах, владеющих крепостными крестьянами. В празднично-обрядовой народной культуре профанация сословной и политической иерархии выполняла определенную компенсаторную функцию, помогающую психологически преодолеть приниженное положение простонародья в реальной общественной жизни.

Со времен легендарной меотянки Тыргатао роль женщин в ТПК не достигала подобных высот. Тем не менее, фактически исключенные из политической деятельности, представительницы адыгской знати опосредованно имели неформальное влияние на своих мужей, братьев и отцов, выступая вдохновительницами конфликтов и инициаторами примирений, поводом для соперничества, которое оборачивалось политическим расколом (305, с.255-257; 293, с.146). Особую роль черкесские женщины играли в своеобразной "гаремной дипломатии". Есть примеры, когда адыгские жены турецких сановников организовывали материальное и военное содействие борьбе своих соотечественников против российской экспансии (292, с.50). Одним из оснований, по которому во второй трети XIX в. часть западных адыгов признавала покровительство турецкого султана, являлось "многовековое родство", поскольку "султаны издавна брали жен из черкесских уроженок" (44, с.25). Вместе с тем, таких высокопоставленных черкешенок окружали их родственники и соплеменники, порою оказывавшие существенное воздействие на политику государства.

Воспроизводство ТПК обеспечивалось традиционной системой социализации, которая формировала будущих политических лидеров. С малых лет представитель господ-

ствующего класса усваивал соответствующие модели поведения от аталыков, соратников по наездническим акциям, постигал политические ритуалы, присутствуя на хасах и судебных заседаниях.

“Демократический переворот” у шапсугов, натухайцев и абадзехов, и отчасти в “княжеских владениях” Западной Черкесии, девальвировал легитимность традиционной преемственности власти. В первой половине XIX в. политическое влияние князей и дворян становится всецело зависимым от их индивидуальной социальной мобильности. Отмечая эти изменения, К.Ф. Сталь описывал их путь к политическому лидерству следующим образом: “Снискав себе имя и вес, он (дворянин – Ред.) является на народных собраниях, ищет популярности в своем народе, сообразно способностям своим играет роль более или менее важную на народных вечах и разбирательствах” (293, с.123). Таков путь к обретению самого престижного политического статуса – “языка народа”. Этим поэтическим эпитетом черкесы называли человека, который “один умеет высказать ясно, что целый народ желает, и что он чувствует. Голос языка народа на вечах и при всех предприятиях решителен, увлекает весь народ и ворочает им по своей воле” (293, с.123-124), - писал об этом политико-культурном феномене К.Ф. Сталь.

Взаимоотношения различных уровней политической структуры традиционного адыгского мира трагическим образом соответствовали исторической закономерности, отмеченной Г. Зиммелем: “Взаимная ненависть мельчайших соседних государств, у которых вся картина мира, локальные связи и интересы необходимым образом весьма сходны и нередко должны даже совпадать, часто намногим более страстна и непримирима” (61, с.461).

В общественном сознании адыгов так и не сложилось четких установок на политическое единство. Неприятие политической централизации среди них отмечал еще в IX в. Аль-Масуди (133, с.33), в конце XV в. – Интериано (4, с.48) и подтверждалось всей историей адыгов в XVI – первой половине XIX в. Примечательно, что ни демократические, ни шариатские формы социально-политической организации не смогли преодолеть установки на децентрализацию. Побывавший в Западной Черкесии в 1818 г. Тэбу де Мариньи писал, что в политической практике адыгов действовало правило “создавать известный баланс сил в их стране в целом и препятствующее возвышению какой-либо преобладающей силы” (4, с.300). В 30-х гг. XIX в. Э. Спенсер отмечал, что черкесы ориентированы на то, чтобы “заключать дела между собою для обеспечения определенного равновесия сил, способного препятствовать возвышению какого-либо вождя… над всеми” (292, с.124).

Взращенная в наездничестве “жажда дурно понятой славы” (332, с.107), причем славы индивидуальной (153, с.76), в сознании адыгских аристократов оставалась определяющим фактором их политического поведения, когда они от участия в набегах с легкостью переходили к решению вопросов, связанных с судьбой всего княжеского владения или страны в целом. Политический эгоцентризм являлся обычным образом мысли князей не только в отношениях с подобными же себе владетелями Черкесии, но и во взаимоотношениях с другими народами и государствами.

Этому немало способствовало воспитание в форме аталычества, которое, по замечанию П.С. Палласа, “направлено к тому, чтобы уничтожить всякое родственное чувство” (4, с.222). Тем не менее, аристократическая мораль исключала возможность пренебрежения этим важнейшим институтом, в том числе и по политическим соображениям. Согласно представлениям рассматриваемой эпохи, “князь, которого дети воспитывались бы в собственном его доме, слаб духом, а такое мнение повредило бы его власти” (331, с.261). В результате система аталычества, способствуя упрочению сюзеренно-вассальных отношений и связывая адыгских аристократов с правящими кланами иных субэтносов и соседних народов, в то же время закрепляла разобщенность внутри семей правящей элиты, имевшую далеко идущие последствия для политической организации Черкесии.

В Кабарде в результате не прекращавшихся междоусобиц эта тенденция приняла крайнюю форму. Здесь, по словам Я. Потоцкого, “каждый князь настолько независим, что у них даже нет обычая, чтобы сыновья подчинялись своим родителям” (4, с.227). Хан-Гирей считал аталычество источником “вражды, раздирающей семейства высшего класса в Черкесии” и началом “междоусобий, поглощающих счастье тысяч в этом крае семейств” (331, с.261).

Не приходится удивляться, что в политическом соперничестве “братьев-князей” регулярно срабатывал традиционный алгоритм достижения верховной власти: “всех своих братьев изведет и сам всеми подданными завладеет”. В 1634 г. Э. Д. Д’Асколи писал, что черкесские князья “склонны к междоусобицам… так что иной отец не всегда безопасен от сына своего или брата” (4, с.63). В 1751 г. представители тлекотлешей сообщали российским офицерам, посланным в Кабарду для примирения враждующих сторон: “А ныне де как владельцы, так и узденi, один одново не слушают и никаково согласия между их всех нет. Не только друг друга слушать и молодым старших почитать, но сын отца, брат брата не слушают и не почитают как во владельцах, так и в узденях” (АВПРИ, Кабардинские дела, оп.1, 1715 г., д.3, л.129об.). Путешествовавший по Кавказу в 1770-х гг. академик Гюльденштедт отметил: “князья ведут войну между собой, утесняют друг друга и часто

объявляют себя союзниками совсем противной стороны” (АВПР, Кабардинские дела, оп.1, 1715 г., д.3, л.205об.).

Стремление к единоличной политической власти культивировалось всей системой политических ценностей. “Между этими морями (Каспийским и Черным) и одному князю тесно”, – такой образ мысли устная традиция приписывала кабардинскому пщышхуэ Асланбеку Кайтукину (начало XVIII в.), который, по выражению Хан-Гирея, покрыл землю “злодеяниями ради достижения верховной власти” (332, с.275). При этом цель как бы оправдывала все средства для ее достижения. В этом плане и легендарный объединитель адыгских княжеств Инал не слишком отличается от своих преемников. Его политика централизации страны реализовывалась самыми решительными и жестокими мерами борьбы с княжеским сепаратизмом. Но, несмотря на это, “Иналов день” в общественном сознании остался идеалом социальной стабильности (240, с.95), воплощением лучшего правления (не пренебрегающим сверхнормативным политическим насилием во имя общего блага), однако в плане центростремительных тенденций так и не стал нормой политической практики.

Действующий порядок преемственности власти, традиционная система социализации, действовавшая в среде господствующего класса, ярко выраженный приоритет частного над родственным, сословно-корпоративным, а тем более общественным в притязаниях удельных монархов и, наконец, немногочисленность в адыгской истории князей с выдающимися политическими талантами обусловливали постоянное возобновление междоусобиц. Поскольку враждовали относительно равные соперники, а княжеские альянсы были недолговечны, результатом междоусобиц чаще оказывалось не установление одним из князей верховной власти, а восстановление паритета суверенных монархов.

Политический эгоцентризм являлся главной установкой политического действия представителей правящей элиты, определяя характернейшую особенность ТПК адыгского феодализма.

Адыгское общество на протяжении всей своей достоверно известной истории развивалось в тесном взаимодействии с разнообразным социально-политическим окружением: античным миром, Византийской империей, генуэзскими колониями Восточного Причерноморья, кочевниками степного Предкавказья, государствами Закавказья, другими народами Кавказа. Сосуществование адыгов с окружением, весьма разнородным в этнокультурном и политическом отношениях, способствовало формированию у них развитой дипломатической культуры, в рамках которой сложились определенные различия во взаимоотношениях адыгов с ближайшими соседями по Северному Кавказу и с крупными держа-

вами, имевшими свои интересы в регионе. Этим политическим связям были присущи феодально-иерархический и межличностный характер, обусловленный преобладанием в международной деятельности адыгской политической элиты отношений в рамках феодальных институтов покровительства и вассалитета.

Политические контакты с субъектами международных отношений реализовывались преимущественно в форме феодального договора, в рамках традиционных институтов – аталычества и куначества, а также посредством династических браков. Первые два С. Броневский называл главным звеном “политических соотношений… между кавказскими народами” (55, с.187).

Политические связи между адыгскими субэтносами можно рассматривать по аналогии с международными отношениями, в практике которых важнейшее место занимали переговоры и заключение союзов. Их назначение и форму одним из первых описал Тэбу де Мариньи: “Каждое племя стремится усилиться за счет союза с другим племенем. Клятва, произносимая по этому случаю соответствующими представителями, налагает на племена обязательство ни в чем не вредить друг другу, быть взаимно справедливыми при урегулировании споров между отдельными членами племен и во всем оказывать друг другу помощь” (4, с.300).

Несмотря на преимущественно декларативный характер таких общих соглашений, они использовались во взаимоотношениях адыгских “племен” до начала 1860-х гг. Развитая культура политических переговоров предполагает существование действенных средств мирного разрешения разнообразных противоречий между адыгами, объясняет высокий уровень организации совместных внешнеполитических мероприятий (посольств, военных походов и т.п.), подчеркивает дифференцированность дипломатической культуры феодальной Черкесии. Она не ограничивалась исключительно внеадыгскими политическими связями, а реализовывала значительную часть своего богатого потенциала в отношениях между адыгскими субэтносами, являвшихся, в силу известных обстоятельств, по существу суверенными этнополитическими образованиями, ведущими самостоятельную внешнюю политику.

В первой половине XIX в. достаточно эффективной, хотя и не постоянной становится практика военно-политического содружества отдельных “племен” или “братств”, которое складывалось посредством своеобразных переговоров и обменов дипломатическими миссиями (331, с.130-131; 293, с.165,166,168). К.Ф. Сталь дает показательную характеристику договорной практики черкесов в период “исламской” консолидации 40-х гг. XIX в., когда традиционные соглашения стали определяться в терминах мусульманского

права. Если “враждующие племена желают помириться, то высылают посредников, которые заключают между враждующими сторонами маслахат, чтобы жить мирно между собою, и совокупными усилиями действовать против общего врага. Маслахат, как и всякий договор есть мера временная, и теряет важность и обязательную силу с изменением обстоятельств” (293, с.160).

В то же время, в условиях непрекращающейся российской агрессии предпринимаются неоднократные усилия по преобразованию западно-адыгских обществ в единый политический организм. Причем центром наиболее радикальных изменений в сфере управления становятся “демократические” субэтносы, при благоприятных внешнеполитических условиях вовлекавшие в орбиту государственного строительства и равнинные княжества, находившиеся под управлением российской администрации.

Еще в начале 1830-х гг. создается конфедерация 12-ти “провинций”, куда вошли все адыгские общества Северо-Западного Кавказа. Постоянным полномочным представителем этого союза в Турции был назначен Сефер-бей Зан (38, с.387-388). Выход равнинных княжеств из этого союза под давлением России означал фактический распад широкой коалиции, однако вплоть до самого конца войны “демократические” образования от Натухая до границ Абхазии остаются ядром антироссийского пакта. Дефтер 1841 г. объявил этот союз открытым для присоединения к нему плоскостных адыгов. Следующим этапом политической реформы стало Адагумское собрание (1848-49 гг.), итогом которого явилось оформление конфедерации Шапсугии, Натухая и Абадзехии. Другой инновацией стало теократическое государство Мухаммед-Амина, на протяжении 1849-59 гг. временами расширявшее свои границы до пределов всей Западной Черкесии. Итогом политических преобразований периода Кавказской войны стало создание Великого Меджлиса, куда вошли области, еще не захваченные Россией к лету 1861 г. (АКАК, т.XII. с.923). Однако продолжающиеся широкомасштабные боевые действия не позволили в полной мере реализовать потенциал этих реформ.

Определенное своеобразие было свойственно традиционной политической культуре феодальной Кабарды. Ее первым отличием был “покровительственный” характер по отношению к вассальным племенам и народностям. Со своей стороны абазины, карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши и западные чеченцы платили фиксированные подати отдельным княжеским фамилиям. Причем если междоусобицы изменяли расстановку политических сил внутри Кабарды, с присвоением имущества, например, изгнанной княжеской фамилии часто происходило перераспределение ренты с вассальных народностей. Однако внутренние распри не расшатывали власть кабардинских князей до такого состояния,

“чтобы племена, ими покоренные, могли освободиться от их ига” (331, с.150). Со второй половины XVIII в. территориальные ограничения и ослабление Кабарды в результате колониальной экспансии России сопровождались попытками зависимых обществ освободиться от дани путем перехода в подданство России. Тем не менее, эти попытки не имели большого успеха до тех пор, пока Кабарда окончательно не утратила суверенитет. Характерной чертой политического поведения кабардинских князей даже в первой половине XIX в. по инерции оставались требования подати с некогда подвассальных народов (172, с.89; 4, с.260;159, с.16-19).

Аналогичные процессы имели место и в Западной Черкесии, где бесленеевские князья также были постепенно лишаемы права взимать дань с подвластных абазин по мере перехода последних в российское подданство. Так, если в 1830 г. башильбаевцы еще считались данниками бесленеевских князей Коноковых (РГВИА, ф.ВУА, д.6244, л.104), то спустя 9 лет подобная практика места уже не имела, хотя шегиреевцы, баговцы и баракаевцы по-прежнему считались вассалами бесленеевцев и были разделены между Коноковыми и Шолоховыми (РГВИА, ф. ВУА, д.18511, л.4об.-6). Можно упомянуть и покровительство некоторых князей Западной Черкесии (в частности, темиргоевских) над черкесогаями — закубанскими армянами, имевшее место вплоть до насильственного разрыва патроната и переселения бывших клиентов российским командованием в Армянский аул (будущий Армавир) в конце 1830-х гг.

Фактический суверенитет княжеских уделов, при котором интересы отдельных уделов (или княжеских союзов) могли быть диаметрально противоположными, определял разнообразие внешнеполитических ориентаций кабардинских князей. Их “условность” и непостоянство (4, с.170) определялись изменениями международной и внутриполитической обстановки, а также частой необходимостью лавировать между отдельными государствами в условиях княжеских междоусобиц. Не случайно значительные усилия дипломатических миссий кабардинских князей направлялись на привлечение для решения внутриполитических вопросов военных сил или посреднических услуг представителей Крымского ханства, России или других этнополитических образований Северного Кавказа. В этой связи необходимо правильное понимание любых союзнических отношений, заключаемых кабардинцами в XVI – XVIII вв. Преимущественно они связывали взаимными обязательствами определенное государство или феодальное владение с одной из княжеских фамилий, союзом уделов, и в подавляющем большинстве случаев не подразумевали партнерство всей Кабарды с другим субъектом международных отношений. Впоследствии подоб-

ную картину договорных отношений адыгских предводителей с царской военной администрацией в Западной Черкесии в середине XIX в. описывал и К.Ф. Сталь (293, с.101-102).

Важно отметить, что значительная роль Черкесии на Северном Кавказе способствовала распространению ключевых символов и этических норм ТПК адыгов (прежде всего кабардинцев) среди соседних народов, став эталоном комильфотности и образцом для подражания.

В рамках любой ПК выделяются субкультуры, возникшие у той или иной социальной группы и сосуществующие параллельно с ведущей, но ориентированные на собственные ценности, а в некоторых случаях даже претендующие на доминирующее положение в действующей ПК. Эти структурные элементы ПК во многом обеспечивают ее обогащение и эволюцию.

Жесткая дифференциация и элитарность политических функций в “княжеских владениях” Черкесии обусловила возможность возникновения здесь политической субкультуры только в рамках господствующего класса. Ее носителями являлись наиболее мобильные пши-уорки, выезжавшие на службу за пределы собственного этнотерриториального ареала (например, в Россию или Крым). За время отсутствия их разрыв с традиционной социо-культурной средой часто становился непреодолимым. По возвращении они оказывались в условиях социального отчуждения: инновации, воспринятые ими под воздействием другой культуры, создавали вокруг них атмосферу недоверия, которая в свою очередь затрудняла возможность их включения в социальные отношения в качестве полноправных субъектов политического действия. В 1805 г. один из представителей царского военного командования на Кавказе заметил, “что кто из кабардинцев побывает в России, а, особливо получив какие-либо награждения, возвратится в Кабарду, то много теряет уважения от своих собратий…”(309, с.71). Тем не менее, и до и после именно материальные выгоды от российской службы наиболее привлекали кабардинских феодалов. Восстановлению утраченного общественного статуса способствовал немедленный переход в разряд “немирных” — т.е. открытых противников России. В то же время адыгские дворяне, находившиеся на службе в странах ислама, по возвращении на родину пользовались значительным авторитетом, как, например, политический лидер бесленеевцев Канаматхаджи Тлаходуков (РГВИА, ф.13454, оп.2, д.487, л.18; РГВИА, ф.38, оп.7, д.244; 293, с.83,125). Наиболее влиятельной модификацией данной субкультуры с начала XIX в. становится прослойка адыгской аристократии, принимавшая участие в деятельности органов царской администрации.

На рубеже XVIII - XIX вв. в адыгском мире начинает складываться “шариатская” субкультура. Она зародилась в Кабарде, достигнув здесь определенных результатов в период “духовного правления” (1806 – 1822 гг.). С 20-х гг. XIX в. она получает развитие на Северо-Западном Кавказе как органичное продолжение процессов “демократизации”, выходя за пределы Шапсугии, Натухая и Абадзехии. Новая модификация шариатской субкультуры начинает складываться в 1840-х гг. Она выделяется из северокавказского шариатского движения и энергичными усилиями наибов Шамиля, а особенно Мухаммед-Амина, она распространяется в Западной Черкесии. Ее адепты не только выдвигают новую политическую доктрину, но и вносят изменения в устоявшиеся представления о характере и методах политических отношений. Даже в Кабарде ее носителями были не только аристократия, но и представители крестьян-вольноотпущенников, составлявших социальную основу мусульманских священнослужителей. У истоков этой субкультуры стоял Шейх Мансур, который, по выражению Э. Спенсера, подобно Магомету “воплощал своей личностью тройственный характер жреца, воина и пророка” (292, с.127).

Носителями наиболее влиятельной субкультуры в Западной Черкесии были “вольные земледельцы” – тфокотли. Их успех в многолетней борьбе с дворянством за перераспределение политических полномочий в 30-х гг. XIX в. привел к определенной демократизации ТПК натухайцев, абадзехов и шапсугов. В XVII – XVIII вв. при господстве аристократической ПК, в целом аналогичной ТПК адыгского феодального общества, ПК тфокотлей существовала в статусе субкультуры, а с формированием “народного правления” она становится доминирующей. Феодальная ТПК вступает в фазу упадка и переходит на положение субкультуры. Адаптируясь к сложившейся политической ситуации, феодальная верхушка, лишенная традиционной политической роли, реализовывала себя либо в структурах “народного правления”, “соприсяжных братств” или шариатской администрации, либо в военно-политических мероприятиях России или Турции.

Своеобразная модель субкультуры возникла у т. н. “закубанских кабардинцев”. Покинув Кабарду (начиная с 1804 г.), они оседали в Западной Черкесии, где существовали достаточно обособленно, придерживаясь собственной ТПК. По данным Ад. Берже, именно в их среде, “более чем у других черкес, сохранился аристократический элемент в их образе жизни…” (43, с.22). “Беглые кабардинцы за Кубанью служат теперь примером мод и обычая” (293, с.91), - отмечал в 1840-х гг. К.Ф. Сталь. В 1846 г. они учредили “мехкеме”, взяв за основу модель “духовного правления” в Кабарде первой четверти XIX в. Тем не менее, шариатские преобразования не внесли существенных изменений в их традиционный военно-политический быт. В общем сопротивлении западных адыгов они проявили

себя талантливыми предводителями, их наезднические успехи в статусе “хаджиретов” вошли в легенды. Однако своеобразие их политической культуры обнаруживалось лишь в сравнении с доминировавшей в то время в Западной Черкесии синтетической ПК, сформировавшейся в условиях народно-шариатского правления, учрежденного Мухаммедом-Амином, в определенной мере дополнявшей традиционалистскую ПК черкесской аристократии, одним из ярких представителей которой был шегакский князь Сефер-бей Зан.

На протяжении XVI – XIX вв. ПК феодальной Черкесии претерпевала значительные трансформации, обусловленные внешними и внутренними факторами, что предопределило внутреннюю неоднородность ПК адыгов. Одной из важнейших характеристик ТПК адыгов следует признать потенциальную готовность к восприятию элементов иных политических традиций с тем, чтобы преодолевать внешние и внутренние деструктивные воздействия, поддерживая тем самым относительную стабильность функционирования социально-политических институтов традиционного адыгского общества.

Наглядным подтверждением этому может служить состояние ПК адыгов во второй половине XIX в., когда ее функционирование было ограничено жесткими рамками сначала “военно-народного управления”, а после – административными распорядками сельских обществ и Съездов их доверенных представителей. Политический статус адыгов был пространственно ограничен рамками общинной организации. Однако и в условиях формального равноправия участников общественного управления, действия механизмов альтернативного избрания состава сельских правлений и коллегиального принятия решений на сходах домохозяев в административной практике сохранялись иерархичность, соотносимая с сословным и статусным положением, определенная элитарность политического участия, а также отчуждение должностных лиц, назначаемых внеобщинными инстанциями без согласования с членами общины.

Глава 6. Военная культура

Тысячелетняя история адыгов представляет собой хронику непрерывной борьбы за выживание и сохранение независимости. Состояние перманентной войны являлось тем неизменным антуражем, на фоне которого протекал этногенез адыгов. Боевые действия против внешних врагов или внутренние стычки были повседневной реальностью, обыденным явлением. Следствием подобной ситуации стала крайняя военизация адыгской культуры, затронувшая все стороны общественного быта и наложившая неизгладимый отпечаток на общественное сознание. Статус воина был чрезвычайно высок, а военное дело от-

носилось к числу высокопрестижных занятий. Особое место в этом милитаризованном социуме занимала военная культура, включавшая в себя комплекс представлений о войне и различные аспекты военного искусства.

Военная культура в традиционном адыгском обществе не ограничивалась исключительно сферой военных действий. Её элементы были значимы во всех сферах жизни феодальной Черкесии: воинская слава являлась определяющим фактором традиционного политического лидерства князей и дворян; пространственная организация поселений в предгорных и равнинных областях Черкесии, полевых работ и лагерей охраны, сопровождавших табуны и отары в отгонный период, свидетельствовали о постоянной готовности жителей, пахарей и феодальных владельцев к отражению возможного нападения; специализация ремесла, промыслов и коневодства была ориентирована на удовлетворение потребностей феодальной знати воинским снаряжением и средствами передвижения; почти все ценности и идеалы господствующего класса сосредотачивались вокруг войн во всех их проявлениях; система воспитания, особенно в аристократической среде, духовно и физически готовила будущих мужчин к повседневному военному быту; духовная культура, песни и предания были пронизаны военным духом, и даже народная празднично-обрядовая культура, пародировавшая феодальную иерархию, носила военизированный характер. Этим обуславливалась несколько односторонняя направленность в развитии наиболее ярких форм феодальной культуры адыгов, прямо и опосредованно связанных с воинским искусством.

Исторически обусловленное состояние перманентной войны и крайняя милитаризация повседневной жизни адыгов сформировали особый психологический тип личности, максимально приспособленный к экстремальным обстоятельствам.

Кавказская война, пришедшаяся на последнее столетие существования независимой Черкесии, надолго закрепила это явление. Военные действия, десятилетиями продолжавшиеся на территории Кабарды и Северо-Западного Кавказа, обусловили поголовную вовлеченность адыгского населения (особенно в Закубанье) в события войны. В отличие от иных (в частности, западноевропейских) театров военных действий, война в Черкесии фактически не имела фронта и тыла, здесь не было строгого деления на воинов и мирное население и потому психология комбатанта (фронтовика) в той или иной степени была присуща подавляющему большинству адыгов.

Ожесточенная война, бушевавшая на протяжении жизни нескольких поколений, сделала фактор российского военного присутствия донельзя привычным, обыденным явлением. У адыгов создавалось ощущение, что война будет продолжаться еще не одно де-

сятилетие и, несмотря на ее весьма проблематичный исход, к этой бесконечной борьбе народ был готов. Так, по словам Ф. Торнау, один из адыгских дворян Джансеид “нисколько не сомневался в том, что русские со временем возьмут верх над горцами, но считал это время достаточно отдаленным для того, чтобы самому умереть, не подчиняясь их воле...” (305, с.43).

И только в самом конце войны, когда она приобрела особо жестокий, истребительный характер настоящего геноцида и был перейден некий “болевой порог”, когда испытываемые адыгами страдания превысили все мыслимые пределы, российские источники стали фиксировать следы некоего психологического надлома. Однако причину поражения адыгов следует все же искать не в моральной сфере, а в полном развале системы жизнеобеспечения. Однако, даже утратив все возможности к дальнейшей борьбе, большая часть адыгского этноса избрала путь пассивного сопротивления, предпочтя покорности депортацию с территории исторической Родины.

В адыгском обществе, жестко стратифицированном на сословные группы, создателями и носителями элитарной военной культуры было прежде всего дворянство. “С рождения и до конца жизни облику, модели поведения “благородных” сопутствовал культивировавшийся имидж рыцаря. С последним связывались система элитарного воспитания, разработанный кодекс рыцарской чести, культ воинской доблести”. В социальном мировосприятии адыгов все это определяло “прерогативу дворянства, ставшую его стилем жизни и закрепившую за ним право на сменявшие друг друга военные походы и набеги…” (153, с.75). “Быть или не быть порядочным наездником, т. е. героем, - писал А.Г. Кешев, - было для всякого свободного адиге равнозначно вопросу о жизни и смерти. Можно сказать, что адигское дворянство не знало иных целей и стремлений в жизни, кроме наездническихъ подвигов и слава героя была заманчивее для него всех мирских благ” (140, с.223). В силу своей высокой престижности, дворянская культура оказывала значительное воздействие на стиль поведения всех слоев общества, что и позволило дворянскому кодексу уоркъ хабзэ, невзирая на кастовые различия, поставить рыцарские представления во главу угла общеэтнических ценностей. “Желание заслужить славу удачливого наездника, храброго воина, человека неутомимого во всех делах, к тому же гостеприимного и галантного превратилось в господствующую тенденцию жизненных устремлений не только феодальной знати, но и в крестьянской среде” (34, с. 84).

Одной из важнейших составляющих рыцарского кодекса *уоркъ хабзэ*, к соблюдению которого тяготело и простонародье, были правила ведения войны, изобиловавшие множеством условностей и запретов.

Так, нельзя было атаковать безоружного или раненого врага, обращать оружие против женщин и детей. Предписывалось гуманное обращение с пленными и почтительное отношение к телам павших врагов. Детально была разработана и этика рыцарского поединка.

В этом отношении свод правил “уоркъ хабзэ” равнозначен понятию “культуры войны”, введенному Ф. Кардини (150, с.145), и полностью укладывается в представления Й. Хейзинги о войне как функции культуры (334, с.105-124).

Согласно последнему, моральные ограничения, препятствующие перерастанию войны в бойню, соблюдаются только в том случае, если “противник признается равноценной стороной, имеющей право на уважительное и честное обращение. ... Но как только оружие направляется на таких, которые считаются неполноценными, называются ли они варварами или как-нибудь иначе, всякие ограничения насилия исчезают” (334, с.118).

Уже с первых лет Кавказской войны высшие чины российской администрации во имя скорейшего разрешения черкесской проблемы предпочитают опираться только на военную силу. Согласно их представлениям, коренное население Северо-Западного и Центрального Кавказа — орда дикарей, не имеющих даже зачатков государственного управления, “хищники”, “разбойники”, “воры” и т.д. и просветительские либо торговые меры не имеют никаких шансов на успех; черкесы могут быть “цивилизованы” не в ходе, а только после окончательного присоединения их к России (81, с.199).

Изначальное использование царским командованием силовых методов во взаимоотношениях с адыгами и исключительно жестокие методы подавления сопротивления были восприняты в Черкесии как сознательное несоблюдение российской стороной военного кодекса чести. Естественно, что немотивированная жестокость, помноженная на психологические особенности и этноконфессиональные различия воюющих сторон, активно работала на создание “образа врага” в массовом сознании адыгов и толкала их на адекватные меры возмездия (154, с.237).

В ходе войны адыгскими наездниками стали использоваться средства, ранее запрещенные кодексом воинской чести и прежде никогда не применявшиеся в ходе внутренних столкновений и набегов. Атаки кордонных линий сопровождались сожжением селений и посевов, истреблением и уводом в плен мирного населения. Надругательство над телами погибших адыгов (приводившее горцев в ужас и взывавшее к мести, учитывая их особо почтительное отношение к павшим) временами порождало далеко не рыцарское отношение к трупам врагов.

Следует также отметить, что в условиях, когда выявилось многократное превосходство России в вооружении, в людских и материальных ресурсах, когда речь шла о выживании самого адыгского этноса, война уже давно не воспринималась адыгами как “праздник”, дворянская забава, театрализованное представление со своими довольно жесткими “правилами игры”. Боевые действия в Черкесии развивались по своим специфическим законам, целью которых было причинение максимального урона наступающему противнику.

Как нам кажется, лучше всего данную ситуацию описал А.-Г. Кешев, в свое время отметивший, что “самый способ ведения войны, принявший с самого начала партизанский характер, не разбиравший средств к достижению предположенной цели, извратив рыцарские понятия древнего черкесского наездничества, заставил адыгские племена употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали вовсе из духа народа и считались бы им, при других обстоятельствах, унизительными для чести наездника” (140, с.224).

Эскалация насилия и вакханалия жестокости в экстремальных условиях, когда на карту была поставлена судьба целого народа, не могли не подорвать древние этические нормы поведения человека на войне.

Священной обязанностью и первейшим долгом каждого воина, согласно оркъ хабзэ, считался вынос с поля боя раненых и убитых соотечественников, невзирая на собственную безопасность. Как правило, в руки врага они могли попасть только в результате тяжелого поражения, когда потери адыгов значительно превышали число оставшихся в живых. В подобном случае предпринимались немедленные действия для их выкупа или обмена у противника.

Рапорты периода Кавказской войны многократно описывали ситуации, когда адыгские воины, потеряв в бою несколько человек, отказывались от первоначального замысла военной операции и основной целью боя становился “спор за убитых”, которых появлялось все больше и больше: “Горцы хотели во что бы то ни стало взять тела своих убитых, делали отчаянные натиски, уносили тела, но оставляли новые” (АКАК, т.XII, с.753).

Сознавая, что для решения наиболее масштабных военных задач необходимо напряжение сил и нацеленность на победу всех воинских контингентов, предводители адыгов перед штурмом укрепления Вельяминовского (1840 г.) приняли беспрецедентное решение атаковать, “не убирая ни убитых, ни раненых, пока совершенно не овладеют фортом” (22, с. 422). Однако устоявшиеся моральные нормы с трудом подвергались коррекции. Так, по мнению источников, в июле 1853 г. адыгам не удалось овладеть укреплением

Гостагаевским именно ввиду утраты эффекта внезапности, поскольку после первого залпа с крепостной стены “всяк поспешил поднять раненого или убитого соаульника” (ГАКК, ф.260, оп.1, д.1522, л.11). Как видим, здесь адыги оказались заложниками одного из самых непреложных требований военной этики, не делавшего никаких скидок на реалии войны.

Сдача в плен считалась у адыгов “верхом бесславия”. История Черкесии полна примеров, когда адыгские воины, окруженные превосходящими силами противника, предпочитали гибель позору плена, означавшего для них смерть гражданскую. Нередко перед этим они успевали вывести свое оружие из строя — “выпустив последний заряд, ломали ружья и шашки и встречали смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми” (305, с. 18). “Никогда не случалось, чтобы вооруженный воин отдался в плен. Потеряв лошадь, он будет драться до последней возможности и с таким ожесточением, что заставит наконец убить себя” (293, с.18).

Особое место в адыгской иерархии ценностей занимал культ оружия, которое являлось неотъемлемой частью образа воина, символом чести своего владельца. Согласно традиционным представлениям, без оружия (за исключением кинжала, являвшегося деталью комплекса одежды) адыгский мужчина мог находиться только в пределах собственной усадьбы. Лишь этикетные нормы священного обычая гостеприимства могли побудить его снять с себя на время пребывания в кунацкой часть вооружения (тут же развешиваемого на стенах гостевого дома). Иные ситуации (даже временного и символического отказа от оружия) адыгскими адатами не предусматривались.

Элементы комплекса вооружения являлись непеременной составляющей дара дворянину (“оркъ тын”) при заключении им феодального контракта, входили в состав “цены крови” адыгских аристократов и брачного выкупа за невесту знатного происхождения. Дорогое оружие (зачастую с драгоценной отделкой) было единственной роскошью, которая дозволялась адыгским мужчинам аскетичной рыцарской этикой (24, с.18-19).

Комплекс боевого снаряжения, использовавшийся адыгами, являлся результатом длительной эволюции в военной сфере и прекрасной иллюстрацией динамического равновесия наступательных и оборонительных видов вооружения. Кроме этого, выбор оружия был взаимосвязан с тактикой ведения боя и определялся природными условиями местного театра военных действий.

Комплекс периода раннего и высокого средневековья представлял собой сочетание холодного (сабля и кинжал) и метательного (лук) наступательного и защитного (кольчуга, шлем, налокотники, кольчужные перчатки) вооружения. При этом длинные тяжелые саб-

ли со штыковым концом (343, с.59) были предназначены как для нанесения рубящего удара по доспеху, так и для прокола кольчуги противника.

Однако появление огнестрельного оружия у адыгов (которое можно датировать сер. XVII в.) существенно изменило эту ситуацию. Начинает проявляться тенденция на постепенное вытеснение доспехов, хотя на первых порах еще технически несовершенные ружья сосуществуют с высококачественной защитной экипировкой.

При этом огнестрельное оружие, на поле боя заметно сократившее превосходство профессионального воина перед простолюдином, далеко не сразу завоевало симпатии адыгского рыцарства, в силу чего ружьями первоначально оснащалась только пехота, а всадники-дворяне оставались верны холодному оружию. Еще более негативное отношение к “огненному бою” демонстрировали непревзойденные кавалеристы мусульманского мира — черкесские мамлюки, считавшие его уделом слабых и не пожелавшие смириться с закатом эпохи клинка и доспеха вплоть до падения своего государства под залпами османских пушек (337, с.28).

Именно в этот переходный период у адыгов получает массовое распространение новый вид клинкового холодного оружия — шашка, весьма эффективная для борьбы с противником, не имеющим защитного доспеха и предназначенная для нанесения не колющего, а рубящего удара. Этой цели были подчинены конструктивные особенности шашки — отказ от защитной крестовины сместил центр тяжести к боевому концу клинка, что позволяло даже легкой шашкой наносить стремительные и мощные удары.

Адыгская шашка оказалась чрезвычайно удачным видом клинкового холодного оружия, как нельзя лучше соответствующим кавказскому театру военных действий с его горно-лесными ландшафтами, и была одинаково удобна и в конном и в пешем бою (327, с.28-30; 363. с.26-33).

Естественно, что смена комплекса вооружения (“доспехи — сабля — лук” на “огнестрельное оружие — шашка”) произошла не одномоментно и растянулась вплоть до конца Кавказской войны. При этом определяющим фактором данного процесса становится вооружение и тактические особенности ведения боевых действий основным противником западных адыгов. Отсутствие защитного доспеха у солдат российской армии окончательно закрепило легкую шашку в арсенале адыгов. Постепенно уходят в прошлое и кольчуги. Еще в конце 1820-х гг. российские военные хроникеры фиксировали панцирное вооружение у княжеско-дворянских дружин (261, с.350-351). Однако горские кольчуги, способные выдержать удар пули, выпущенной из гладкоствольного оружия (38, с.693), оказывались бессильными против картечных залпов и штыковых ударов, являвшихся осно-

вой российской тактики. Так, почти все панцирники, ворвавшиеся в Абинское укрепление в 1840 году, погибли на штыках защитников форта (ГАКК, ф.261, оп.1, д.507, л.72об-73; 361, с.61).

Повсеместное распространение огнестрельного оружия практически вытеснило столь же древнюю, как и доспехи, деталь вооружения — лук, сделав его символом консерватизма и переведя его из боевой сферы в знаково-символическую сферу (вспомним, что именно пучок стрел является деталью адыгского национального знамени).

Данная тенденция была зафиксирована К.Ф. Сталем, в начале 1850-х гг. отметившим, что “шишак и кольчуга, лук и колчан теперь на войне не употребляются, но хранятся как святыня, как остаток рыцарских времен, о которых черкесы вспоминают со вздохом” (293, с.139).

Вышеуказанная устойчивая тенденция на перевооружение способствовала дальнейшей военизации адыгского общества — относительная (по сравнению с доспехами и луком) дешевизна огнестрельного оружия привела к ситуации, когда, по словам Дж. Белла, “каждый пастушок обладает или ружьем или пистолетом, а иногда и тем и другим” (4, с.499).

Артиллерия, в российской армии являвшаяся одним из столпов военной тактики, у адыгов никогда не занимала столь важного места и использовалась только эпизодически, хотя общее количество пушек у них исчислялось десятками стволов (как трофейного происхождения, так и турецкого и западноевропейского литья). Отчасти, это проистекало от постоянной нехватки боеприпасов и отсутствия опытных канониров. С другой стороны, это объясняется укоренившимися представлениями о “правильном бое”, исход которого зависит только от личного мужества его участников и их искусства владения традиционным набором вооружения (главным образом — холодного). Артиллерия для адыгов — далеко не всегда просто оружие. Порою знаковость имеющейся артиллерии перевешивает возможности ее боевого применения. Чаще она — знак могущества ее обладателя, символ связи ее хозяина с иностранными державами, предмет гордости целого селения и общества, испытанный способ (возя пушку по аулам) привлечь к себе сторонников.

Порядок комплектования армии у адыгов зависел от нескольких факторов: социальной базы обществ, выставлявших военные контингенты, уровня консолидации адыгского социума (усложнявшей структуру армии и приводившей к большей упорядоченности), целей и задач, ставившихся перед войском.

В княжествах военная организация была построена в соответствии с иерархической системой феодального вассалитета и патроната. Согласно принципу вассальной мобили-

зации, каждый знатный вассал в случае военной необходимости приводил к своему сюзерену собственную дворянскую дружину.

Характеризуя основополагающий принцип военной организации адыгов, Э. Спенсер отмечал, что если аристократ низшего ранга “откажется повиноваться вызову, чтобы защитить свою страну, или предоставить вождю долю требуемых солдат, эти действия считают равносильными восстанию против власти” (292, с.123).

По словам Я. Потоцкого, организационные принципы зависели от вида предполагаемой военной акции: “если князь отправляется в разбойничий набег, это держится в тайне, и его дворяне не обязаны его сопровождать; но если он идет на войну, его дворяне следуют за ним и обязаны отдавать за него жизнь, если потребуется; если они не поступят таким образом, они будут считаться обесчещенными” (4, с.227).

В княжеских образованиях феодальной Черкесии право ношения оружия и ведения военного образа жизни принадлежало дворянству. Лишенные этой привилегии “крестьяне берутся иногда в поход в случае нужды и для умножения числа воинов… но за неимением исправного оружия и навыка употреблять оное, они не могут быть почитаемы за настоящих воинов” (55, с.174), - писал в начале XIX в. С. Броневский. Согласно описанию Осипова (начало 1830-х гг.), “вообще во всех горских племенах, управляемых князьями, чернь не приглашается во время военных действий, а оная должна находиться при их семействах и имуществах, почему военных людей находится у сих народов менее против числа домов...” (РГВИА, ф.13454, оп.2, д.637, л.4об). В Кабарде лишь в экстренных случаях к участию в военных действиях привлекалась категория тлхукошао. Характеризуя распределение военных функций в княжеских владениях Черкесии в целом, К. Пейсонель отмечал, что князья и дворянство “одни имеют право носить оружие или иметь его у себя; это воспрещается всем подданным сервам. С тех пор как знатный стал беем (верховным князем – Ред.), его единственная забота обеспечить себя достаточным количеством оружия для вооружения всех подданных его владения; когда он идет на войну, все кулы (крепостные – Ред.), которые должны за ним следовать, приходят к нему за луками, стрелами, саблями, ружьями и пистолетами, по их возвращении они приносят на склад оружие, которое взяли…” (4, с.201). В конце XVIII в. Я. Потоцкий отметил: “Крестьяне совершенно не имеют права носить кольчугу, колчан и стрелы, на войну они отправляются в повозках и сражаются пешком” (4, с.227).

В то же время стоит отметить, что подобные запреты неукоснительно соблюдались только в Кабарде, где процесс закрепощения крестьян шел очень быстрыми темпами. Свободные крестьяне закубанских княжеств обладали гораздо большими правами в военной сфере. К тому же широкомасштабные столкновения Кавказской войны потребовали значительного усиления военной организации и в случае необходимости (а она возникала все чаще) дворянское войско стало дополняться ополчением, состоящим из свободных крестьян.

Источники XVIII – первой половины XIX в. выделяют несколько основных отличий “аристократической” и “крестьянской” военной культуры: 1) профессионализм и непрофессионализм их воинских навыков; 2) конный и пеший характер воинской организации, которые не смешивались даже в походном движении; 3) следование определенному воинскому порядку и соблюдение этических норм в боевых действиях, обеспечивающее им должную репутацию, и отсутствие таковых. Сравнивая состояние военной дисциплины различных черкесских обществ, Хан-Гирей писал: “…в войсках, состоящих из воинов, собранных в княжеских владениях, более бывает порядка, нежели в войсках, составленных из племен, имеющих народное правление” (331, с.287). Однако эти различия в основном были заметны во время движения войска к намеченной цели. Непосредственно в военных действиях нарушалась даже видимость порядка: “исчезают все распоряжения в войске черкесском”(331, с.288),- замечал адыгский историк. Причем объяснение этому он находил в силе предрассудка, распространенного среди адыгского дворянства, “будто бы славнее сражаться лично и оказывать храбрость, нежели… содействовать существеннее общему успеху” (331, с.288). Важно отметить, что такой образ мысли был характерен для аристократии большинства феодальных обществ мира, в том числе и средневековой Западной Европы;

4) мотивация воинского усердия и стремления к обладанию трофеем. Среди князей и дворян преобладала установка на добычу для славы с тем, чтобы по возвращении иметь возможность прослыть не только удачливым, но и щедрым воином. Воюющее крестьянство отличал прежде всего материальный интерес. При этом надо учитывать, что, характеризуя крестьянскую военную культуру, даже такой информированный автор, как Хан-Гирей, не преодолел предрассудков, свойственных представителям адыгской аристократии по отношению ко многим проявлениям простонародной культуры.

У горных адыгов Западной Черкесии, высшее дворянство которых в эпоху до “демократического переворота” обладало политическими и военными прерогативами, сравнимыми с княжескими, в прошлом, несомненно, определенное применение находила система вассалитета.

Однако уже с конца XVIII в. основным принципом комплектования армии становится территориальный. Отряды из патронимических поселков и полигенных аулов сводились в более крупные подразделения (отдельных ущелий, речных долин и т.д. вплоть до общесубэтнического уровня). Преобразования административно-политической системы, начавшиеся у горных адыгов с конца 1840-х гг., отразились и на способе комплектования армии, в основу которого был положен территориальный принцип набора — от каждых 10 и 100 дворов. При этом на всех этапах реформы (от Адагума до Великого Меджлиса) предпринимались попытки создания постоянно действующих подразделений жандармско-полицейского и военного характера (муртазаков). Остальное население могло быть призвано в случае необходимости по решению народных собраний — от 1 человека с каждого участка до всеобщей мобилизации. Так, например, Великий Меджлис, первоначально располагавший только 5-ю всадниками “от каждых 100 дымов”, при нарастании военной угрозы в кратчайший срок собрал “15000 самых отборных всадников” (АКАК, т.XII, с.923). Расширению социальной базы армии способствовало принятие Дефтера 1841 г., защищавшего права хаджиретов — “мирных беглых черкесов” в случае их ухода в горы. Переселение равнинных адыгов с целью политической и военной консолидации в 1840-50-х гг. практиковали и наибы Шамиля. Вливались в состав адыгской армии и беглые военнослужащие царских войск (русские и поляки). Параллельно со строительством армии развивалась и налоговая система, значительная часть поступлений которой шла на содержание регулярных войск. Все это свидетельствовало о попытках реформирования традиционной военной культуры и создания регулярной армии, способной оказывать эффективное сопротивление царским войскам.

Вышеописанные способы комплектования войск были характерны в основном для условий военного времени, когда те или иные общества адыгов находились в состоянии внутреннего конфликта или войны с другими державами (например, с Крымом или Россией) и их армии собирались по решению органов власти. В то же время ни законами вассалитета, ни родовыми и территориальными органами власти адыгским воинам не возбра-

нялось (за исключением прямых запретов хасы) в условиях мира пополнять воинские контингенты своих соседей или участвовать в акциях локального характера (вроде набегов на кордонные линии). В последнем случае под знамена прославленных гъуазэ (предводителей) могли стекаться добровольцы со всей Черкесии. Параллельное существование наездническихпартий и крупных войсковых контингентов (а порою и поглощение первых вторыми) свидетельствует о действенности обоих способов комплектации войск до самого конца Кавказской войны.

Наездничество, являвшееся особой частью военной культуры адыгов, заслуживает отдельного разговора. Наездничество возводилось господствующими сословиями до уровня аристократического искусства, неумелое владение которым было чревато позором. Более того, аристократия осознавала его как необходимую часть воинских навыков, которым учились с детства у аталыков.

Участие в наездничестве являлось необходимым в молодые и зрелые годы этапом социализации всех дворян и особенно высшей аристократии, поскольку, по действующим в адыгской среде представлениям, “князь не делающий… набегов, не может быть и князем” (332, с.214). Не случайно, в разгар войны на Северо-западном Кавказе, князья, которые прекращали сопротивление, быстро утрачивали и политическое влияние среди соотечественников (293, с.148). По существу, участие в наездничестве рассматривалось аристократией как смысл жизни, своеобразное мерило их социальной значимости, пренебрежение которым было чревато падением общественного авторитета.

Наездничество могло осуществляться в форме продолжительных многомесячных походов в дальние страны (Крым, Малую Азию, Закавказье, донские и заволжские степи). Примером типичного дальнего *зекIо* является крымская экспедиция кабардинцев во главе с князем Таусултаном, совершенная в первой половине XVI в. и прославленная в “Песне о Бахчисарайском походе”. По мере строительства российских кордонных линий, со всех сторон опоясывающих воюющую Черкесию, такие дальние походы становились все более редкими.

Иной формой *зекIо* были сезонные краткосрочные походы, осуществлявшиеся весной и осенью, которые Хан-Гирей называет “наездническими” сезонами (330, с.252). В эти периоды времени князья и дворяне перебирались во временные лагеря-коши, откуда группы всадников рассылались во все концы Черкесии и на сопредельные с ней территории. Параллельно осуществлялась охрана своих крестьян, работающих в поле, от чужих партий наездников.

В отличие от военных “действий большими силами”, традиционная организация наезднических экспедиций окружалась таинственностью. “Чтобы помешать вторжению в круг их интересов непосвященных” (4, с.495), ее участники разговаривали на особенных “тайных языках”. В лагере наездников соблюдались своеобразные обычаи избегания между кровными врагами и родственниками, использовалась маскарадная атрибутика, которая подчеркивала анонимность присутствующих. Таким образом, иногда даже и князья оставались не узнанными, пренебрегая полагающейся их персонам неприкосновенностью.

Для дворянской молодежи период пребывания в лагере являлся временем приобщения к элитарной культуре — освоения дворянского этикета, ораторского искусства, наездническо фольклора. Иная, военная составляющая этой культуры открывалась им с момента первых походов и сводилась к совершенствованию владения оружием и отработке тактических приемов наездничества (прежде всего — скрытного передвижения, внезапного нападения и стремительного отхода). Немаловажным было и усвоение ими рыцарского кодекса чести, строго регламентировавшего поведение наездников во время похода.

Основным побудительным мотивом таких походов являлось приобретение репутации храброго и удачливого наездника. Чем продолжительнее и опаснее был поход, тем большей была слава его участников. Захват добычи (пленных, лошадей, скота, оружия и проч.) не был самоцелью и не способствовал накоплению материальных благ, поскольку в соответствии с идеологией рыцарского аскетизма, практически все привезенное наездниками из похода щедро раздаривалось ими родственникам, друзьям, неимущим членам общины, что в конечном счете также работало на создание образа идеального героя.

Особое место в этнической памяти адыгов занимали имена прославленных предводителей (гъуазэ): кабардинцев Кучука Аджигериева и Магомета Атажукина, шапсуга Казбича Шеретлукова, абадзеха Али Харцизова и др. Лидер, на время похода приобретавший чрезвычайные полномочия (вплоть до предания провинившихся смерти), в случае неудачи должен был разделить злосчастную судьбу своего отряда и “скорее погибнуть, чем бежать, оставив партию. Так погиб Магомет-Аш в 1846 году, хотя мог уйти один” (293, с.141).

В заключение следует отметить, что институт наездничества успешно выполнял возложенные на него обществом функции, представляя собой уникальную систему воинского воспитания, являясь важным механизмом поддержания военной мобильности адыгского общества, что в конечном итоге способствовало сохранению национальной независимости. Особенно ярко это проявилось в годы Кавказской войны, когда приемы, отработанные в ходе *зекIо*, стали основой адыгской тактики ведения боевых действий. Скоротечные

набеги наездников, не предполагавшие захвата территории противника и закрепления позиций, не позволяли царским генералам навязать адыгам генеральное сражение и нанести их военным силам окончательное поражение (203, с.43,309).

В эпоху “классической” Черкесии руководство военными силами у адыгов было тесно сопряжено с политическим лидерством и находилось в руках дворянства, представлявшего собой сословие профессиональных военных. Однако впоследствии аристократии удалось сохранить свои позиции в сфере военного лидерства только в княжествах, где верховными главнокомандующими до самого конца Кавказской войны оставались старшие представители правящих династий. У горных же адыгов, несмотря на отстранение от власти и постепенное вытеснение из активной политической жизни, дворянство “демократов” сумело длительное время удерживать руководство вооруженными силами в своих руках. Формально пост военачальника мог занять любой человек независимо от сословного статуса, обладавший “военным опытом и храбростью” (184, с.166), но реально на него могли претендовать только профессиональные воины — дворяне. Так продолжалось до середины 1840-х годов, когда на смену дворянству “демократических” адыгов начинают приходить незнатные командиры, выросшие на войне и к этому времени приобретшие значительный опыт борьбы с российскими войсками.

Согласно представлениям адыгов, непременным качеством военного лидера являлось его личное участие в бою, сопровождавшееся постоянной демонстрацией мужества и храбрости. По словам С. Броневского, “князья подают собою пример неустрашимости, находясь всегда там, где предстоит опасность, и, вменяя себе в бесчестие, если бы случилось простому воину или узденю превзойти своего князя храбрыми подвигами” (55, с.183). Идеальный военный лидер, по мнению адыгов, имел сакральные черты — его не оставляла удача, хранила судьба. С гибелью вождя в бою военная акция, как правило, прекращалась. Но даже после своей смерти он мог влиять на исход сражений (как Казбич Шеретлуков, по уверениям адыгских наездников, в трудные минуты боя являясь “на белом коне и в белой одежде”) (332, с.236), а могила павшего предводителя становилась объектом всеобщего поклонения и нередко наделялась сверхъестественными способностями.

На время походов, совершаемых по инициативе отдельных лидеров, они же являлись и главными распорядителями: “те старшины, которые собрали войско, собою составляют и вождей” (330, с.306). При организации военного похода по решению хасы вождь избирался на военном совете; кроме него назначались, как правило, начальники родов войск, а также командиры подразделений.

Несмотря на то, что во время военного похода избранный вождь располагал весьма значительной властью (по некоторым свидетельствам, вплоть до смертной казни провинившихся), до конца собрания его голос выслушивался наравне со всеми желающими и требовалось немалое красноречие для отстаивания своей точки зрения на предстоящую операцию. В то же время потенциальный лидер не мог абсолютно игнорировать желания и настроение основной массы вождей и рядовых участников. В этом состояла обратная связь военного лидера и народа в условиях адыгской демократии.

Авторитарные методы руководства, привнесенные наибами Шамиля и особенно Мухаммед-Амином, значительно подорвали демократический принцип выборности вождя.

Основными родами войск у адыгов эпохи средневековья являлись конница и пехота. Наибольшее развитие тяжеловооруженная панцирная кавалерия получила у равнинных адыгов, ею славились княжеско-дворянские дружины. Обитатели гор и предгорий преимущественно сражались в пешем строю, что объясняется главным образом сильно пересеченным рельефом местности. Тем не менее любой адыг независимо от места жительства и сословного статуса старался приобрести коня из соображений престижности и участвовать в дальних походах непременно верхом.

К числу родов войск, появившихся в ходе Кавказской войны, следует отнести артиллерию и морской флот. Артиллерия использовалась адыгами эпизодически, главным образом для обстрела российских укреплений и для прикрытия наиболее уязвимых пунктов черноморского побережья. Известные адыгам со времен меотской эпохи легкие парусно-гребные галеры (“камары” античных авторов), обладали хорошими мореходными качествами и были способны вмещать по несколько десятков человек. Небольшие флотилии таких лодок, ранее применявшиеся в основном для торговых целей и пиратства, с установлением морской блокады Западной Черкесии стали использоваться для нападения на российские военные суда и базировавшиеся в укреплениях ладьи азовских казаков. С помощью галер поддерживалась связь между различными пунктами побережья, осуществлялась переброска военных грузов и живой силы.

Немаловажно, что данная специализация по роду войск была весьма условна, ввиду чего любой моряк или артиллерист при необходимости мог сражаться в пехоте, так же как и каждый всадник умел воевать в пешем строю. Особый институт походной пищи и принцип самообеспечения делали ненужной интендантскую службу (исключением являлись наиболее длительные военные предприятия). Индивидуальные навыки адыгских воинов в деле преодоления рек и других преград, а также в штурме крепостей препятствовали

оформлению особой службы инженерного обеспечения. Единственным исключением является, пожалуй, сфера военной медицины в силу ее узкой специализации.

Военно-стратегические задачи, стоявшие перед вооруженными силами исторических областей Черкесии в периоды их политического единства, были продиктованы комплексом представлений адыгов о целях и характере возможной войны. Краеугольным камнем адыгской военной доктрины являлось сохранение политической независимости страны.

В случае неудачи мирных переговоров основной вид стратегических действий избирался в соответствии с военно-политической обстановкой и мог меняться в зависимости от ситуации. Так, например, активная оборона, которой западные адыги главным образом придерживались с начала 1830-х гг. и препятствовавшая российскому проникновению вглубь Черкесии, все чаще сменяется наступательными действиями — нанесением ударов по российским укреплениям и поселениям как на территории Закубанья, так и вне его пределов с целью прорыва блокады, недопущения казачьей колонизации адыгских земель, уничтожения опорных пунктов и живой силы противника.

Характерной особенностью военного искусства адыгов являлось сосредоточение сил на важнейших стратегических направлениях и выбор слабейшего звена в обороне противника. Так, в 1840 г. с целью прорыва блокады Черкесии были атакованы укрепления Черноморской береговой линии, сами к тому времени находившиеся практически в полной изоляции. Широкомасштабные наступления, требовавшие колоссальных усилий и четкой координации, были не столь часты. Таково было контрнаступление лета 1862 г., когда воинскими контингентами Великого Меджлиса был нанесен целый ряд комбинированных ударов: убыхи, перешедшие на северный склон Кавказского хребта, вместе с абадзехами атаковали укрепления и станицы в тылу передовых линий; шапсуги вторглись в уже потерянный Натухай, штурмовали крепости в самой Шапсугии; нападению подверглись и станицы в самой Черномории; вся хозяйственная жизнь закубанских колонистов была практически парализована (332, с.105-107; АКАК, т.XII, с.1004,1018). Это было последнее напряжение сил независимой Черкесии, которое, тем не менее, на некоторое время сумело установить паритет сил, связав почти 300-тысячную группировку российских сил, сосредоточенную на Северо-Западном Кавказе.

Боевые действия периода Кавказской войны наглядно продемонстрировали не только стратегическое искусство, но и все богатство тактических возможностей адыгов. Перед началом военной операции осуществлялся комплекс мероприятий разведывательного характера. В то же время предпринимались все возможные меры для сохранения собственных военных планов в тайне от противника. С целью сосредоточения военных сил вблизи

места ожидаемого боевого соприкосновения с противником создавался военный лагерь, где проходил военный совет и откуда, разделяясь на авангард, основные силы и боевое охранение, выдвигались войска. Стратегическое сосредоточение и развертывание войск стало более эффективным с появлением в Западной Черкесии с 1840-х гг. системы мехкеме — административных и военно-политических центров. При планировании военной операции сбор войскам теперь назначался в мехкеме, ближайших к избранной цели выступления. Управление войсками в бою осуществлялось рассылкой гонцов и подачей условных сигналов, в т.ч. — положением знамен.

Тактические приемы ведения боевых действий, использовавшиеся адыгами, были на протяжении столетий многократно апробированы в условиях “малой” (партизанской) войны — единственно возможного способа борьбы с превосходящими силами противника в условиях как степной Кабарды, так и (особенно!) горно-лесного Закубанья. Осуществлению крупных военных операций препятствовала и политическая дезинтеграция, характерная для феодальной Черкесии XVI — первой половины XIX вв. Так, К.Ф. Сталь писал, что “закубанские черкесы, привыкнув к политической раздельности, не подчинены одной власти, одному князю из своих и потому более способны к набегу небольшими силами, чем к правильной войне” (293, с.140).

На равнине, в обезлесенной местности, адыги предпочитали использовать конницу, в условиях пересеченного ландшафта возрастала роль пехоты. В оборонительном бою адыги придерживались рассыпного строя, позволявшего свести к минимуму потери от ружейного и (в особенности) артиллерийского огня противника; при этом максимально использовались особенности рельефа, местные укрытия. Основным оружием являлось огнестрельное, эффективность которого была обеспечена сочетанием стрелковой подготовки адыгских воинов, высокой скоростью перезарядки и прекрасными тактико-техническими данными нарезных винтовок. При контратаках и преследовании отступающего врага боевые порядки адыгов становились более слитными. При этом посредством огневого контакта адыги стремились ошеломить противника, расстроить его боевые порядки и довершить разгром внезапным ударом холодным оружием. Подобная тактика неоднократно описана в российских источниках: “Вступили в лес, — и лес, будто очарованный, ожил. Каждый куст, каждое дерево, каждый камень грозят смертью. Людей не видно; слышны только выстрелы, вырывающие из фронта солдат. Не знаешь, как силен неприятель; но избави Бог смутиться хотя на мгновение! Враг из-за кустов зорко следит за этим. Шашки вон — и тогда от роты обыкновенно не оставалось ничего, — так быстры и решительны бывали в таких случаях натиски горцев...” (101, с.391).

Наступательные операции требовали максимальной концентрации сил в месте наносимого удара, которая достигалась у адыгов использованием сомкнутого строя (нисколько, впрочем, не означавшего отказа от индивидуальных поединков). Доминантой наступательного боя адыгов был конный “удар в шашки”, устоять против которого не могла никакая кавалерия, в т.ч. и казачья: “С первого раза казачья конница должна была уступить коннице черкесской и потом никогда уже не была в состоянии взять над ней преимущество, ни даже поравняться с нею” (113, с.110).

Гибкость адыгской тактики обуславливала и подвижность, текучесть боевого построения. Так, при неудачной атаке, попав под артиллерийский обстрел, сомкнутый строй адыгской конницы стремительно “рассыпался”, чтобы тут же, закрепившись на оборонительном рубеже, предпринять контратаку. Подобному переходу из одного состояния в другое соответствовала и отработанная последовательность применения оружия в бою: “В деле черкес наскакивает на своего противника с плетью в руке; шагах в двадцати выхватывает из чехла ружье, делает выстрел, перекидывает ружье через плечо, обнажает шашку и рубит; или, быстро поворотив лошадь, уходит назад и на скаку заряжает ружье для вторичного выстрела” (305, с.213). Один-два пистолета, входившие в состав экипировки адыгских воинов, являлись оружием ближнего боя, при переходе к рукопашному бою использовались кинжалы.

К числу излюбленных приемов адыгов относилась тактика ложного отступления с последующей контратакой или с наведением на засаду. Тщательно отрабатывался и широко использовался адыгскими кавалеристами и прием “шыу кIапсэ” (от адыг. “шыу” — всадник и “кIапсэ” — веревка), согласно которому всадник, уходя от погони, растягивал преследователей в цепь, а затем, внезапно разворачивая хорошо тренированного коня, поочередно расправлялся с противниками.

В эпоху Кавказской войны продолжала существовать древняя традиция вызова противника на единоборство, память о которой сохранялась у адыгов во множестве фольклорных текстов. Естественно, что такие эпизоды в значительной степени утратили сакральный характер и воюющие стороны уже не ставили исход сражения или всей военной кампании в зависимость от исхода таких поединков, как в эпоху легендарного противоборства Мстислава и Редеди. Вызов на рыцарскую дуэль при столкновениях адыгов и казаков теперь означал готовность испытать свою личную судьбу, блеснуть воинским умением.

Несомненной новинкой в тактике адыгов стали массовые атаки российских укреплений. Эти акции явились своеобразной демонстрацией всего арсенала тактических возмож-

ностей и военных приемов адыгов. Так, в 1840 г. в результате внезапного штурма были взяты четыре укрепления (Лазарева, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское). При этом имело место скрытное накапливание сил у самого укрепления в ночь перед атакой, которая следовала перед рассветом либо на заре, с соблюдением полной тишины до момента обнаружения наступающих часовыми. Удар наносился по самым уязвимым местам укрепления, а при отсутствии таковых атака производилась с трех или четырех сторон одновременно. При этом использовались всевозможные подручные средства для преодоления (заваливания) крепостного рва и подъема на бруствер: лестницы, веревки, крючья, связки хвороста и кольев.

Как видим, для адыгов был характерен исключительно высокий уровень военного искусства, позволявший Черкесии на протяжении столетий успешно отстаивать свою независимость и обеспечивавший политическое доминирование в регионе. Даже в условиях жесточайшего прессинга со стороны России адыгская культура войны обеспечила максимально возможную длительность сопротивления в ходе столетнего противостояния с империей.

Постепенный и необратимый упадок военной составляющей адыгской культуры приходится на послевоенный период.

Утрата политической независимости подорвала основной побудительный мотив, во имя которого веками генерировалась военная культура. Крах феодальной системы разрушил блистательную аристократическую субкультуру, являвшуюся основой военной организации и проводником рыцарской идеи. Были ликвидированы институты, прежде воспроизводившие военную традицию — аталычество и наездничество. В условиях деформации рыцарской идеи, некогда облагораживавшей силовые акции дворянства, наездничество постепенно вырождается в примитивные грабежи и конокрадство.

Данные процессы многократно ускорялись и политикой России, прямо или косвенно направленной на всемерную демилитаризацию адыгского общества. Ожесточенное столетнее противостояние и неизжитый негативный стереотип “вчерашнего врага” делали адыгов ненадежным народом в глазах российской администрации. Из опасения возможных выступлений адыги, как и другие народы Северного Кавказа, были разоружены и на военную службу не призывались. Право ношения оружия было сохранено только за теми, кто изначально связал свою жизнь с российской армией — как правило, это были офицеры дворянского происхождения, пытавшиеся таким образом компенсировать утрату прежнего привилегированного феодального статуса.

В данной ситуации для подавляющего большинства адыгов сфера бытования военной культуры постепенно переместилась из прикладной в идеологическую плоскость. Она сохранялась в передаваемых по наследству коллекциях военных аксессуаров, отчасти в декоративных элементах национальной мужской одежды, фольклорных интерпретациях и воспоминаниях о славном прошлом адыгского рыцарства.

Глава 7. Народные знания

7.1. Астрономия

Древнейшие астрономические представления адыгов опирались на наблюдения небесных тел, что позволило им создать достаточно точный календарь, определить даты зимнего и летнего солнцестояния и весеннего и осеннего равноденствия, к которым были приурочены соответствующие религиозные обряды и празднества, а также важнейшие этапы сельскохозяйственного цикла.

Так, по данным А.Т. Шортанова, появление на небе определенных созвездий и отдельных, наиболее ярких, звезд предвещало начало или окончание пастбищного периода, вывоза с лугов скошенного сена, весенне-полевых работ и т.д. (356, с.37-39)

Астрономические знания оказались востребованы и в силу специфического военного образа жизни адыгов, и, в частности — ввиду существования института дальних походов (зекIо). Успех подобных военных акций в значительной мере зависел от опыта и знаний лидеров, возглавлявших наезднические группы в странствиях далеко за пределами Черкесии.

Одной из непременных обязанностей таких предводителей (гъуазэ) являлась четкая ориентация в пространстве, вследствие чего “суеверие народа почитало их людьми, имеющими связи с мнимыми духами, не постигая того, что эти вожатые со тщением наблюдали небесные светила”, — писал Хан-Гирей (330, с.110). Видимо, знания в области практической (военной) астрономии относились к сфере сакрального, тайного знания, тщательно оберегались вождями и не были доступны рядовым участникам походов.

После завоевания Северо-Западного Кавказа, российское командование приступило к разоружению и планомерной демилитаризации адыгского общества, закономерным итогом чего стало уничтожение целого пласта традиций, связанных с культурой ведения войны.

Параллельно шел процесс разрушения адыгской традиционной метрологии и привязки хозяйственного цикла к русскому календарю, в силу чего стала утрачиваться некогда жесткая привязка небесных объектов к его основным этапам.

Возможно, что именно этим разрывом культурной преемственности объясняется относительно малое число зафиксированных космонимов (особенно — у западных адыгов). При этом только некоторые термины совпадают: “Шъэфылъ жъуагъу” или “Шъэфылъ гъогу”/“Шыхулъагъуэ” (Млечный путь), созвездия “Жъогъо зэшыбл”/“Вагъуэзэшибл” (Большая Медведица). По-разному называются Полярная звезда — “Темыр къэзэкъ” / “Ищхъэрэ вагъуэ”, Орион — “Жъогобын” / “КIапсэкIэщI вагъуэ”(Пояс Ориона).

Целый ряд понятий сохранился только в кабардинском варианте: ВагъуэкIапсэ (Андромеда), Вагъуэбаш (Волосы Вероники), Вагъуэбэ (Дельфин), Дэжыгвагъуэ (Лира), Вагъуэ дэмэкъуэ (Малый Пес), Вагъуэ хьэлывэ (Северная Корона) и др.; планеты Марс, Юпитер и Сатурн именовались “Вагъуэкъан”, Венера — “Нэхущвагъуэ” (356, с.37-39). В адыгейском варианте не имеют кабардинских аналогов Малая Медведица (“Жъогъо къашыкъ”) и Меркурий (“Дэчыгъ гъапцI”).

Существовали и понятия, обозначающие метеор и комету. Еще целый ряд сохранившихся космонимов не удается отождествить с конкретными небесными объектами (215, с.69-80).

Воздействие ислама привело к появлению нового астрономического термина “ахъшам жъуагъу” / “ахъшэм вагъуэ”, означавшего звезду, появление которой на вечернем небе возвещало начало трапезы во время уразы. Судя по всему, это был абстрактный термин, хотя ахъшам жъуагъу могла в разное время года отождествляться с наиболее яркими звездами (например, с Сириусом).

7.2. Метрология и хронология

Представления о пространстве и времени относятся к числу краеугольных компонентов, слагающих “картину мира” каждого этноса, причем способы их измерения (метрология и хронология) являются этнически специфичными.

Формирование адыгской ***метрологии*** было прежде всего продиктовано потребностями сельского хозяйства и ремесленного производства, домашнего быта, торговли и строительства. Система мер и весов была необходима и для четкой регламентации феодальных повинностей, “платы за кровь” и свадебных платежей.

Меры длины. В адыгской метрологии большие расстояния измерялись в днях пути конного или пешего перехода. В фольклоре встречаются и такие единицы измерения, как

“дальность полета пули” (или стрелы), “дальность человеческого крика”, “расстояние, на котором слышен звук выстрела”, “расстояние, на котором человеческий глаз уже не может различить детали”.

Линейные меры у адыгов (как микро-, так и макролинейные) имели главным образом антропометрическое происхождение, т.е. определялись размерами частей человеческого тела (98, с.6-8). Так, важнейшими из линейных мер (которых, по данным П.У. Аутлева и Т.Д. Алибердова, в источниках насчитывается несколько десятков) являлись (27, с.93-95):

* меры, определяемые шириной одного или нескольких сложенных вместе пальцев руки; наиболее распространенные: “залэ” (от адыг. “зы” — один) — ширина указательного пальца, “тIуалэ” (от адыг. “тIу” — два) — ширина указательного и среднего пальцев и т.д;
* “бжымы” — ширина кулака (7-8 см);
* “Iагущиз/Iэгущыз” (“Iагу” — ладонь, “щиз” — равный) — ширина ладони (около 10 см);
* “щэрэч” — малая пядь (расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами руки — около 20 см) и “бжи/бжьиз” — большая пядь (от большого пальца до мизинца — около 25 см);
* “лъэпэщиз/лъапэщыз” (“лъапэ” — конец ступни) — длина ступни (около 30 см);
* “Iантэгъу” / “IэфракIэ” (локоть) — расстояние от конца вытянутого среднего пальца до локтевого сустава (около 50 см);
* “тхьа” (рука) — расстояние от грудины до конца среднего пальца вытянутой в сторону руки (около 100 см);
* производные от роста человека (“лIыщиз”) — “по колено”, “по пояс”, “по грудь”, “по шею”.

Существовали и более крупные меры — “шъокIапс” (кожаная веревка) и “къорэгъ” (шест), длина которых в разных местностях могла варьироваться в пределах 4-6 м. В фольклоре кабардинцев такой мерой, равной 12-ти локтям, был “баш” (31, с.32).

Определенное распространение получили у адыгов и заимствованные у русских меры — аршин и сажень.

Меры площади у адыгов определялись величиной затрат труда при пахоте, севе и уборке урожая. Так, мера “цугъэуцу” (“цу” — вол, “гъэуцу” — остановка) представляла собой площадь, вспаханную восьмеркой волов до первой остановки, а “зымэфажъу” (“зы” — один, “мафэ” — день, “жъо” — вспаханный) — площадь, вспаханная за один день (5-7 тыс. кв. м). При первом занятии земли, на каждый двор отводили прямоугольный участок,

сторона которого определялась дальностью полета стрелы (100-150 м), а общая площадь при этом составляла 1-1,5 га.

Меры веса и объема в адыгской метрологии разделены не были. Минимальной мерой у адыгов являлась “Іэбжыб/Іэбжьыб” — пригоршня. Мерное применение имели чаши, ковши и короби, вмещавшие от 300 г. до 12 кг. Важнейшей единицей измерения была “матэ” (корзина, сапетка), вмещавшая 18 кг зерна. В свою очередь, 2-3 матэ приравнивались к одному кожаному бурдюку (“шъонт” или “лъап”). К более крупным мерам относились плетеные хранилища “тыу/ду” с емкостью заполнения в 4 матэ и “коны/гуэн”, равные 4 тыу или 16 матэ.

В качестве меры жидкостей могли выступать и упомянутые бурдюки, вмещавшие по 6-8 ведер.

Вследствие регулярных торговых отношений населения Северо-Западного Кавказа с Турцией и Крымом, а затем и с Россией, адыгская метрология была дополнена такими мерами веса, как окку (“окъо”), дирхем (“дыргъэм”) и фунт.

Адыгская ***хронология*** не имела какой-либо фиксированной отправной точки (вроде даты сотворения мира или Рождества Христова). Отдельные исторические события располагались на шкале времени относительно друг друга — “раньше” или “позже”. Взаимной привязке событий способствовали развитая генеалогия (особенно — княжеских родов), а также исторические предания и песни, которые еще в XIX в. позволили Ш. Ногмову выстроить законченную концепцию адыгской истории. Сравнительно небольшие отрезки времени адыги измеряли, используя в качестве точек отсчета природные и социальные катаклизмы — эпидемии, неурожаи, крупные сражения (вроде Бзиюкской битвы) и др.(330, с.108)

В основу исчисления времени у адыгов был положен смешанный солнечно-лунный календарь. Год (“илъэс”) начинался в день весеннего равноденствия 21 марта и состоял из 12-ти месяцев (“мазэ”) или четырех сезонов (“гъатхэ” — весна, “гъэмаф/гъэмахуэ” — лето, “бжыхьэ/бжьыхьэ” — осень и “кІымаф/щІымахуэ” — зима). Календарь являлся отражением связи человека с природой и хозяйственной деятельности адыгов, в силу чего каждый месяц получал название по основному роду занятий — например, май (“жъоныгъуакІ/вэныгъуэкІэ” — месяц пахоты), июнь (“мэкъуогъу/мэкъуауэгъуэ” — месяц сенокоса), сентябрь (“Іоныгъу/Іуэныгъуэ” — месяц уборки урожая) и т.д.

Адыгская неделя (“тхьаумаф/тхьэмахуэ”) состояла из семи дней, сутки (“мафэ/махуэ”) делились на четыре основные части — “пчэдыжь/пщэдджыжь” (утро), “ма-

фэ/махуэ” (день), “пчыхьэ/пщыхьэщхьэ” (вечер) и “чэщы/жэщ” (ночь), также подразделявшиеся на более короткие отрезки (31, с.34-35).

Важнейшими точками отсчета годового цикла, наряду с датой Нового года, являлись аграрные и скотоводческие празднества, совпадавшие с началом и (или) окончанием основных видов сельскохозяйственных работ.

Распространение у адыгов христианства резко увеличило число таких отметок на хронологической шкале, деливших год на короткие промежутки между многочисленными церковными праздниками и постами, часть которых по инерции отмечалась адыгами еще в середине XIX в. Влияние христианства многими исследователями прослеживается и в названии некоторых дней адыгской недели — среды (“бэрэскэжъый” или “малый пост”), пятницы (“бэрэскэшху” или “большой пост”) и воскресенья (“тхьэумаф” или “божий день”).

С принятием ислама произошло наложение арабской календарной системы на адыгскую, что привело к усложнению представлений о временных структурах. Это явление объясняется четкой временной регламентацией обрядовой практики ислама. Отныне сутки разделялись на пять отрезков — по числу молитв, и любые события теперь “привязывались” к определенному намазу, служившему точкой отсчета. Соблюдение адыгами мусульманского поста (уразы) обогатило их систему отсчета еще одним — священным лунным месяцем рамазан, который в отличие от 12-ти месяцев года, стабильно связанных с хозяйственным циклом, постоянно передвигался по солнечному календарю. Общепринятым явлением стало и перемещение конца недели с воскресенья на пятницу.

В то же время, иные арабские термины, означавшие дни недели, месяцы и эру (год хиджры), у адыгов не прижились. В своем полном, законченном виде, арабская система отсчета времени использовалась только адыгскими священнослужителями, причем главным образом — в переписке их друг с другом, а в годы Кавказской войны — с российским военным командованием, чиновниками и эмиссарами дружественных Черкесии держав.

После включения адыгов в состав Российской империи, в их сознание постепенно стала внедряться и российская календарная система, однако ее утверждение связано уже с последующим периодом.

М.Н. Губжоков

Д.Н. Прасолов

Х.М. Думанов

Ф.Х. Думанова